Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Ремизова Марита Сергеевна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, доцент
Федюнин Антон Евгеньевич

Саратов – 2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 21
1.1. Доказательство в российском уголовно-процессуальном праве 21
1.2. Допустимость как основной признак (свойство) доказательства: понятие и правовая характеристика 38
1.3. Эволюция института допустимости доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве в период с 1864 г. по настоящее время 66
ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 90
2.1. Принцип законности в уголовном судопроизводстве: его содержание и значение в формировании допустимых доказательств 90
2.2. Процесс доказывания как основа формирования допустимых доказательств в уголовном судопроизводстве 100
2.3. Элементы доказывания в уголовном судопроизводстве: содержание и взаимодействие 120
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ 151
3.1. Состязательность и равноправие сторон как гарантия допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве 151
3.2. Проблемы формирования допустимых доказательств защитником в состязательном процессе 172
3.3. Порядок заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми и рассмотрения их судом 194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 218
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ 232
ПРИЛОЖЕНИЯ 286
Приложение 1. Карта эволюции допустимости доказательств 286

Приложение 2. Карта эволюции существенных нарушений закона (с УУС 1864 г. до УПК РФ 2001 г.) 292
Приложение 3. Карта эволюции состязательности в уголовном судопроизводстве России 296
Приложение 4. Регламент получения, собирания и закрепления защитником доказательств при осуществлении им своих профессиональных обязанностей по уголовному делу 303
Приложение 5. Протокол получения защитником предметов, документов и иных сведений 305
Приложение 6. Протокол опроса лица с его согласия, проведенного защитником 306
Приложение 7. Предложения по совершенствованию законодательства 307
Приложение 8. Сравнительная таблица существенных нарушений закона по УПК РФ и постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 312
Приложение 9. Сводные данные о результатах изучения уголовных дел 314
Приложение 10. Анкета для опроса судей, адвокатов и прокуроров 315
Приложение 11. Результаты анкетирования практических работников 317

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В уголовно-процессуальном праве России положения о допустимости доказательств впервые появились в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС 1864 г., УУС). В разные исторические эпохи в зависимости от политического режима и уровня правосознания общества отношение к институту допустимости доказательств менялось. В настоящее время в ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации закреплен запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона. Однако Верховный Суд РФ занимает несколько иную позицию, считая, что не всякие, а только существенные нарушения норм уголовно-процессуального закона должны влечь признание доказательств недопустимыми.

Нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) о допустимости доказательств и существенности нарушений закона также создают правовую неопределенность, позволяя правоприменителям толковать соответствующие положения УПК РФ в зависимости от своего усмотрения. Данные проблемы усугубляются еще и тем, что конституционный принцип уголовного судопроизводства – состязательность сторон, включающий компонент равноправия и непосредственно связанный с процессом формирования допустимых доказательств, именно в части равноправия носит декларативный характер и не в полной мере реализуется на практике.

В частности, допускаемый действующим УПК РФ порядок разрешения судом ходатайств о признании доказательств недопустимыми путем вынесения протокольных постановлений (определений) без удаления в совещательную комнату не обеспечивает принятия законного, обоснованного и мотивированного решения, поскольку в такой форме суд не в состоянии оценить каждый довод ходатайства стороны защиты, текст которого может быть изложен на нескольких страницах.

В связи с этим актуальной и практически значимой является разработка теоретических основ формирования допустимых доказательств, которые позволят усовершенствовать механизмы реализации принципов законности и состязательности сторон защиты и обвинения в процессе доказывания, в частности при формировании допустимых доказательств, с учетом которых суд должен принимать решения о виновности или невиновности лица.

С момента принятия действующего УПК РФ прошло более двадцати лет, однако многие положения института допустимости доказательств, как и доказательственного права в целом, все еще являются предметом активных дискуссий среди ученых и практических работников. Это во многом связано с тем, что в уголовно-процессуальном законе отсутствуют научно обоснованные дефиниции таких правовых категорий, как допустимость, допустимое (недопустимое) доказательство, доказывание. Вызывают споры и основания признания доказательств недопустимыми. УПК РФ использует различные термины, относящиеся к допустимости: доказательства, полученные с нарушением федерального закона; недопустимые доказательства; доказательства, не имеющие юридической силы и т.д. Все это свидетельствует о необходимости выработки и нормативного закрепления единых базовых понятий, характеризующих институт допустимости доказательств.

Успешное решение данной задачи возможно путем применения методов категориально-системной методологии (далее – КСМ), которые позволяют строить модели правовых категорий и на их основе разрабатывать соответствующие дефиниции, выявляя необходимые и достаточные признаки (правовые характеристики) объектов исследования в виде дешифрующих категорий разного уровня. Применение данной методологии позволяет обогатить категориально-понятийный аппарат базовых юридических терминов института допустимости доказательств, устранить несоответствие между теоретической основой доказательственной деятельности и практикой ее осуществления.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемам допустимости доказательств в уголовно-процессуальной науке всегда уделялось большое внимание. В дореволюционный период они были предметом исследований таких известных российских правоведов, как М.В. Духовской, В.К. Случевский, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий, А.Ф. Кони. В советский и постсоветский период сущность доказательств, их свойства изучали А.В. Агутин, В.Д. Арсеньев, Р.С. Белкин, Т.Г. Бородинова, Л.В. Брусницын, В.М. Быков, О.Л. Васильев, А.М. Васяев, С.И. Викторский, А.И. Винберг, Л.Е. Владимиров, И.О. Воскобойник, А.Я. Вышинский, Ю.П. Гармаев, О.В. Гладышева, Г.Ф. Горский, В.Н. Григорьев, А.А. Давлетов, Н.Н. Давыдова, Т.Ю. Денисова, А.М. Долгов, Р.Г. Домбровский, Н.В. Жогин, З.З. Зинатуллин, И.А. Зинченко, В.В. Золотых, И.А. Иовин, Ц.М. Каз, К.Б. Калиновский, Л.М. Карнеева, Л.Д. Кокорев, В.В. Конин, И.В. Копейкина, Р.В. Костенко, Ф.М. Кудин, А.В. Кудрявцева, Н.П. Кузнецов, Е.Э. Курзинер, С.В. Курылев, А.А. Кухта, В.А. Лазарева, Х.М. Лукожев, П.А. Лупинская, Г.М. Миньковский, И.Б. Михайловская, Я.О. Мотовиловкер, С.А. Пашин, В.Ю. Петрикин, А.В. Победкин, Г.М. Резник, С.Б. Россинский, В.М. Савицкий, В.А. Семенцов, Г.И. Сибирцев, А.В. Смирнов, Ю.И. Стецовский, М.С. Строгович, А.И. Трусов, Г.Г. Турилов, Ф.Н. Фаткуллин, В.А. Цацуро, М.А. Чельцов, В.С. Шадрин, С.А. Шейфер, П.С. Элькинд, А.А. Эйсман, А.С. Яновский и многие другие ученые.

Проблемы теоретических и правовых основ формирования допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса стали предметом диссертационных исследований Н.М. Кипниса (1995 г.), В.А. Семенцова (1994 г.), В.И. Толмосова (2002 г.), В.В. Конина (2003 г.), А.В. Горбачева (2004 г.), В.С. Балакшина (2005 г.), Ю.А. Кожевниковой (2005 г.), В.И. Крупницкой (2005 г.), Е.В. Лариной (2005 г.), Н.И. Чистовой (2006 г.), Р.В. Костенко (2006 г.), Э.А. Меринова (2007 г.), К.И. Сутягина (2007 г.), М.А. Верещагиной (2008 г.), Н.М. Перетятько (2008 г.),

А.А. Зубарева (2010 г.), И.А. Арендаренко (2011 г.), И.А. Грудинина (2012 г.), Ю.Н. Зверевой (2015 г.), С.Б. Россинского (2015 г.), В.В. Терехина (2016 г.), М.Е. Кравченко (2017 г.), Р.Я. Мамедова (2017 г.), С.А. Сущенко (2020 г.), И.В. Каблуковой (2023 г.).

Несмотря на столь значительное количество научных работ, связанных с проблемами допустимости доказательств, до настоящего времени остались недостаточно разработанными вопросы категориально-понятийного аппарата института допустимости доказательств. Кроме того, ни в одной из предыдущих работ не были системно, комплексно рассмотрены проблемы неравенства сторон обвинения и защиты при собирании доказательств на стадии предварительного расследования, а также вопросы, связанные с процедурами формирования допустимых доказательств защитником.

Гипотеза исследования. В современном нормативно-правовом регулировании порядка доказывания имеются существенные недостатки, которые негативным образом сказываются на всем процессе формирования допустимых доказательств по уголовным делам. Гносеологическая основа учения о доказательствах и доказывании указывает на наличие взаимосвязи между допустимостью доказательств и необходимостью соблюдения равноправия сторон в рамках принципа состязательности. Однако эта связь не нашла реального воплощения в нормах доказательственного права. Отсутствие должного отражения компонента равноправия сторон, предусмотренного принципом состязательности, в сфере доказывания приводит к сложностям в формировании допустимых доказательств стороной защиты, которая ныне лишена реальной возможности не только оспаривать доказательства стороны обвинения, но и отстаивать собственную позицию.

Проблемы формирования допустимых доказательств в состязательном уголовном процессе могут быть решены при условии выработки единого подхода к определению требований к допустимости доказательств в условиях реализации принципа состязательности с учетом обеспечения равноправия сторон, создания правил, обеспечивающих формирование

допустимых доказательств при неукоснительном соблюдении прав и законных интересов стороны защиты, и совершенствования на этой основе действующего уголовно-процессуального законодательства.

Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в процессе формирования допустимых доказательств.

Предметом исследования выступают основанные на Конституции Российской Федерации нормы уголовно-процессуального закона и иных правовых актов, регламентирующие формирование допустимых доказательств, материалы следственно-судебной практики и сведения официальной статистики по изучаемой теме.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретических основ формирования допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса, включающих категориально-понятийный аппарат, соответствующие модели правовых категорий, а также научно обоснованные предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства в исследуемой сфере правоотношений.

Достижение указанной цели обусловило необходимость решения следующих **исследовательских задач**:

дать критический анализ терминологического аппарата, связанного с формированием допустимых доказательств в уголовном процессе: доказательства по уголовному делу; допустимости доказательств; допустимого (недопустимого) доказательства; доказывания и его элементов (собирания, формирования, проверки и оценки доказательств); принципа законности, принципа состязательности и равноправия сторон;

выявить основные характеристики терминологического аппарата института допустимости доказательств с использованием КСМ, разработать правовые модели формирования допустимого доказательства и его терминологической платформы, разработать универсальную модель взаимодействия элементов доказывания;

выявить нарушения закона, являющиеся существенными с точки зрения конституционного понимания допустимости, разработать и предложить для законодательного закрепления единый перечень существенных нарушений закона, допущенных при собирании и закреплении доказательств, являющихся основаниями для их признания недопустимыми;

проследить развитие института допустимости доказательств в России в разные исторические эпохи и на его основе дать критический анализ теоретических основ формирования допустимых доказательств и его законодательного закрепления;

разработать и составить карты эволюции допустимости доказательств, существенных нарушений закона, состязательности и равноправия сторон в уголовно-процессуальном доказывании, отражающие процесс развития указанных институтов, начиная с УУС 1864 г. до настоящего времени;

выявить возможные с практической и теоретической точек зрения пути устранения неравенства сторон при осуществлении уголовно-процессуального доказывания, разработать регламент порядка получения, собирания и закрепления доказательств защитником при осуществлении им своих профессиональных обязанностей по уголовному делу, а также формы процессуальных документов (протокол получения предметов защитником и протокол опроса защитником лиц с их согласия);

раскрыть проблемы, связанные с формированием допустимых доказательств защитником в состязательном уголовном процессе, порядком заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми, порядком рассмотрения судом ходатайств о признании доказательств недопустимыми;

обосновать и сформулировать предложения, направленные на совершенствование нормативно-правового регулирования процесса формирования допустимых доказательств в уголовном судопроизводстве.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых, посвященные проблемам формирования допустимых доказательств. Использовались также работы в области теории и истории государства

и права, конституционного права, уголовного права и иных отраслевых юридических наук.

Правовую основу исследования образуют нормы Конституции РФ, международных договоров РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и иных федеральных законов, связанные с объектом исследования. Изучены памятники отечественного уголовно-процессуального права дореволюционного и советского периодов. Подвергнуты анализу относящиеся к теме исследования правовые позиции, изложенные в актах Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Эмпирическая основа исследования включает:

результаты изучения материалов 215 уголовных дел, рассмотренных судами Кабардино-Балкарской Республики, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Ингушетия, Республики Северная Осетия-Алания, Чеченской Республики, включая те, по которым нами принято участие в качестве защитника, а также материалов опубликованной практики судов общей юрисдикции РФ за период с 2020 по 2024 гг.;

результаты проведенного в 2024 г. анкетирования 38 судей, 41 прокурора и 128 адвокатов, а также неформализованного интервьюирования 128 адвокатов, состоящих в реестре адвокатов Кабардино-Балкарской Республики;

результаты анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019 г. – первое полугодие 2024 г.

Методология исследования состоит в применении системы философских, общенаучных и специально-юридических способов познания, таких как диалектический, системный, анализ и синтез, формально-юридический, правовое моделирование, сравнительно-правовой, статистический и другие. В рамках историко-эволюционного подхода проведен ретроспективный анализ института допустимости доказательств, состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе, начиная

с 1864 г. до настоящего времени. Метод правового моделирования использован в процессе разработки рекомендаций по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства, относящихся к формированию допустимых доказательств.

Кроме того, при подготовке работы применена система методов КСМ, предложенных профессором философии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского В.И. Разумовым[1], с помощью которых были сконструированы модели юридических категорий объекта исследования, и на их основе построены соответствующие дефиниции базовых правовых категорий. В частности, использовались методы одноуровневой и двухуровневой триадической дешифровки, универсальная схема взаимодействия элементов в системе, метод формально-логического определения.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем с использованием методов категориально-системной методологии разработаны теоретические основы формирования допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса. В рамках проверки гипотезы исследования показана прямая связь между допустимостью доказательств и реализацией на практике принципа состязательности сторон с учетом их равноправия при формировании доказательств. Установлено, что принцип состязательности и равноправия сторон является гарантией формирования допустимых доказательств в уголовном судопроизводстве.

На основе построенных правовых моделей разработан научно-обоснованный понятийный аппарат, касающийся института допустимых доказательств в уголовном процессе: «доказательства по уголовному делу», «допустимость доказательств» в разных правовых значениях, «недопустимое доказательство по уголовному делу», «доказывание в уголовном процессе», структурные элементы доказывания, а также сформулированы сущностные

[1] См.: Боуш Г.Д., Разумов В.В. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: ИНФРА-М, 2021.

характеристики принципов законности, состязательности сторон, которые имеют концептуальное значение для эффективного функционирования института допустимости доказательств в современном уголовно-процессуальном праве и могут использоваться как для развития науки уголовного процесса, так и для совершенствования нормативно-правового содержания института доказывания.

Положения, выносимые на защиту:

1. В процессе формирования института допустимости доказательств условно можно выделить следующие исторические этапы:

1864-1923 гг. – период действия УУС 1864 г., в котором происходило зарождение и становление института допустимости доказательств;

1923-1960 гг. – период действия послереволюционного уголовно-процессуального законодательства, существовавшего в двух параллельных реальностях, когда одновременно действовали УПК РСФСР 1923 г. и законы чрезвычайного характера, основанные на революционной целесообразности;

1960-1991 гг. – период действия УПК, принятого 27 октября 1960 г.;

1991-2001 гг. – период реформирования УПК РСФСР 1960 г. Концепцией Судебной реформы 1991 г.;

с 2002 г. по настоящее время – введение в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который изначально позиционировался прогрессивным, правозащитным.

2. С помощью метода категориально-системной методологии (одноуровневой триадической дешифровки) сконструирована модель и на ее основе построено определение понятия «доказательство по уголовному делу», под которым понимаются сведения о фактах и событиях совершенного преступления, подтверждающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ, сформированные в установленном законом порядке сторонами - субъектами уголовно-процессуального доказывания в подтверждение своей правовой позиции по уголовному делу.

3. В правовой смысл термина «доказательство по уголовному делу» изначально заложено понятие допустимости. Следовательно, термин «допустимость» является некорректным по отношению к правовой категории «доказательство», поскольку если сведения являются доказательствами, то они априори должны быть допустимыми, полученными в соответствии с требованиями УПК РФ. В связи с этим представляется неправильным и противоестественным делить нарушения закона, допущенные при получении доказательств, на существенные и несущественные, поскольку, во-первых, таким делением нарушаются права участников уголовного судопроизводства, так как узаконенные судом доказательства, полученные с несущественным, но умышленным нарушением закона, могут быть положены в основу обвинительного приговора, а во-вторых, искажается смысл уголовно-процессуального закона и положений Конституции РФ, провозглашающих невозможность использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона. Вместе с тем в законе должны содержаться дефиниции правовых понятий «допустимость доказательства» и «недопустимое доказательство», что будет способствовать эффективной оценке доказательств, формированию четкого понимания, какое доказательство является недопустимым, а также исключит возможности оперирования доказательствами, полученными с нарушением закона при производстве по уголовному делу.

4. Примененная в ходе исследования категориально-системная методология позволила рассмотреть понятие «допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве России» в различных значениях и сформулировать соответствующие дефиниции:

как межотраслевой институт допустимость доказательств представляет собой совокупность норм права, регламентирующих порядок доказывания (собирание, проверку и оценку доказательств), гарантирующих соблюдение принципов законности и состязательности сторон с учетом их равноправия

при производстве по уголовному делу в целях принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения;

как свойство доказательства допустимость характеризуется такими критериями, как: надлежащий субъект формирования (получения) доказательства, наделенный соответствующими полномочиями по уголовному делу; надлежащий источник получения доказательства; четкое соблюдение установленного законом порядка получения доказательства; способность носителя доказательственной информации служить целям установления обстоятельств предмета доказывания, то есть быть фактически пригодным для принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения.

5. С помощью метода категориально-системной методологии (одноуровневая триадическая дешифровка) разработано понятие формирования доказательств по уголовному делу, которое определяется как познавательная деятельность субъекта доказывания, направленная на поиск, обнаружение и фиксацию сведений о фактах и событиях совершенного преступления, придание им необходимой процессуальной формы, а также установление соответствия их содержания фактическим обстоятельствам дела в целях принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения.

6. С помощью одного из методов категориально-системной методологии – формально-логического определения – сконструирована модель, на основе которой построена дефиниция принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве с учетом соблюдения их равноправия:

«Состязательное построение уголовного судопроизводства основано на разделении функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела и невозможности их осуществления одним и тем же лицом, а также на предоставлении и обеспечении участникам уголовного процесса, выступающим на стороне обвинения и защиты, равных прав и возможностей

для отстаивания своих интересов на всех этапах производства по уголовному делу, в том числе при формировании доказательств».

7. Процессуальное равенство требует, чтобы все материалы дела оценивались судом на основе их относимости, допустимости и достоверности независимо от того, кто их представил. Сведения, собранные защитником, должны иметь статус полноценного, допустимого доказательства по уголовному делу. Отказ в признании доказательств, собранных защитником, допустимыми, обесценивает роль стороны защиты и существенно ограничивает возможности по отстаиванию прав обвиняемого, превращает в формальность принципы состязательности и равноправия сторон, подрывает доверие к правосудию и может привести к ошибочным судебным решениям. УПК РФ необходимо дополнить нормами, регламентирующими порядок получения и оформления доказательств защитником. С этой целью разработаны: регламент порядка получения и закрепления защитником доказательств при осуществлении им своих профессиональных обязанностей по уголовному делу (приложение 4); форма протокола получения предметов, документов, иных сведений защитником (приложение 5); форма протокола опроса защитником лица с его согласия (приложение 6), которые соответствуют общим правилам собирания и закрепления доказательств, установленным УПК РФ.

8. В УПК РФ отсутствует регламентация порядка рассмотрения судом ходатайств о признании доказательств недопустимыми, что является существенным правовым пробелом, влекущим нарушение принципов законности и состязательности сторон. Принятие судом законного, обоснованного и мотивированного решения по итогам рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми возможно только после оценки судом доводов стороны, заявившей данное ходатайство, в совещательной комнате. Кроме того, необходимо законодательное закрепление порядка апелляционного обжалования постановления (определения) суда о разрешении ходатайств о признании доказательств

недопустимыми по правилам обжалования решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

9. В силу положения Конституции РФ о запрете обоснования судебных решений недопустимыми доказательствами в случае выявления в материалах уголовного дела сведений, не отвечающих требованиям допустимости, суд по собственной инициативе обязан в совещательной комнате при вынесении итогового процессуального решения признать их недопустимыми, даже если сторонами не было заявлено соответствующего ходатайства. Выполняя функцию разрешения уголовного дела, суд, не выступая ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, обеспечивает вынесение законного и обоснованного приговора с назначением справедливого наказания. Только такой подход в полной мере соответствует принципу законности, поскольку судебное решение, основанное на недопустимых доказательствах, является неправосудным.

Предложения по совершенствованию законодательства

В ходе диссертационного исследования разработаны предложения по совершенствованию норм действующего уголовно-процессуального законодательства, относящихся к формированию допустимых доказательств (полный текст приведен в приложении 7), что в значительной степени развивает положения, выносимые на защиту:

в качестве базовых юридических терминов закрепить в ст. 5 УПК РФ дефиниции понятий «доказательство», «допустимость доказательств», «недопустимое доказательство», «доказывание», включая определения всех элементов последнего (собирания, проверки и оценки доказательств);

дополнить перечень полномочий защитника (ч. 1 ст. 53 УПК РФ) указанием на его право провести опрос лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому защитник оказывает юридическую помощь;

дополнить перечень источников доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) указанием на протоколы, составленные защитником;

дополнить статью 75 УПК РФ частью 3, предусматривающей единый перечень существенных нарушений закона, допущенных при собирании и закреплении доказательств, являющихся основаниями для признания доказательств недопустимыми; в целях единообразного понимания существенности нарушений закона внести изменения также в статьи 226^{8}, 389^{15}, 389^{25}, 401^{15}, 412^{9} УПК РФ;

дополнить пункты 2 и 3 части 3 статьи 86 УПК РФ указанием на право защитника проводить опрос и истребовать документы, а также дополнить статью 86 УПК РФ частями 3^{1} и 3^{2}, в которых закрепить положения о доказательственной силе собранных защитником сведений и невозможности отказа в удовлетворении органами предварительного расследования ходатайств защитника о приобщении собранных доказательств к материалам уголовного дела;

привести часть 2 статьи 119 и статью 122 УПК РФ в соответствие со статьей 86 УПК РФ в предлагаемой нами редакции;

дополнить УПК РФ статьей 166^{1} «Протокол получения защитником предметов, документов и (или) иных сведений» и статьей 166^{2} «Протокол опроса лица с его согласия, проведенного защитником»;

дополнить части 1 и 8 статьи 235 и часть 1 статьи 271 УПК РФ положением об обязательной письменной форме ходатайств о признании доказательств недопустимыми и о распространении данных требований на стадию производства в суде первой инстанции;

в перечень судебных актов, выносимых в совещательной комнате, изложенный в ч. 2 ст. 256 УПК РФ, включить постановления (определения) о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми;

в перечень судебных постановлений, подлежащих апелляционному обжалованию (ч. 3 и 4 ст. 389^{2} УПК РФ), включить постановления (определения) о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми и дополнить положением о том, что при обжаловании судебного постановления по результатам рассмотрения ходатайств

о признании доказательств недопустимыми, производство по делу приостанавливается до рассмотрения жалобы судом апелляционной инстанции.

Теоретическая значимость результатов исследования. Сформулированные в работе научные положения, выводы и рекомендации развивают и обогащают теорию уголовно-процессуального права России, в том числе понятийно-категориальный аппарат доказательственного права, способствуют развитию общих положений уголовно-процессуальной теории, расширяют возможности дальнейших исследований в рассматриваемой области уголовно-процессуального права.

Проведенное исследование создает целостное представление о понятийно-категориальном аппарате в сфере формирования допустимых доказательств в состязательном уголовном процессе и выявляет приоритетные направления совершенствования действующего законодательства в рассматриваемой сфере правоотношений. В работе показано ключевое значение понимания базовых правовых категорий для обеспечения законного и справедливого разрешения уголовного дела на основе принципа состязательности сторон с учетом гарантий равноправия участников уголовного процесса.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов и предложений на уровне правотворческой деятельности, в правоприменительной практике, при преподавании дисциплин «Уголовный процесс», «Теория доказательств», «Доказывание в уголовном судопроизводстве» и других в рамках программ высшего юридического образования и программ дополнительного профессионального образования.

Изложенные в работе предложения по совершенствованию института доказывания и допустимости доказательств могут быть использованы при реформировании уголовно-процессуального законодательства, федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации», ведомственных нормативно-правовых актов, а также в рамках создания условий для обеспечения прав стороны защиты при производстве по уголовным делам.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется комплексным подходом, применением общих и специальных методов научного познания, выбор которых обусловлен целью и задачами исследования, сравнением имеющихся теоретических положений и сведений, полученных в ходе эмпирических исследований, обобщением правоприменительной практики, сопоставлением результатов проведенного исследования с положениями других научных исследований, научно-теоретическим аргументированием.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии и рекомендована ей к защите.

Основные выводы и положения, сформулированные в ходе исследования, представлены на научных мероприятиях всероссийского и международного уровней: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием в рамках Саратовского международного юридического форума «Контроль над преступностью и обеспечение прав личности как приоритеты современной уголовно-процессуальной политики» (Саратов, СГЮА, 2021 г.); XVII Международная научно-практическая конференция «Вопросы современных научных исследований» (Саратов, НОП «Цифровая наука», 2022 г.); X Юридические чтения «Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции» (Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2023 г.); XI Международная научно-практическая конференция «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика» (Севастополь-Симферополь, Севастопольский государственный университет, 2023 г.); V Международная научно-практическая конференция «Университетские правовые диалоги – University Law Dialogues» (Челябинск,

Южно-Уральский государственный университет, 2023 г.); XI Международный научный съезд российских и зарубежных ученых «Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях» (Москва, НОУ «Вектор науки», 2023 г.) и др.

Результаты исследования получили отражение в 15 научных статьях, 7 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах из перечня, утвержденного Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка используемых источников и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

1.1. Доказательство в российском уголовно-процессуальном праве

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве понятие «доказательство» имеет официальное закрепление. Однако данная нормативная дефиниция, по мнению многих ученых-процессуалистов, не в полной мере отражает сущность и правовую природу доказательства, поэтому в специальной литературе, посвященной проблемам осуществления доказательственной деятельности, предлагаются альтернативные варианты данного понятия[1]. По нашему мнению, для того, чтобы наиболее точно сконструировать дефиницию доказательства, отражающую его правовую сущность, необходимо разработать модель данной правовой категории.

Вопросы конструирования определений базовых юридических категорий являются весьма сложными, поскольку они должны быть максимально лаконичными и легитимными. Как утверждает французский ученый Ж.-Л. Бержель, «система юридических категорий позволяет устранить беспорядок и неопределенность фактов общественной жизни, поскольку при системном подходе, который предполагает ясные квалификационные критерии и определенные правила, они постигаются намного легче»[2]. А.М. Васильев подчеркивает, что «правовые категории

---

[1] См.: Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7; Очередин В.Т. Доказательства в уголовном процессе: сущность источники, способы собрания. М.: Юрлитинформ, 2008; Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учеб. пособие. М.: Городец, 2008; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009; Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005; Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016, и др.

[2] Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000. С. 359.

устанавливаются на основе изучения общественной практики и необходимости обобщения государственно-правовой деятельности людей. … Они становятся реальностью, только в процессе политико-юридической и общественной практики вообще проходят проверку своей истинности. … Используются для того, чтобы выразить истинное знание о правовой сфере общественной жизни»[1].

Однако не все ученые соглашаются с тем, что «в законе необходимы нормы, закрепляющие те или иные дефиниции»[2], полагая, что применительно, например, к понятию доказательства «более плодотворным является создание в Кодексе перечня безусловных и условных (оценочных) оснований для признания тех или иных сведений недопустимыми доказательствами, хотя он, как показывает практика законотворчества, не остается неизменным»[3].

Однако важность точного определения в законе понятия доказательства всегда признавалась в теории уголовного процесса. Л.Е. Владимиров писал, что «по важности своей учение об уголовных доказательствах должно стоять на первом плане в науке уголовного процесса»[4].

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и в УПК РСФСР 1923 г. не содержалось законодательного определения доказательства, а были указаны лишь источники доказательств: «показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого»[1]. Нормативная дефиниция доказательства появилась только в УПК РСФСР 1960 г., где

---

[1] Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 26.

[2] См.: Григорьев В.Н., Зинченко И.А. Нормы-дефиниции: нужны ли они в уголовно-процессуальном праве (компаративистский взгляд)? // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 4-9.

[3] Зинченко И.А., Слифиш М.В. Развитие института допустимых доказательств в уголовно-процессуальном праве: проблемы и перспективы // Мировой судья. 2021. № 8. С. 19.

[4] Владимиров В.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб.: Кн. маг. «Законоведение», 1916. С. 200.

доказательства определялись как «любые фактические данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, устанавливаемые показаниями подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и т.д.»[2]. Указанное определение дополнялось в рамках ст. 69 УПК РСФСР ограниченным перечнем источников доказательств.

Действующий УПК РФ определяет доказательство как «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 74). В части же 2 ст. 74 УПК РФ указано, что в качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы[3]. Таким образом, при определении понятия доказательства законодатель заменил термин «фактические данные» на «любые сведения», чем стер разницу между самими сведениями и той формой, в которую они могут быть облечены.

По данному вопросу в теории уголовного процесса не сложилось единого мнения. Ряд ученых считают, что понятие доказательства действительно следует определять через термин «сведения о фактах»[4] или «любые сведения об обстоятельствах»[5]. Например, П.А. Лупинская

---

[1] См.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 28 февраля 2025 г., № 13-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 51 (ч. I), ст. 4921; 2025. № 9, ст. 842.

[4] Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учеб. пособие. М.: Городец, 2008. С. 91.

[5] См.: Очередин В.Т. Доказательства в уголовном процессе: сущность источники, способы собрания. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 10-11.

характеризовала доказательства как «доказательственные факты»[1]. Другие авторы писали о доказательствах как о «единстве фактов и сведений о фактах»[2].

Ю.К. Орлов, анализируя различные подходы к пониманию доказательств, существовавшие в работах ученых-процессуалистов, выделил следующие: «1. Донаучная (архаическая) трактовка доказательства (ее представителями были И. Бентам, Я.И. Баршев, А.В. Кудрявцев) – понятие доказательства давалось в ней скорее на житейском уровне как всего того, посредством чего устанавливаются обстоятельства дела, путем простой иллюстрации… 2. Логическая модель доказательства (ее представителями были С.В. Курылев, А.Я. Вышинский, М.А. Чельцов). Согласно этой концепции, доказательствами по уголовному делу являются только факты, объективно существующие в реальной действительности. … При этом факт понимается как некий аргумент в дискуссии и споре и должен быть установлен предусмотренными в законе процессуальными действиями. В этом случае понятие факта и понятие доказательства полностью отождествляются… 3. Двойственная концепция доказательства (ее сторонниками были М.С. Строгович, Ю.К. Осипов), согласно которой доказательствами являются и факты, и те источники (по терминологии некоторых авторов – средства доказывания), из которых эти факты почерпнуты: показания свидетелей, заключения экспертов и др. ... 4. Информационная модель доказательства (разработана В.Я. Дороховым), согласно которой доказательством является единство сведений (информации) и их источника (материального носителя), а в понятие доказательства включаются не сами факты, а сведения, информация о них…. 5. Смешанная (синтезированная) концепция доказательства (представителями которой

---

[1] См.: Лупинская П.А. О проблемах теории судебных доказательств // Советское государство и право. 1960. № 10. С. 121-124.

[2] См.: Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 102; Советский уголовный процесс / под общ. ред. М.И. Бажанова, Ю.М. Грошевого. 2-е изд., доп. Киев: Вища шк., 1983. С. 116, 117.

были П.С. Элькинд, П.А. Лупинская), согласно которой доказательством являются и сами факты, и сведения о них, а также их источники»[1].

В дореволюционной теории уголовного процесса под доказательствами понимались «основания убеждения судьи в виновности или невиновности подсудимого»[2], «совокупность оснований убеждения в действительности или недействительности обстоятельства, подлежащего судебному удостоверению по данному делу»[3]. В.К. Случевский считал, что «под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, на основании которых судья может образовать в себе в отношении преступного посягательства убеждение о событии преступления и виновности совершившего его лица»[4]. Л.Е. Владимиров утверждал, что «уголовным доказательством называется всякий факт, имеющий назначением вызвать в суде убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования»[5].

В советский и постсоветский период определения доказательства, даваемые многими авторами, в большей степени отражали сущность не самой юридической категории «доказательство», а скорее, признаков (свойств) данной категории – допустимости, относимости и т.д. Так, ряд ученых определяли доказательство через свойство относимости, полагая, что»доказательства в уголовном процессе – это факты объективной действительности, при помощи которых устанавливается совершенное преступление»[6], что «уголовно-процессуальными доказательствами являются

---

[1] Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 159.

[2] Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1861. С. 93.

[3] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Сенатская тип., 1996. Т. 2. С. 326.

[4] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 138.

[5] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб.: Кн. маг. «Законоведение», 1910. С. 158; См. также: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Изд-во А.А. Карцева, 1997. С. 196.

[6] Каз Ц.М. Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Ученые записки Сарат. юрид. ин-та. 1964. Вып.11. С.46.

фактические данные (факты настоящего и прошлого), связанные с подлежащими установлению фактическими обстоятельствами уголовного дела»[1], что «судебными доказательствами факты являются лишь постольку, поскольку они … становятся средством для установления интересующих суд и следствие обстоятельств, для решения интересующих суд и следствие вопросов… Факт, установленный судом и следователем, призван что-то прояснить в установлении обстоятельств дела. Факт понимается, как некий аргумент в дискуссии и споре… и он должен быть установлен предусмотренными в законе процессуальными действиями»[2].

Вместе с тем М.А. Чельцов уже провел разделение доказательства с их источниками и указал на то, что «доказательства – это только факты действительности, а показания, заключения и т.д., то есть то, что именуется источниками доказательств, доказательствами не является»[3].

М.С. Строгович также соотносил доказательства с их источниками, указывая, что последние «содержали сведения об отдельных фактах, с помощью которых устанавливались обстоятельства, подлежащие доказыванию и которые тоже признавались доказательствами»[4]. При такой конструкции доказательства, – считал М.С. Строгович, – «источники служили средством установления доказательств – фактов, а последние – средством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию»[5].

Современные авторы нередко вкладывают в основу понятия доказательства такие его свойства, как относимость и допустимость. Так, А.В. Агутин считает, что «доказательством в уголовном судопроизводстве

---

[1] Арсеньев В.Д. К вопросу об объекте и предмете советского уголовного процесса и уголовно-процессуального доказывания // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1981. С. 29.

[2] Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., Юрид. изд-во НКЮ, 1941. С. 132; См. также: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1962. С. 321; Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1969. С. 24-38.

[3] Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1962. С. 132.

[4] Строгович М.С. Избранные труды. Т. 3: Теория судебных доказательств. М.: Наука, 1991. С. 81-82.

[5] Строгович М.С. Указ. соч. С. 82.

является факт, на основании которого в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела»[1].

Е.Э Курзинер в своем диссертационном исследовании, давая понятие доказательства, воспроизводит формулировку ч. 1 ст. 74 УПК РФ: «доказательствами по уголовному делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определяемом настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»[2].

Ряд авторов, несколько перефразируя приведенные определения, по сути, соглашаются с ними, отмечая, что доказательства – это «любые относимые сведения, полученные участниками уголовного производства не запрещенными законом способами, которыми стороны подтверждают свои утверждения, а суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, и которые имеют значение для правильного разрешения дела по существу или для решения иного юридически значимого вопроса»[3], что «доказательства как сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму – в форму показаний, заключений и др. При этом … равнозначным указанному будет фактически обратное определение: доказательствами являются показания, заключения и т.п., содержащие

---

[1] См.: Агутин А.В. К вопросу о понятии доказательств в уголовном судопроизводстве. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_2(4)/8.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

[2] Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 9.

[3] Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 18-19.

полученные законным способом сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию»[1].

В.С. Балакшин, будучи основателем системной концепции доказательств, рассматривает доказательства как «юридическую конструкцию, представляющую собой систему из трех элементов: 1) сведения о факте или фактические данные; 2) источник сведений о факте; 3) способы и порядок их собирания, закрепления и проверки, осуществляемые с соблюдением установленных законом требований»[2].

Р.В. Костенко также объединяет источники сведений с их содержданием и дает определение доказательствам, которыми, по его мнению, являются «любые сведения, содержащиеся в показаниях подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста; в заключении эксперта; в заключении специалиста; в предметах и вещах материального мира; в протоколах следственных и судебных действий; в иных документах, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»[3].

Таким образом, при определении понятия доказательства вызывают дискуссии вопросы о том, что составляет сущность доказательства: сами факты, фактические данные или сведения о фактах или обстоятельствах, а также вопрос о том, следует ли включать в понятие доказательства указание на источники получения таких сведений. Как справедливо отмечал Ю.К. Орлов, в связи со столь различным пониманием сущности

---

[1] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 51.

[2] Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 14, 35, 36.

[3] Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 20.

доказательств, возникают логичные вопросы, не получившие однозначных ответов: «Если доказательствами являются факты, то они, в свою очередь, должны быть чем-то доказаны? То есть должны быть какие-то доказательства доказательств? И вообще, если доказательства – объективно существующие факты, то какой смысл их оценивать и проверять?»[1].

Сторонники теории, согласно которой сами факты и источники, из которых они получены, также являются доказательствами, отмечают, что «в источниках содержатся все-таки не факты, поскольку таковыми они могут быть признаны лишь на основе определенной совокупности доказательств после соответствующей проверки и оценки. Применительно к каждому отдельному доказательству утверждать, что в нем содержатся факты, довольно рискованно, так как содержание доказательства может оказаться как истинным, так и ложным»[2]. Например, в «отношении прямых доказательств таковыми приходится считать только источники, а не содержание (поскольку как указывалось, факт не может быть доказательством самого себя)»[3].

В рамках рассматриваемой научной дискуссии В.Я. Дорохов выделяет «познавательный аспект понимания доказательства (единство объективного содержания и субъективной формы) и правовой аспект (предъявляемые к доказательствам требования относимости и допустимости)»[4]. По его мнению, «доказательство обозначает, прежде всего, единство фактических данных и их процессуального источника»[5].

---

[1] Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 60.

[2] См.: Бочинин С.А. К вопросу о понятии доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-dokazatelstv-v-otechestvennom-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 12.12.2024).

[3] См.: Там же.

[4] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 211.

[5] Там же.

В процессе «проведения следственных и процессуальных действий, – отмечает С.А. Бочинин, – факты фиксируются в материалах дела в преобразованном виде: в форме показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых; заключений экспертов и т.д. Такая трактовка соответствует и теории отражения, согласно которой человек в своей мыслительной деятельности оперирует информацией о событиях и фактах, имевших место в прошлом, а не самими фактами. Другими словами, сведения, составляющие содержание доказательств, по существу, являются ничем иным как информацией в ее современном понимании»[1]. При этом «в содержание доказательства входят не только сведения непосредственно о самих фактах, но и иная информация, помогающая устанавливать эти факты»[2]. По мнению Р.Я. Мамедова, «представление особенно предметов и документов с признаками вещественных доказательств должно неизбежно приобрести процессуальную форму, чтобы из внепроцессуальных материалов превратиться в объекты с доказательственной силой»[3].

А.А. Васяев отмечает, что доказательство нельзя сводить только к каким-либо предметам и документам, так как «доказательство – это умозаключение, путем которого выводится какое-либо положение, подтверждается что-либо. Доказательство – всегда процесс, процесс рассуждений, суждений и умозаключений»[4].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что доказательства – это, в том числе, факты объективной действительности, связанные

---

[1] См.: Бочинин С.А. К вопросу о понятии доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-dokazatelstv-v-otechestvennom-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 12.12.2024).

[2] Алтунина А.А. Информационная природа доказательств в уголовном процессе // Actual scientific research 2018: сб. матер. XXXVII междунар. науч.-практ. конф. (27 апреля 2018 г.). М.: Научный центр Олимп, 2018. С. 426-427.

[3] Мамедов Р.Я. Общие проблемы представления вещественных доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 219.

[4] Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. М., 2010. URL: https://www.iprbookshop.ru/16793.html (дата обращения: 12.12.2024).

с совершенным ранее преступлением, а в основе процесса доказывания лежит построение ментальной модели события, имевшего место в объективной реальности в прошлом, и существовавшем вне зависимости от каких-либо объективных обстоятельств и познающего субъекта.

При этом необходимо отметить, что «философское понимание события и факта не синонимично»[1]. Событие – это все происходящее вокруг, независимо от объективного восприятия кого бы то ни было, а факт – это описание, воспроизведение события, имевшего место в объективной реальности. Как сущность онтологического плана, событие «представляет собой явление действительности, которое оценивается человеком как обладающее личностной, либо социальной значимостью. Факт, как сущность гносеологического плана, представляет собой достоверное знание о событии, которое получает языковое выражение в форме истинной пропозиции. С учетом изложенного можно прийти к выводу о том, что отождествление понятий «событие» и «факт» является неправомерным»[2].

Представляется наиболее правильным при формулировании дефиниции «доказательство по уголовному делу» применять правовые термины «сведения о фактах и событиях» либо «фактические данные», поскольку в словаре синонимов в русском языке под «сведениями» понимается «познание в какой-нибудь области», «общие и неглубокие знания, представления о чем-либо»[3], а под термином «данные» – «сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения»[1]. При этом является очевидным и бесспорным, что все сведения о фактах или фактические данные подлежат собиранию, проверке и оценке в соответствии с действующим УПК РФ.

---

[1] См.: Наместников А. Размышления о философии истории. URL: https://fil.wikireading.ru/110777; Еременко А.М. Понятия «факт» и «событие»: смысловое сходство и различие. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31546561 (дата обращения: 12.12.2024).

[2] См.: Гробицкая А.М. К вопросу о соотношении понятий «событие» и «факт». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-sobytie-i-fakt (дата обращения: 12.12.2024).

[3] Словарь синонимов. Л.: Наука, 1975. С. 173.

Как верно полагает П.А. Лупинская, «в УПК РСФСР доказательства определялись как «любые фактические данные», где слово «фактические» давало основание считать, что речь идет о сведениях, достоверность которых уже установлена. В УПК РФ слова «фактические данные» заменены на «сведения». Это означает, что доказательствами являются не только те сведения, достоверность которых уже установлена, но и все те сведения, которые собираются, проверяются и оцениваются как в досудебном производстве, так и в суде»[2].

Н.П. Царева, утверждая, что «содержание ч. 1 ст. 74 УПК РФ противоречит части 2 данной статьи, предусматривающей исчерпывающий перечень допустимых доказательств»[3], полагает, что «термины «данные» и «сведения» равнозначны понятию «доказательства», и вступают в противоречие с нормами доказательственного права, поскольку ни данные, ни сведения сами по себе доказательствами по уголовному делу не являются»[4]. Под доказательствами по уголовному делу названный автор понимает «полученные в предусмотренном настоящим Кодексом порядке сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь и дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела»[5].

По мнению С.А. Бочинина, «из содержания статьи 74 УПК РФ вытекает, что в законе закреплено «двойственное» понимание доказательства, позволяющее сделать вывод, что с одной стороны – это любые сведения, а при

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 699.
[2] Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5-8.
[3] Царева Н.П. Документы – доказательства в уголовном судопроизводстве. М.: Приор, 2003. С. 8-9.
[4] Там же. С. 60-61.
[5] Царева Н.П. Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С.12.

ином рассмотрении – их процессуальные источники»[1], что «разрушает научно обоснованное понятие доказательств в уголовном процессе, исключает их анализ с точки зрения допустимости, поскольку данное свойство означает соответствие их требованиям закона относительно процессуальных источников сведений, правил получения их из соответствующего процессуального источника, а также фиксации в материалах уголовного дела»[2].

Рассмотрение понятия «доказательство», как единства сведений и процессуальных источников, неразрывно связано с предъявляемым к нему требованием допустимости, так как применение положений института допустимости доказательств имеет важнейшее практическое значение, определяет конечный результат любого уголовного дела»[3].

Представляется, что, несмотря на тесную взаимосвязь доказательств и источников их получения, нет противоречия в том, что законодатель в ч. 1 ст. 74 УПК РФ привел определение доказательства, а во второй части данной статьи отразил источники доказательств. Как правильно отмечает Е.А. Купряшина, «понятие «доказательство» есть явление, а «сведения» и «процессуальные источники сведений» – это составляющие этого явления. Следовательно, сведения о фактах, источники этих сведений и доказательство соотносятся как содержание, форма и явление»[4].

А.О. Бестаев понимает «под доказательством в современном российском уголовном процессе: а) сведения, полученные из предусмотренного законом источника, предусмотренным уголовно-процессуальным законом способом, закрепленные в соответствующей

---

[1] См.: Бочинин С.А. К вопросу о понятии доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-dokazatelstv-v-otechestvennom-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 12.12.2024).

[2] Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. С. 329.

[3] См.: Бочинин С.А. К вопросу о понятии доказательств ... .

[4] Купряшина Е.А. Источники доказательств и критерии их оценки в уголовном процессе РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. С. 8.

процессуальной форме и позволяющие установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию; б) судебный факт, то есть сообщение, представленное и исследованное сторонами в ходе судебного заседания, принятое судом в качестве истинного»[1].

Ю.К. Орлов отмечает, что «при подобных подходах в определении доказательств объединяются различные гносеологические категории – информация и факты-аргументы»[2].

И.А. Грудинин считает, что «множество подходов к понятию доказательства является следствием методологической неточности, заключающейся в использовании исследователями единой формы (структурной составляющей понятия доказательства - понятия факт), но с различным содержанием»[3].

По нашему мнению, приведенные определения понятия «доказательство» содержат основные и наиболее общие характеристики искомой правовой категории, из которых при моделировании его дефиниции необходимо выделить чаще всего встречающиеся, при этом необходимые и достаточные элементы.

Для конструирования дефиниции доказательства представляется возможным использовать метод одноуровневой триадической дешифровки, описанный в работах Г.Д. Боуш и В.В. Разумова[4], а также К.И. Коробко[5]. По мнению авторов данной методологии, «одноуровневая триадическая дешифровка категории позволяет выявить наиболее существенные признаки (качества, правовые характеристики) в объекте исследования, составляющие

---

[1] Бестаев А.О. Способы собирания доказательств в уголовном процессе РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 11-12.

[2] Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 63.

[3] Грудинин И.А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 8.

[4] Боуш Г.Д., Разумов В.В. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 91-92.

[5] Коробко К.И. Концепция правового регулирования отношений по оказанию платных медицинских услуг: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2024. С. 210-212.

в совокупности его сущность, суть, природу, смысл»[1]. Данный метод стал активно применяться в научных исследованиях с 2000-х гг. Его суть состоит в том, что на первом этапе приводятся определения объекта исследования, встречающиеся у разных авторов. На втором этапе устанавливаются наиболее значимые, необходимые и достаточные качества (характеристики) в объекте исследования, которые в своей совокупности отражают его сущность, смысл, правовую природу. С помощью анализа и синтеза выделяются наиболее часто используемые элементы (характерные признаки), применяемые учеными для трактовки исследуемого феномена. На третьем этапе формулируется лаконичное и легитимное определение искомой юридической категории.

Применительно к понятию «доказательство по уголовному делу» в результате анализа авторских и законодательных определений выделена совокупность трех основных необходимых и достаточных признаков для формулирования дефиниции «доказательство по уголовному делу». Ими являются:

1) сущность доказательства как сведений о фактах и событиях совершенного преступления.

Поскольку термин «факт» употребляется в УПК РФ в словосочетаниях «сведения о фактах», «фактические обстоятельства», однако законодатель не раскрывает его смысла, представляется необходимым объяснить, почему в ходе исследования выбраны именно эти категории: факт и события. Термин «факт» происходит от латинского *factum*, и в буквальном переводе означает «сделанное»[2], и большинстве случаев «используется в качестве синонима истины, событие или его результат; реальное, а не вымышленное; конкретное и единичное в противоположность общему и абстрактному»[3]. Эта категория

---

[1] Боуш Г.Д., Разумов В.В. Указ. соч. С. 172-175

[2] Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1989. С.424.

[3] См.: Никифоров А.Л. Факт // Новая философская энциклопедия. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/ HASHf387ceeb8335 fb490106f3 (дата обращения: 12.12.2024).

в основном используется в криминалистике и теории доказательств, но нет оснований не применять его и в теории уголовного процесса.

Конструирование дефиниции понятия «доказательство по уголовному делу» базируется на гипотезе о том, что органами предварительного расследования собираются сведения о реально имевшем место в объективной действительности событии прошлого (совершенном преступлении), которое должно быть облечено в форму юридически значимого обстоятельства и иметь соответствующее содержание, относящееся к совершенному преступлению. Для этого необходимо собрать и обобщить соответствующие доводы о фактах, подтверждающие или опровергающие причастность или непричастность к нему того или иного лица. Следовательно, представляется более правильным вместо словосочетаний «фактические данные» и «фактические обстоятельства» использовать словосочетание «сведения о фактах и событиях», поскольку факты и события – это наиболее часто встречающиеся элементы в определениях термина «доказательства», при этом «событие – это, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни»[1].

При выборе термина «сведения» использовалось определение, данное в словаре русского языка, согласно которому «сведения – (знания, представление о чем-либо), непосредственно полученные в предусмотренной законом форме от материального объекта, отразившего признаки прошлого события»[2]. Сведения призваны подтверждать или опровергать доводы о фактах и событиях совершенного преступления, имевшего место в объективной действительности. Сведения обязательны для установления истины по уголовному делу;

---

[1] См.: Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Полиграфресурсы, 1999. URL.:http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/ default.asp (дата обращения: 12.12.2024).

[2] Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. С. 698.

2) сведения должны свидетельствовать о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ;

3) сведения представляются сторонами – субъектами уголовно-процессуального доказывания в подтверждение своей правовой позиции (рис. 1).

Рис. 1. Модель правовой категории «доказательство по уголовному делу»

Полагаем, что для конструирования дефиниции понятия «доказательство по уголовному делу» названные признаки искомой категории являются исчерпывающими, необходимыми и достаточными. При этом не оспаривается, что доказательства должны обладать свойствами допустимости, относимости, достоверности и достаточности. Лаконичное и легитимное определение правовой дефиниции «доказательство» не требует отражения в нем способов, процедуры, форм получения и закрепления информации, источников и других признаков. Эти признаки в последующем проверяются и оцениваются при принятии процессуального решения по уголовному делу.

На первоначальном этапе нами были выделены разные признаки доказательства (такие, как «юридически значимые сведения», «проверяемость источников информации» и проч.), «фактические данные», «фактические обстоятельства». Однако они не были использованы при моделировании определения в связи с тем, что содержат такие признаки, как допустимость, достоверность и относимость. Также следует учитывать, что в

силу ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу, доказыванию, наряду с другими подлежит ряд обстоятельств, в том числе время, место, способ совершения преступления. Поскольку все эти обстоятельства должны иметь отношение к совершенному преступлению и значение для уголовного дела, представляется, что в дефиниции доказательства все-таки должен содержаться признак относимости.

Таким образом, на основе построенной модели может быть дано следующее искомое определение правовой категории: *доказательство по уголовному делу – это сведения о фактах и событиях совершенного преступления, подтверждающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со статьей 73 УПК РФ, сформированные сторонами – субъектами уголовно-процессуального доказывания в подтверждение своей правовой позиции по уголовному делу*.

С использованием той же модели и тех же правовых характеристик можно дать еще одно определение понятия «*доказательство по уголовному делу*», но уже с отражением в нем признака допустимости: *доказательство по уголовному делу – это сведения о фактах и событиях совершенного преступления, подтверждающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ, сформированные в установленном законом порядке сторонами – субъектами уголовно-процессуального доказывания в подтверждение своей правовой позиции по уголовному делу*.

1.2. Допустимость как основной признак (свойство) доказательства: понятие и правовая характеристика

Допустимость, наряду с относимостью, достоверностью и достаточностью, является одним из необходимых свойств доказательств. Однако действующий УПК РФ не содержит определения допустимости как одного из признаков доказательств, а также определения недопустимого доказательства. Данное обстоятельство послужило поводом для

соответствующей научной дискуссии в трудах отечественных ученых, однако на текущем этапе развития уголовно-процессуального права все еще не сложилось единого мнения в вопросе определения понятий «допустимость» и «недопустимое доказательство» как процессуально-правовых и научных категорий.

Законодателем подчеркивается особая значимость института допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве, что видно по частоте упоминания термина «допустимость» в тексте УПК РФ, при этом парадоксально, что легальное определение данного понятия в УПК РФ отсутствует. В свою очередь, в теории доказывания разработано большое количество подходов к определению понятия допустимости, отличающихся между собой свойствами, характеристиками, составляющими элементами. Однако теория и практика весьма далеки друг от друга, более того, на практике сложились и существуют различные критерии и способы оценки допустимости, что не позволяет выработать единое ее понимание, которое можно было бы закрепить в уголовно-процессуальном законе в качестве базовой правовой категории.

Действующее законодательство (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ[1] и ч. 3 ст. 75 УПК РФ) содержит требования о безусловном, однозначном запрете на «использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Указанные нормы права категоричны и не допускают иного толкования. При этом следует обратить внимание на то, что Конституция РФ и УПК РФ, говоря о допустимости, используют разную терминологию: в Основном Законе государства говорится о «доказательствах, полученных с нарушением федерального закона», а в УПК РФ наряду с этим термином используется выражение «недопустимые доказательства». В теории уголовного процесса используются и другие обозначения, которые будут

[1] Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 4 октября 2022 г., № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. 06 окт. № 0001202210060013.

проанализированы позже. Например, некоторые авторы в своих научных работах применяют термин «доказательство, не имеющее юридической силы»[1]. При этом В.С. Шадрин полагает, что «недопустимость доказательств – антипод их допустимости»[2].

Между тем принцип верховенства Основного Закона РФ предполагает как минимум тождественность понимания допустимости с УПК РФ, однако на практике это требование нарушается. При этом в ст. 75 УПК РФ содержится лишь перечень оснований, при наличии которых доказательства признаются «недопустимыми» в обязательном порядке и не дается определение недопустимого доказательства.

Отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ четко сформулированной дефиниции правовой категории «доказательства, полученного с нарушением федерального закона», «недопустимого доказательства» или «доказательства, не имеющего юридической силы», а также перечня обстоятельств, при наличии которых доказательство считается полученным с нарушением закона, «приводит к тому, что в правоприменительной деятельности возможность реализации указанного требования закона ставится в зависимость от усмотрения правоприменителя – конкретных судей, следователей, дознавателей. При этом критерии оценки, используемые указанными субъектами, могут отличаться в зависимости от региона рассмотрения уголовного дела, от обстоятельств дела, от того, насколько существенными или несущественными оказались нарушения закона, допущенные на досудебной стадии, от объективности и беспристрастности судьи»[3].

---

[1] Верещагина М.А. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 10.

[2] Шадрин В.С. Недопустимость доказательств в уголовном процессе, как антипод их допустимости // КриминалистЪ. 2011. № 1. С. 41-46.

[3] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

Разнообразие подходов к определению понятия допустимости можно объяснить тем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит ясного и однозначного описания признаков, при наличии которых доказательство следует признавать недопустимым. Данное обстоятельство можно наглядно проследить в Сравнительной таблице существенных нарушений закона по УПК РФ и постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. (приложение 8).

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве лишь единожды используется термин «допустимость». В ч. 1 ст. 88 УПК РФ указано, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». При этом законодатель, устанавливая правила о допустимости доказательств в позитивной форме, предусматривает в качестве таких правил негативную сторону допустимости в виде санкции и возможности признания доказательств недопустимыми. Следовательно, можно сделать вывод о том, что, по мнению законодателя, допустимость доказательства является самым важным из всех его свойств, перечисленных в ст. 88 УПК РФ.

Для построения модели допустимости и конструирования ее дефиниции на основе метода двухуровневой триадической дешифровки представляется необходимым обобщить имеющиеся мнения ученых о допустимости доказательств, в том числе и позиции о необходимости дифференциации допустимости как в широком (как межотраслевого института), так и в узком смысле (как одно из свойств доказательств).

В русском языке при буквальном толковании, слово «допустимость» понимается как «разрешение, предоставление возможности кому-либо участвовать в чем-либо или использовать какое-либо средство для чего-

либо»[1]. Допустимость характеризует доказательство в целом как с точки зрения его содержания и формы, так и с позиции соответствия действительности.

В буквальном смысле, под «допустимостью доказательства в уголовном судопроизводстве уже достаточно традиционно понимается его пригодность с точки зрения законности источников, методов и приемов получения сведений»[2].

И.А. Грудинин полагает, что «требование допустимости носит комплексный характер, интегрирует в себе свойства достоверности, относимости, технической и диспозитивной допустимости»[3].

По мнению А.А. Иовина, «допустимость доказательств – межотраслевой институт, основанный на конституционном праве личности использования доказательств, полученных в соответствии с федеральным законом, гарантирующий соблюдение прав и свобод личности при осуществлении правосудия»[4].

Допустимость доказательств В.И. Крупницкая исследует с двух сторон: «1) как научную категорию, составляющую основу доказательственной деятельности, определяющую основное содержание уголовного процесса, и 2) как правовой институт, процессуальные нормы которого выражают общее качество правовой системы, степень правосудия в государстве»[1].

В.С. Балакшин считает, что «термин «допустимость» доказательств можно рассматривать: 1) как требование закона; 2) как понятие; 3) как институт уголовно-процессуального права; 4) как вывод относительно

---

[1] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 267.

[2] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 532.

[3] Грудинин И.А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С.8.

[4] Иовин А.А. К вопросу о понятии и содержании допустимости доказательств // Достижения науки и образования. 2021. № 7. С. 42-43.

конкретного доказательства после соответствующей оценки; 5) как свойство, а точнее как уголовно-процессуальную характеристику доказательства»[2].

К.И. Сутягин полагает, что «институт допустимости доказательств является серьезным препятствием к противоправному поведению сотрудников правоохранительных органов, злоупотреблениям с их стороны, небрежному и халатному отношению к нормам закона в ходе сбора доказательств»[3]. Он классифицирует основания признания доказательств недопустимыми на две группы «в зависимости от способа их нормативного закрепления: общие (ч. 1 ст. 75 и п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ) и специальные (п. 1 и 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Законодатель связывает общие основания с нарушениями закона при получении доказательств, а специальные – с иными обстоятельствами. При этом если первые непосредственно гарантируют конституционное право личности на исключение недопустимых доказательств в силу межотраслевого характера рассматриваемого института, то вторые выражают специфику регулирования отношений в сфере уголовного судопроизводства»[4].

Р.В. Костенко выделяет четыре правила допустимости доказательств: «правило о законных субъектах получения доказательств; правило о законных источниках и процессуальной форме доказательств; правило о законных способах получения доказательств; правило о законности порядка осуществления способов получения доказательств»[5].

---

[1] Крупницкая В.И. Гарантии использования при разбирательстве уголовных дел допустимых доказательств: автореф. дис… канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 8-9.

[2] Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 47.

[3] Сутягин К.И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 43.

[4] Там же С. 7.

[5] Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 26.

В юридической литературе в разные годы понятие «допустимость доказательств» заменялось другими терминами: «пригодность (приемлемость)»[1], «позволительность»[2].

Одни ученые, давая определение допустимости, говорят «о пригодности доказательств с точки зрения их формы, в которую они включают законность источников, методов и приемов, с помощью которых сведения получены»[3]. Другие указывают на требования как к «содержанию, так и к форме доказательств … получению из надлежащего источника уполномоченными на то субъектами доказывания с использованием указанных в законе средств»[4].

Некоторые авторы полагают, что «всякое доказательство, относящееся к установлению события преступления и вины правонарушителя, считается допустимым»[5]. Другие считают, что «допустимость напрямую соотносится с

---

[1] Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит, 1965. С. 267.

[2] Пашин С.А. Проблемы реформы уголовно-процессуального законодательства в проектах УПК РФ. Выступление на науч.-практ. конф. (15-16 декабря 1994 г.). М., 1995. С. 34-37.

[3] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 229; Гришина Е.П. Актуальные вопросы допустимости доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. 2002. № 6. С. 36.

[4] Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Юристъ, 1995. С. 108; Кудрявцева А.В. Допустимость доказательств как гарантия их достоверности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83. С. 18-20; Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. Ч. 1 / ред. кол.: А.А. Гребеньков (отв. ред.) [и др.]; Курск: Изд-во Юго-Зап. гос. ун-та, 2019. С. 367; Карнеева Л.М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1994. С. 24.

[5] Кутуев Э.К., Сутягин К.И. К вопросу о понятии и отраслевой принадлежности института допустимости доказательств // Вестник Санкт-Петербургского института МВД России. 2006. № 2. С. 264-267; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 342; Столбова Н.А., Столбов В.Р. Допустимость доказательств в системе уголовного судопроизводства // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6. С. 198-202.

принципом законности и включает в себя процессуальный порядок получения, сбора и закрепления доказательств»[1].

В.В. Терехин связывает допустимость доказательств с законностью в широком ее понимании. Он отмечает, что «доказательства должны быть получены в соответствии с настоящим Кодексом либо иными нормативными правовыми актами, регламентирующими ту деятельность, в ходе осуществления которой доказательства были получены»[2]. По мнению данного автора, доказательства могут быть получены процессуальным и непроцессуальным путем, «в первом случае необходимо соблюдение норм УПК РФ, во втором – иных нормативных правовых актов (федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «О частной детективной и охранной деятельности и т.д.»[3]. Нам представляется, что указанный подход является вполне оправданным, поскольку применительно к специфике настоящего исследования именно таким образом формируются доказательства, собираемые адвокатом-защитником, действующим согласно федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

---

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 7; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным дела. М.: Норма, 2008. С. 157; Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 6; Тертышник В.М., Слинько С.В. Теория доказательств. Харьков: Арсис, 1998. С. 204; Орлов Ю.Г. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 320; Нагучева Э.Д., Влезько Д.А. Основные требования к уголовно-процессуальной форме доказательств, обеспечивающих их допустимость // Нацразвитие. Наука и образование. 2021. № 3. С. 32-39; Литвинова И.В. Основания и порядок принятия прокурором решения о признании доказательств недопустимыми: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Ирк. юрид. ин-та Ген. прок. РФ, 2003. С. 25; Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 302; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Изд-во КНОРУС, 2008. Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс»; Толмосов В.И. Проблемы допустимости доказательств на досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук: Самара, 2002. С. 9; Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С.89.

[2] Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 22.

[3] Там же. С. 22.

Российской Федерации»[1]. Однако в таком аспекте можно говорить лишь о собирании сведений, которые приобретают процессуальную форму доказательств исключительно в рамках уголовного процесса.

И.В. Копейкина выделяет три правила, нарушение которых влечет недопустимость доказательств: 1) правило о надлежащем источнике – лицах, от которых исходит доказательственная информация; 2) правило о надлежащем субъекте доказывания; 3) правило о законности процессуальной формы собирания доказательств»[2]. Похожей позиции придерживается М.Е. Кравченко который называет четыре критерия допустимости, подразумевающие выполнение требований: «1) о надлежащих субъектах получения доказательств; 2) о надлежащих источниках и процессуальной форме доказательств; 3) о надлежащих способах получения доказательств; 4) о надлежащем порядке осуществления способов получения доказательств».[3]

На наш взгляд, последние два критерия допустимости, выделяемых М.Е. Кравченко, представляют собой элементы процессуальной формы, и в контексте нашего исследования могут быть отнесены к порядку (процедуре) получения и закрепления доказательств.

Некоторые авторы также отмечают, что допустимость или недопустимость доказательств «напрямую зависит от возможности исправления последствий нарушений, допущенных в ходе их получения»[1].

По мнению М.Е. Кравченко, «такое «разнообразие» трактовок допустимости доказательств в УПК РФ не способствует правильному надлежащему уяснению сущности данной категории. Поэтому в

---

[1] Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 22 апреля 2024 г., № 83-ФЗ) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102; 2024. № 18, ст. 2396.

[2] Копейкина И.В. Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе // Вестник науки и образования. 2021. № 4-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-dopustimosti-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 12.12.2024).

[3] Кравченко М.Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 9.

действующем уголовно-процессуальном законе необходимо использовать термин «допустимость» применительно к доказательствам только в значении обязательного условия их получения в соответствии с требованиями, установленными УПК РФ»[2].

Таким образом, большинство имеющихся в науке определений юридической категории «допустимость доказательства» сводится к перечислению вышеназванных свойств и признаков искомого объекта исследования[3].

В среде ученых-процессуалистов отсутствует и единство во мнениях относительно критериев признания доказательств недопустимыми. С одной стороны, вполне обоснованным можно считать подход, основанный на прямом толковании ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, согласно которому «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Он состоит в том, что «любое нарушение уголовно-процессуального законодательства влечет за собой недопустимость доказательств»[4]. Подобной позиции придерживаются В.М. Савицкий, А.В. Горбачев[5] и многие другие авторы.

С другой стороны, Верховный Суд РФ под председательством В.М. Лебедева, в связи с отсутствием у судов единого подхода к решению вопроса о том, в каких случаях доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона и основываясь на результатах изучения судебной практики, определил критерии признания доказательств

---

[1] Пашин С.А. Доказательства в российском уголовном процессе // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. Ч. 2. М.: Изд-во Междунар. ком. содействия правовой реформе, 1996. С. 42; Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 28.

[2] Кравченко М.Е. Указ. соч. С.11.

[3] Кожевникова Ю.А. Исключение недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С.12.

[4] Савицкий В.М. Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М.: Сериал, 1995. С. 25.

[5] Горбачев А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 10.

недопустимыми и разъяснил их в своем постановлении[1], где были названы следующие критерии недопустимости: «а) нарушение гарантированных Конституцией РФ прав человека и гражданина при собирании и закреплении доказательств; б) нарушение установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка собирания и закрепления доказательств; в) осуществление собирания и закрепления доказательств ненадлежащим лицом или органом; г) осуществление собирания и закрепления доказательств в результате действий, не предусмотренных УПК РФ»[2].

Указанное постановление вызвало активную научную дискуссию, которая не завершена до настоящего времени. Например, Н.М. Кипнис считает, что «недопустимым следует признавать лишь такое доказательство, которое получено с нарушением первых трех критериев, названных в постановлении. Что же касается четвертого, то все зависит от характера нарушения и возможности проведения следственных и судебных действий, направленных на получение фактических данных, устраняющих возникшие сомнения в достоверности»[3], при этом «фактические данные, полученные путем проведения действий, не предусмотренных законом, во всех случаях должны признаваться недопустимыми»[4]. Данный автор также выделяет иные «четыре критерия (правила, элемента, аспекта) допустимости доказательств, которые включают в себя: 1) надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на получение доказательств; 2) надлежащий источник фактических данных (сведений, информации), составляющих содержание доказательства; 3) надлежащее процессуальное действие, используемое для получения доказательств; 4) надлежащий порядок проведения процессуального действия (судебного или следственного),

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (с изм. и доп. от 3 марта 2015 г., № 9) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1; 2015. № 5.

[2] См.: Там же.

[3] Кипнис Н.М. Указ соч. С. 67.

[4] Кипнис Н.М. Указ соч. С. 27.

используемого как средство получения доказательств»[1]. На наш взгляд, последние два пункта являются составными элементами порядка (процедуры) получения доказательств и соотносятся между собой как часть и целое, следовательно, их можно объединить.

По мнению В.С. Балакшина, из определения недопустимого доказательства можно выделить следующие характерные признаки: «1) доказательства, получены с нарушением требований УПК РФ, регламентирующих способы, порядок, процессуальные сроки; 2) с нарушением полномочий органов и должностных лиц, осуществляющих деятельность по собиранию, закреплению и проверке фактических данных и их источников; 3) допущенные нарушения вызывают неустранимые сомнения в их достоверности и (или) относимости»[2].

М.А. Верещагина утверждает, что недопустимые доказательства обладают следующими признаками: «1) фактические данные неправомерно облечены в форму доказательства; 2) допущены нарушения УПК РФ; 3) компетентными органами установлен факт нарушения УПК РФ и принято решение об исключении их из перечня доказательств»[3].

Идея «существенности нарушения закона» прослеживается в работе С.А. Сущенко, которая полагает, что «недопустимы только те доказательства, которые были получены стороной обвинения с нарушениями конституционно защищаемых прав личности или принципов уголовного судопроизводства»[4]. При этом, по ее мнению, «представляемые стороной защиты доказательства могут быть признаны недопустимыми, если при их

---

[1] Кипнис Н.М. Указ. соч. С.120.

[2] Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2004. С. 35.

[3] Верещагина М.А. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 11.

[4] Сущенко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2020. С. 13.

собирании были допущены действия, запрещенные настоящим законом»[1]. Аналогичную позицию можно увидеть в работах Н.И. Чистовой, которая считает, что «недопустимым является доказательство, полученное вследствие нарушения гарантированных Конституцией РФ прав человека и гражданина при собирании и закреплении доказательств»[2], а также А.А. Васяева полагающего, что «доказательства могут быть признаны недопустимыми лишь ввиду существенности допущенных нарушений в процессе их получения»[3].

Широкие возможности для признания доказательств недопустимыми предлагает С.Д. Шестакова, по мнению которой «для исключения доказательства не требуется установления факта наступления негативных последствий, а достаточно выявить нарушение норм любого права, закрепленного в действующем уголовно-процессуальном законодательстве или ином федеральном законе, либо порядка производства процессуальных действий»[4]. А.А. Зубарев приводит немного иные, но не менее широкие критерии недопустимости: «нарушения принципов и общих условий уголовного судопроизводства, неустранимые ограничения возможности по реализации процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, а также нарушения, повлекшие неустранимые сомнения в достоверности доказательств»[1].

В развитие концепции рассмотренного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 А.В. Ларина предлагает перечень оснований для признания доказательств недопустимыми в любом

---

[1] Сущенко С.А. Указ. соч. С. 13.

[2] Чистова Н.И. Признание недопустимыми доказательств, полученных на предварительном следствии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 7.

[3] Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 30.

[4] Шестакова С.Д. Допустимость доказательств: подходы континентального и общего права // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): сб. матер. науч.-практ. конф. (27-28 января 2005 г.). Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2005. С. 403-409; Шестакова С.Д. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и США // Уголовное право. 2004. № 3. С. 100-102.

случае: «1) нарушение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса; 2) получение доказательств с применением насилия, угроз, а также принуждения без законных на то оснований; 3) существенное нарушение основных правил производства следственного и другого процессуального действия, влияющее на достоверность доказательств; 4) получение доказательств лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу; 5) иные нарушения закона, если они повлияли или могли повлиять на достоверность полученного доказательства»[1]. Полагаем, что пункты 2-5 представляют собой нарушения процедуры (порядка) уголовного судопроизводства, и, следовательно, нарушение принципа законности, и их также можно отнести к перечню нарушений порядка получения доказательств.

В.В. Терехин предлагает ввести в юридический оборот понятие «недопустимых к доказыванию сведений», к которым он относит «сведения, полученные в результате существенного нарушения прав и свобод человека, гарантированных Конституцией России, общепризнанными принципами и нормами международного права и международных договоров». При этом под существенными нарушениями прав человека в любом случае он рассматривает: «1) осуществление действий без судебного решения либо с такими отступлениями от процедуры его получения (когда получение такового обязательно), которые извращают саму его суть; 2) получение информации в результате применения насилия, угроз, пытки либо иного жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения; 3) неустранимые нарушения права лица на защиту; 4) получение показаний от лица, которому не было разъяснено право не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников, круг которых определен законом либо с нарушением этого права; 5) получение показаний без переводчика в

[1] Зубарев А.А. Правовые последствия признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

случаях, когда участие переводчика является обязательным; 6) получение показаний без участия защитника, адвоката, когда их участие по закону является обязательным; 7) лишение права на перекрестный допрос»[2].

Некоторые авторы полагают, что при производстве следственных действий существенными являются следующие нарушения: «1) несоблюдение обязательных требований, предъявляемых к составлению документов, например, отражение в них реквизитов, печатей, подписей и др.; 2) несоответствие следственного действия наименованию и содержанию протокола; 3) несоблюдение процедуры следственного действия, а также получения разрешения суда на его производство; 4) несоблюдение в ходе производства следственного действия прав и свобод участников уголовного судопроизводства; 5) несоблюдение в ходе следственного действия принципа допустимости применения технических средств, а также требований закона в ходе упаковки и изъятия следов и орудий преступления, иных предметов и документов; 6) необеспечение полноты и объективности в ходе закрепления криминалистически значимой информации»[3]. На наш взгляд, перечисленные нарушения искажают процессуальную форму получения доказательств и для целей настоящего исследования могут рассматриваться как единый признак.

Э.А. Меринов предложил классифицировать признаки недопустимости на: «1) условно-оценочные, то есть такие, которые хотя и находятся в причинно-следственной связи с достоверностью доказательств, но сами по себе не порождают у субъектов судопроизводства неустранимых сомнений в их достоверности и относимости, а проведенные дополнительные проверочные действия смогут устранить сомнения в истинности полученной

---

[1] Ларина Е.В. Признание доказательств недопустимыми в российском уголовном судопроизводстве (в стадии предварительного расследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 21.

[2] Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис.… д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 22.

[3] Анализ и оценка прокурором результатов следственных действий: общие положения: конспект лекции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. юрид. ин-та (филиала) Акад. Ген. прок. РФ, 2017. С. 8.

информации, 2) безусловные, которые влекут признание доказательств недопустимыми без каких-либо дополнительных условий»[1].

Если обратиться к международному праву, то Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) отмечает, что «к недопустимым доказательствам относятся:

1) «доказательства, полученные в результате применения пыток»[2];

2) «доказательства, использование которых создает сильную презумпцию несправедливости судебного разбирательства (доказательства, полученные с применением жестокого или унижающего достоинство обращения)»[3];

3) «доказательства, полученные с нарушением права на защиту»[4];

4) «доказательства, полученные с нарушением права на уважение частной и семейной жизни, закрепленного в ст. 8 Конвенции»[5];

5) «доказательства «условно допустимые»[6];

---

[1] Меринов Э.А. Реализация института недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве (теория и практика): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 8.

[2] См.: Постановление ЕСПЧ от 10 марта 2009 г. по делу «Bykov v. Russia» (жалоба № 4378/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6.

[3] См.: Постановление по делу «Gafgen v. Germany» от 30 июня 2008 г. (жалоба № 22978/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 11.

[4] См.: Постановление по делу «Bricmont v. Belgium» от 7 июля 1989 г. (жалоба № 10857/84). URL: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=Bricmont&sessionid=49945240&skin=hudoc-en (дата обращения: 12.12.2024); Постановление по делу «Polufakin and Chernyshev v. Russia» от 25 сентября 2008 г. (жалоба № 30997/02) // Российская хроника Европейского Суда. 2020. № 4; Постановление по делу «Romanov v. Russia « от 24 июля 2008 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 3; Постановление ЕСПЧ по делу «Salduz v. Turkey» от 27 ноября 2008 г. (жалоба № 36391/02). Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс»; Постановление ЕСПЧ по делу «Barbera, Messegue & Jabardo v. Spain» от 6 декабря 1988 г. Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: Постановление ЕСПЧ от 10 марта 2009 г. по делу «Bykov v. Russia» (жалоба № 4378/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6.

[6] Постановление по делу «Lee Davies v. Belgium» от 28 июля 2008 г. (жалоба № 18704/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 12.

6) «результаты оперативно-розыскных мероприятий, которые были получены в результате провокации»[1].

Россия прекратила свое членство в Совете Европы. Однако Верховный Суд РФ посчитал, что основные позиции, ранее выработанные ЕСПЧ, «относительно пыток и бесчеловечного обращения следует оставить без изменения с целью обеспечения эффективной защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению»[1].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в теории уголовного процесса сложилось достаточно большое количество мнений относительно допустимости и недопустимости доказательств, следовательно, исследование данной правовой категории представляется весьма актуальным. При этом стоит согласиться с авторами, допускающими возможность применения в уголовном судопроизводстве термина «допустимость» в широком смысле (как межотраслевого института, регулирующего порядок собирания, получения и закрепления надлежащих доказательств по уголовному делу), и в узком смысле (как свойства доказательства, наряду с относимостью, достоверностью и достаточностью).

В целях моделирования искомых определений был применен метод двухуровневой триадической дешифровки, идея которого была описана нами ранее. Согласно «логике и технологии данного метода, на первом этапе определяется базовая юридическая категория, которая является объектом исследования, и вызывающая неоднозначное понимание в среде ученых. На втором этапе методом анализа юридической литературы отбираются

[1] См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Vanyan v. Russia» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99). Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс»; Постановление ЕСПЧ по делу «Khudobin v. Russia» от 26 октября 2006 г. (жалоба № 59696/00). Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

имеющиеся определения. С помощью анализа и синтеза выделяется совокупность наиболее часто используемых характерных и существенных признаков (элементов), присущих исследуемому объекту. Из этих категорий выбирается первый уровень (триада) однородных категорий (дешифрующие категории первого уровня). Триада категорий может отвечать на однородные вопросы: «Кто? Что?» Либо может отвечать на вопросы: «Что? Как? Зачем?» При этом вопрос «Что?» подразумевает характеристику предмета, составление понятийной базы. Вопрос «Как?» указывает на инструментальную часть, то есть, какие методы, технологии могут быть здесь применены. Вопрос «Зачем?» подразумевает формулирование для системы цели, а также указание на то, в какую более масштабную систему встраивается система, разрабатываемая категория»[2]. На третьем этапе выбранные категории располагаются в таком порядке, который отражает логическую последовательность их возникновения в объекте исследования. На четвертом этапе для каждого уровня выбранных категорий отображаются по три дешифрующие категории второго уровня, которые в своей совокупности отражают его сущность, смысл, правовую природу. Указанные категории, в свою очередь, также располагаются в определенной последовательности. На пятом этапе с использованием отобранных ранее характерных для объекта исследования категорий и понятий формулируется, по возможности, лаконичное и легитимное определение правовой категории, в данном случае – «допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве» в широком и узком смыслах.

---

[1] См.: Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. URL: https://european-court-help.ru/verhovnyj-sud-rf-ukazal-chto-kriterii-po-zashhite-ot-pytok-vyrabotannye-ranee-na-osnovanii-reshenij-espch-ostajutsja-neizmennymi-i-podlezhat-primeneniju/ (дата обращения: 12.12.2024).

[2] См.: Разумов В.И., Рыженко Л.И., Сизиков В.П. Инсейфинг технология интерактивной интеллектуальноемкой коммуникации // Вестник Омского университета. 2015. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inseyfing-tehnologiya-interaktivnoy-intellektualnoemkoy-kommunikatsii (дата обращения: 12.12.2024).

Следуя логике метода, проанализировав авторские и законодательные определения, можно выделить три основных необходимых и достаточных признака дефиниции «допустимости в уголовном судопроизводстве» в широком смысле:

1) межотраслевой институт, регулирующий нормы права о доказывании (что?);

2) соблюдение законности при производстве по уголовному делу при формировании доказательств (как?);

3) цель получения доказательств, соответствующих требованиям закона – принятие итогового процессуального решения по делу (зачем?).

В свою очередь, дешифрующей категории «межотраслевой институт, регулирующий нормы права о доказывании» характерны три элемента. Это нормы права, регламентирующие порядок:

1) собирания и закрепления доказательств;

2) проверки доказательств;

3) оценки доказательств.

Для второй дешифрующей категории «соблюдение законности при производстве по уголовному делу», характерны три следующих признака:

1) соблюдение конституционных прав участников судопроизводства;

2) соблюдение принципов уголовного судопроизводства;

3) соблюдение надлежащей процедуры доказывания.

Следующей дешифрующей категории «принятие процессуального решения по делу» присущи три важных свойства:

1) законность;

2) обоснованность;

3) справедливость.

Ниже на Рис. 2 можно наглядно увидеть сконструированную модель правовой категории «допустимость доказательств» в широком смысле»[1].

Таким образом, на основании построенной модели, можно определить «допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве» в широком смысле как «*межотраслевой институт, основанный на совокупности норм права, регламентирующих порядок доказывания (собирание, проверку и оценку доказательств), гарантирующих соблюдение принципов законности и состязательности сторон с учетом их равноправия при производстве по уголовному делу в целях принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения*».

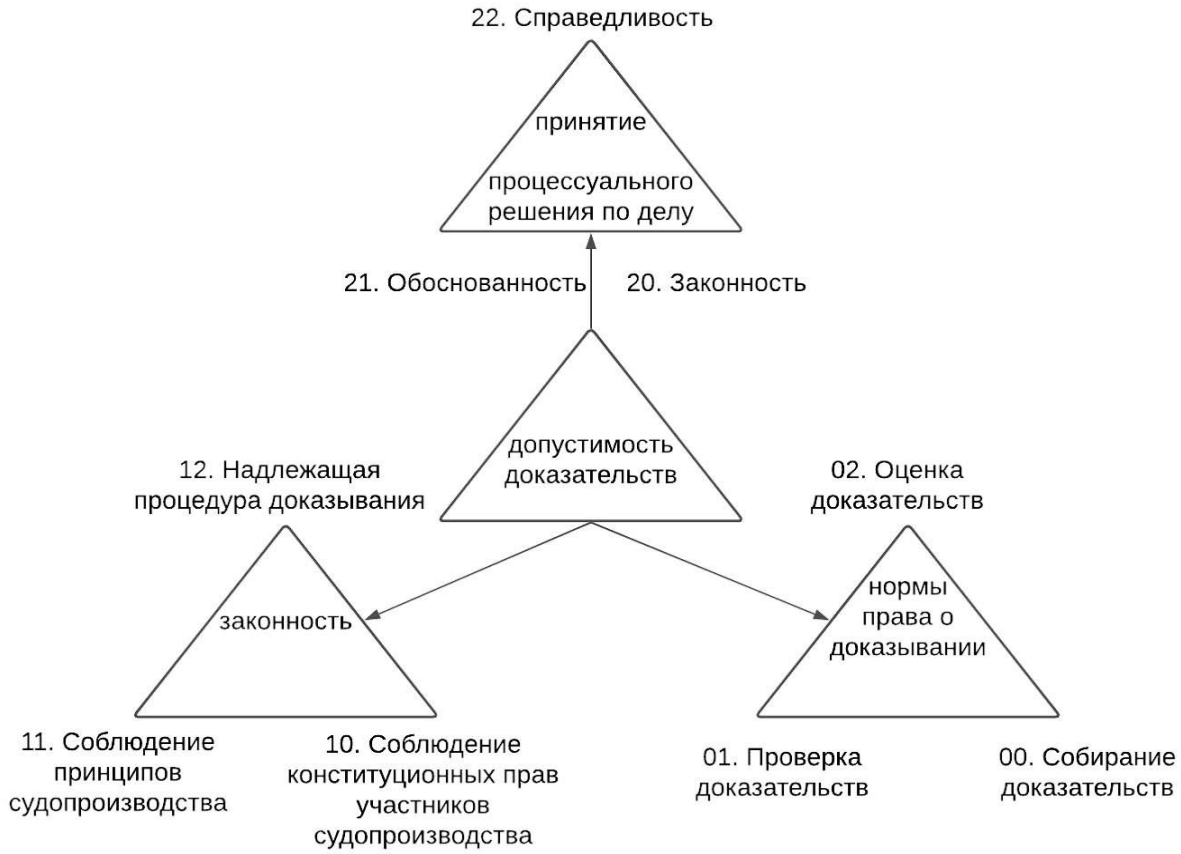

Рис. 2. Модель правовой категории «допустимость доказательства в уголовном судопроизводстве» в широком смысле

[1] См.: Ремизова М.С. Моделирование юридической категории недопустимого доказательства в уголовно-процессуальном праве России // Адвокатская практика. 2023. № 1. С. 14-201.

Конструирование дефиниции понятия «допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве» в узком смысле, как свойства доказательства, происходило по аналогичной технологии.

Анализ определений «допустимость в уголовном судопроизводстве» в узком смысле, предложенных разными авторами, позволил сконструировать соответствующую модель, на основе которой сформулирована дефиниция искомой правовой категории.

В модели выделены следующие основные элементы допустимости:

1) обязательное наличие субъекта правоприменения, который обязан строго соблюдать все установленные предписания закона – суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель, а также иные участники уголовного судопроизводства;

2) необходимость неукоснительного, строгого исполнения законоположений, устанавливающих порядок производства по уголовному делу (законность). В ныне действующем УПК РФ под законами понимаются как Конституция РФ, так и общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, федеральные законы или иные нормативно правовые акты, не противоречащие Конституции РФ и УПК РФ;

3) принятие процессуального решения по уголовному делу, как на досудебных, так и судебных стадиях производства.

Дешифрующей категории «субъект доказывания» присущи три признака:

1) надлежащее лицо;

2) установлен законом;

3) наделен соответствующими полномочиями по конкретному уголовному делу.

Надлежащим субъектом получения доказательств в уголовном судопроизводстве по УПК РФ является дознаватель, следователь, прокурор[1] и судья (последние два субъекта вызывают дискуссии в среде ученых), и к ним должны предъявляться следующие требования: лицо является гражданином РФ; уполномоченным в пределах своей компетенции принимать участие при производстве по конкретному уголовному делу; оно должно принять в соответствующем порядке производство по уголовному делу либо ему должно быть поручено производство следственных действий в порядке ст. 152 УПК РФ; не подлежит отводу. Естественно, что это лицо не должно в период проведения следственных действий находиться в отпуске (трудовом или учебном) или на лечении по поводу временной нетрудоспособности.

Второй дешифрующей категории «необходимость неукоснительного, строгого исполнения законоположений, устанавливающих порядок производства по уголовному делу (законность)», характерны три следующих признака:

1) неукоснительное соблюдение требований Конституции РФ и УПК РФ;

2) формирование (получение) доказательства из надлежащего источника, надлежащими методами судопроизводства. Сюда же включается порядок (процедура) производства по уголовному делу, надлежащая процессуальная форма и соблюдение процессуальных сроков;

3) соблюдение прав участников процесса и принципов уголовного судопроизводства.

В целях конструирования дефиниции допустимости в узком (процессуальном) смысле под необходимостью соблюдения действующего законодательства подразумевается в том числе и соблюдение принципа состязательности, особенно в части обеспечения равноправия сторон.

---

[1] См.: Лукожев Х.М., Чич Ж.Т. Прокурор как субъект обязанности доказывания в досудебном производстве по уголовным делам // Теория и практика общественного развития. 2021. № 4. С. 43-47.

Все полученные в ходе производства по делу доказательства должны представлять собой единство формы и содержания. При этом форма определяется соответствующим источником получения сведений об обстоятельствах дела согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а содержание определяется совокупностью сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Говоря о допустимости доказательства как свойстве, следует согласиться с авторами, которые полагают, что данная правовая категория включает в себя: соответствие предусмотренному уголовно-процессуальным законом порядку собирания и проверки полученных сведений; временная, пространственная и причинно-следственная взаимосвязанность сведений, полученных из надлежащего источника с обстоятельствами, установление которых необходимо; соответствие сведений, содержащихся в источнике, обстоятельствам действительно существовавшим[1].

Последняя дешифрующая категория «принятие процессуального решения по делу» состоит из трех элементов:

1) законность;

2) обоснованность;

3) справедливость.

Эти требования, предъявляемые законом к приговору, относятся и ко всем процессуальным решениям, выносимым всеми субъектами доказывания по уголовному делу.

На рис. 3 можно наглядно увидеть сконструированную модель правовой категории «допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве» в узком смысле.

Предполагается, что для конструирования дефиниции «допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве» как в узком, так и в широком смысле, названные признаки искомой правовой категории, и ее

дешифрующих понятий являются исчерпывающими, необходимыми и достаточными. При этом отсутствие любого из перечисленных компонентов (характеристик, элементов, качеств) допустимости приводит к логическому противоречию, и, соответственно, недопустимости.

Рис. 3. Модель правовой категории «допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве» в узком смысле

Следовательно, с помощью анализа и обобщения приведенных выше правовых категорий можно сформулировать определения «допустимости доказательства в уголовном судопроизводстве России» в узком смысле, одно из которых лаконичное, а второе – развернутое. В первом случае это *свойство доказательства, определяемое: формированием его надлежащим субъектом, с соблюдением порядка уголовного судопроизводства, обеспечивающее принятия законного процессуального решения*. А во втором это *свойство доказательства, определяемое: формированием его надлежащим субъектом, наделенным соответствующими полномочиями по*

[1] Нагучева Э.Д., Влезько Д.А. Основные требования к уголовно-процессуальной форме доказательств, обеспечивающих их допустимость. Нацразвитие. Наука и образование. 2021. № 3. С. 32-39.

уголовному делу, получением из надлежащего источника, с четким соблюдением установленного законом порядка; способностью носителя доказательственной информации служить целям установления предмета доказывания, то есть быть фактически пригодным для принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения[1].

Полученное определение искомой правовой категории, в которой отражены все ее юридически значимые элементы, считаем возможным закрепить в ст. 5 УПК РФ в качестве одного из базовых понятий.

На основании примененной методики исследования с помощью анализа и обобщения приведенных выше правовых категорий можно сформулировать лаконичную дефиницию понятия «*недопустимое доказательство в уголовном судопроизводстве*», под которым следует понимать *доказательство, полученное с нарушением принципов уголовного судопроизводства, или прав его участников, или из ненадлежащего источника; сформированное ненадлежащим субъектом или с нарушением установленного порядка производства по уголовному делу.* А также развернутую, в соответствии с которой *недопустимым является доказательство, сформированное ненадлежащим субъектом доказывания, либо за пределами его полномочий, либо без соблюдения требований Конституции РФ и УПК РФ, принципов уголовного судопроизводства, прав и свобод его участников, либо без соблюдения процессуальной формы, либо с нарушением установленных процессуальных сроков*.

Следующим важным аспектом исследуемой проблемы является отсутствие в действующем законодательстве четкого и понятного перечня существенных нарушений закона, по которому доказательства должны безальтернативно признаваться недопустимыми. УПК РФ, международные Конвенции и существующая правоприменительная практика используют разные критерии существенности, что позволяет сделать вывод о важности и

[1] См.: Ремизова М.С. Моделирование юридической категории недопустимого доказательства в уголовно-процессуальном праве // Адвокатская практика. 2023. № 1. С. 14-20.

необходимости формулирования в УПК РФ единого перечня таких нарушений.

Само по себе понятие «существенные нарушения закона» используется в УПК РФ, однако оно напрямую не связано с доказательствами и доказыванием, а служит в качестве оснований для:

1) принятия прокурором решения по поступившему с обвинительным постановлением уголовного дела и о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке (подп. «б» п. 3 ч. 1 ст. 226^{8} УПК РФ);

2) отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке (ст. 389^{15} и 389^{17} УПК РФ);

3) отмены по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей (ст. 389^{25} УПК РФ);

4) отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке (ст. 401^{15} УПК РФ);

5) отмены или изменения приговора, определения или постановления суда в порядке надзора (ст. 412^{9} УПК РФ).

Анализ приведенных норм позволяет прийти к выводу об отсутствии у законодателя единого мнения о том, что такое «существенное нарушение закона», поскольку в каждом приведенном случае существенность толкуется по разному (приложение 8).

Представляется, что при определении понятия «существенности» применительно к нормам доказательственного права, в каждом случае необходимо исследовать, насколько значимыми с точки зрения допустимости являются нарушения, имевшие место при проведении того или иного процессуального действия, в результате которого были сформированы доказательства. Существенность нарушений также необходимо определять

исходя из их соотношения с принципами уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальной формой, правам участников уголовного процесса.

Ранее нами уже была построена модель допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве, а также сформулирована дефиниция недопустимого доказательства. Следовательно, исходя из ее содержания, можно сформулировать единый перечень существенных нарушений закона, допущенных при собирании и закреплении доказательств, являющихся основаниями для признания их недопустимыми:

получение доказательств ненадлежащим субъектом либо надлежащим субъектом, но за пределами его полномочий;

нарушение при собирании и закреплении доказательств требований Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в части, не противоречащей Конституции РФ, УПК РФ и (или) иных законов;

нарушение при собирании и закреплении доказательств прав и свобод участников уголовного судопроизводства;

нарушение при собирании и закреплении доказательств установленных законом требований к их процессуальной форме и содержанию.

Таким образом, полагаем необходимым внести изменения в ст. 5 УПК РФ, включив в нее определение недопустимого доказательства в качестве одного из основных понятий, и дополнить статью 75 УПК РФ частью 3, в которой изложить вышеуказанный единый перечень существенных нарушений закона, допущенных при собирании и закреплении доказательств, являющихся основаниями для признания доказательств недопустимыми в любом случае. Также в целях единообразного понимания существенности нарушений закона следует также внести изменения и в ст. 226^{8}, 389^{15}, 389^{25}, 401^{15}, 412^{9} УПК РФ, сделав ссылки на ч. 3 ст. 75 УПК РФ в измененной редакции.

Вместе с тем проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в правовой смысл термина «доказательство по уголовному делу»

изначально заложено понятие допустимости. Следовательно, термин «допустимость» является некорректным по отношению к правовой категории «доказательство», поскольку если сведения являются доказательствами, то они априори должны быть допустимыми, полученными в соответствии с требованиями УПК РФ. В связи с этим представляется неправильным и противоестественным делить нарушения закона, допущенные при получении доказательств, на существенные и несущественные, поскольку, во-первых, таким делением нарушаются права участников уголовного судопроизводства, так как узаконенные судом доказательства, полученные с несущественным, но умышленным нарушением закона, могут быть положены в основу обвинительного приговора, а во-вторых, искажается смысл уголовно-процессуального закона и положений Конституции РФ, провозглашающих невозможность использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона.

По нашему мнению, в законе должны содержаться дефиниции понятий «допустимость доказательств» и «недопустимое доказательство», поскольку они необходимы для осуществления правильной оценки доказательств, четкого понимания, какие из них являются недопустимыми, а следовательно и для недопущения оперирования доказательствами, полученными с нарушением закона при производстве по уголовному делу.

Кроме того, нарушение требований УПК РФ субъектом доказывания при проведении следственных действий однозначно следует рассматривать как умышленное нарушение закона, поскольку в силу его должностного положения, знание им закона презюмируется. Соответственно, нарушение норм УПК РФ, допущенное при собирании доказательств в ходе следственных действий, может быть только умышленным и, следовательно, не может быть несущественным, так как незнание закона субъектом доказывания означает его несоответствие занимаемой должности (профессиональную непригодность). В некоторых случаях нарушение закона при очевидном осознании смысла совершаемых действий еще и образует состав

преступления, то есть является преступным и уголовно наказуемым. Если же властный субъект доказывания не знает закон и (или) нарушает его, это не должно становиться проблемой для иных участников уголовного процесса.

На наш взгляд, сама по себе идея о возможности несущественного нарушения закона противоречит Конституции РФ и смыслу уголовного судопроизводства, однако Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 31 октября 1995 г. № 8, по сути, допускает нарушение правоприменителем требований закона путем введения понятия «существенность», таким образом легитимизируя нарушения, которые могут быть, в том числе, умышленными. Следовательно, под влиянием постановления Пленума Верховного Суда РФ у правоприменителя может сложиться ошибочное мнение о возможности нарушать закон «несущественно», а потом эти нарушения «узаконить».

1.3. Эволюция института допустимости доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве в период с 1864 г. по настоящее время

В теории российского уголовно-процессуального доказывания предметом научного обсуждения достаточно часто является развитие института допустимости доказательств, актуальность которого возрастает с развитием науки и права. В разные исторические периоды менялись требования законодателя как к процессу доказывания, так и к институту допустимости доказательств. Все это происходило в зависимости от существовавшей политической системы, в связи с чем проблемы развития института допустимости доказательств необходимо исследовать в эволюции.

Институт допустимости доказательств в уголовном процессе России прошел длинный цикл эволюционного развития. В период до принятия Судебной реформы 1864 г., охвативший несколько столетий, формирование доказательств (понятия допустимости тогда не существовало) в уголовном процессе регламентировалось многочисленными нормативно-правовыми актами (царскими Указами), а затем Соборным уложением 1649 г. и носило

инквизиционный характер. В 1862 г. было составлено Полное собрание законов Российской империи в 15 томах, где в Книге 2 последнего тома были впервые систематизированы «Законы уголовные», которые включили в себя все уголовно-процессуальные нормы.

Принятие в Российской империи в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства сыграло революционную роль в развитии теории судебных доказательств, а также положило начало развитию института допустимости. Была упразднена действовавшая до этого времени первая научная теория доказывания – выросшая из инквизиционного (розыскного) процесса система формальных доказательств, и впервые в России введен суд присяжных. Ключевой целью формирования доказательств УУС установил достижение истины по уголовному делу (ст. 294 и 613)[1], закрепил возможность уголовного преследования только в порядке, определенном УУС (ст. 1).

Впервые получили законодательное закрепление нормы гарантирующие соблюдение «прав человека» при собирании доказательств: о возможности не свидетельствовать против самого себя и близких родственников (ст. 705); о запрете получения доказательств путем «угроз, обещаний, ухищрений или других вымогательных мер» (ст. 102, 405); о недопущении производства следственных действий в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательств (ст. 111); о праве на защиту (ст. 565, 583), в том числе о праве на назначение защитника судом (ст. 566).

Была констатирована невозможность начала предварительного следствия без законного к тому повода и достаточных оснований (ст. 262), введена норма о необходимости сбора сведений, характеризующих личность обвиняемого (ст. 115, 414), а также закреплена возможность проведения экспертиз (ст. 112, 325-327) и пересмотра вступившего в законную силу приговора суда по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 180)[2].

---

[1] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Вып. 3. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1914. С. 534.
[2] Там же. С. 534.

В УУС было закреплено понятие «доказательство» (ст. 119, 142), но без раскрытия его содержания, а также введены основополагающие принципы судопроизводства, действующие и в настоящее время: свобода оценки доказательств судом по своему внутреннему убеждению (ст. 119, 766); презумпция невиновности (ст. 14); устность и публичность (ст. 88, 156, 625) законность (ст. 1, 8, 9), состязательность сторон (ст. 557, 565, 566, 583, 939).

Допустимость доказательств в УУС была во многом связана с соблюдением процессуальной формы. Так, в ст. 1 можно найти норму, созвучную современной: «Подлежать судебному преследованию за преступление или проступок возможно только в порядке, определенном правилами сего Устава»[1]. А. Квачевский, разъясняя значение процессуальной формы по правилам УУС, писал: «Если правила, определяющие формы и обряды, будут неполны, то правосудие превратиться в грубый произвол»[2].

В УУС требования к форме получения и закрепления доказательств обрели законодательную регламентацию и обеспечивали их процессуальную пригодность. Так, имелись нормы о: обязательном участии понятых при осмотре и освидетельствовании (ст. 315, 320-323); процедуре проведения обыска и выемки (ст. 358-364); приобщении к делу вещественных доказательств (ст. 371); проведении допроса (ст. 398-414) и т.д. По правилам ст. 467, в результате проведения следственных действий составлялся соответствующий протокол. Вводился запрет (ст. 405-406) «домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства, а при отказе обвиняемого отвечать на вопросы изыскивать другие законные средства к открытию истины»[3].

Прокурор в УУС был наделен полномочиями по привлечению полицейских чинов, проводящих дознание, к ответственности «за нарушения

---

[1] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Вып. 3. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1914. С. 864.

[2] Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлении по Судебным уставам 1864 г. Теоретическое и практическое руководство, составленное А. Квачевским. Ч. 1. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. С. 9.

[3] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий … . С. 864.

процессуальных форм собирания доказательств … в зависимости от степени нарушения закона и формы вины, и от важности упущений и беспорядков»[1]. При этом, в силу ст. 485-488, прокурор имел право самостоятельно привлекать виновных лиц к ответственности за допущенные нарушения. В случае необходимости «разрешение данного вопроса он мог передать суду»[2].

При нарушении процессуальной формы судебными следователями, прокурор указывал на эти нарушения, а следователь устранял их, делая об этом отметку в протоколе. Подобный контроль осуществлялся и в суде, для чего «в ст. 507 были закреплены процессуальные санкции, возлагаемые за несоблюдение формы при производстве следственного действия. При выявлении нарушений закона суд своим определением передавал возбужденное уголовное дело другому следователю, признавая при этом предыдущие следственные действия недопустимым доказательством»[3].

Таким образом, при нарушении процессуальной формы производства следственного действия, суд, в силу своей функции в уголовном процессе, признавал полученное доказательство недействительным путем вынесения мотивированного определения. При этом даже существенные нарушения процессуальной формы, как правило, могли быть нивелированы путем производства следственного действия повторно, но уже с соблюдением всех требований действующего закона.

УУС впервые законодательно закрепил понятие «существенные нарушения закона»[4], выступавшие, в том числе, основанием для возвращения дела на доследование в целях устранения допущенных нарушений. Существенные нарушения закона, имевшие место в ходе дознания по делу, могли стать и основанием для отмены состоявшегося судебного решения (ст. 174, 912) при «условии их существенности и неустранимости в ходе

---

[1] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий … . С. 878.
[2] Там же. С. 878.
[3] Там же. С. 864.
[4] Там же. С. 867.

судебного разбирательства»[1]. Как видим, в таком подходе «прослеживается концепция деления нарушений на устранимые и неустранимые, которая применяется до настоящего времени»[2].

Сенат, вводя понятие существенного и несущественного нарушения закона, оставлял на усмотрение судьи возможность постановления приговора на основе недопустимых доказательств. В.К. Случевский по этому поводу заметил, что «Сенат определяет существенность … как соотношение нарушений формы или обрядности и обстоятельств дела … и их влияние на постановку приговоров ввиду обеспечения достоверности … приговор суда должен основываться только на обстоятельствах, которые выяснялись на судебном следствии и на доказательствах, полученных при соблюдении предписанных на этот предмет правил»[3].

Уже во время введения в действие УУС законодатель определил целью уголовного судопроизводства установление истины по делу через получение достоверных и допустимых доказательств. В разъяснениях к нему отмечалось, что «все действия, предшествующие вынесению решения по делу, должны быть направлены на получение удостоверения в действительности совершения преступления обвиняемым и в степени его виновности. Цель уголовного судопроизводства – есть обнаружение материальной истины …»[4]. В связи с этим А.Ф. Кони заметил, что «важная роль в уголовном процессе отводится непосредственно отысканию истины в деле, а не доказыванию вины подсудимого, во что бы то ни стало»[1].

По мнению А.Е. Федюнина и Н.М. Перетятько, «в УУС 1864 г. необходимость соблюдения процессуальной формы была установлена

---

[1] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий … . С. 864.

[2] Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. Эволюция подхода к допустимости доказательств в отечественном уголовно-процессуальном праве от Уставов уголовного судопроизводства до УПК Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 6. С. 48.

[3] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 380-381, 391.

[4] Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб.: Изд. Государственной канцелярии, 1866. С. 3.

достаточно четко, однако, она ставилась в зависимость от возможности получения в таких условиях достоверной информации о преступлении»[2].

Если не брать во внимание весьма спорную тему «достижения материальной истины», видно, что концепция доказывания, заложенная в УУС явно коррелирует с действующим УПК РФ как в части соблюдения процессуальной формы получения доказательств, так и соответствия их содержания требованиям допустимости и достоверности.

Обязательность соблюдения установленной законом процессуальной формы нашла дальнейшее отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Р.С.Ф.С.Р. 1923 г. (далее – УПК РСФСР 1923 г.)[3], однако она была закреплена законодательно лишь применительно к судебной стадии рассмотрения уголовного дела. Данная позиция законодателя объясняется тем, что «в этот исторический период советское уголовно-процессуальное право существовало в двух параллельных реальностях: одна из них регулировалась УПК РСФСР 1923 г., применявшимся по общеуголовным преступлениям, а другая – разнообразными уголовно-процессуальными актами чрезвычайного характера, действовавшими по тем уголовным делам, где с точки зрения власти, имела место политическая составляющая»[4]. Помимо обычных судов существовали революционные военные трибуналы, которым для вынесения обвинительного приговора было достаточно признания обвиняемым вины. Военные трибуналы самостоятельно устанавливали круг свидетелей для вызова в судебное заседание, могли ограничиться оглашением их показаний без вызова в суд для допроса.

При рассмотрении уголовных дел чрезвычайного характера революционные военные трибуналы были наделены полномочиями

---

[1] Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы. М.: Юрайт, 2019. С. 30.

[2] Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. Указ. соч. С. 48.

[3] См.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.

[4] Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 155.

принимать любые доказательства, которых ранее не было в деле. Срок от возбуждения уголовного дела до вынесения обвинительного, зачастую «расстрельного» приговора мог составлять не более месяца. Уголовные дела могли быть рассмотрены в отсутствие как обвинителя, так и защитника. Вместе с тем законодательно было «запрещено применение насилия и угроз при допросе обвиняемого»[1]. Однако, как впоследствии стало известно из рассекреченных исторических архивных данных, этот запрет был закреплен только «на бумаге» и не имел ничего общего с правоприменительной практикой.

В уголовно-процессуальном праве того времени отсутствовала кодификация норм, и в практике революционных военных трибуналов прослеживалась тенденция «подчинения особым режимам по отдельным категориям уголовных дел[2]. Например, в абз. 2 ст. 2 УПК РСФСР 1923 г. было закреплено правило, наглядно демонстрирующее замену закона целесообразностью, по которому судам было запрещено прекращать уголовные дела «под предлогом отсутствия, неполноты, неясности или противоречия законов»[3].

В ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. были перечислены виды «доказательств», при этом не давалось определение данного понятия. В то же время присутствовало упоминание «недопустимого доказательства», однако оно связывалось с «недопустимостью присяги как доказательства. В соответствии с требованиями ст. 57 УПК РСФСР 1923 г. суд по своему усмотрению мог истребовать у третьих лиц любые доказательства по делу, а те, в свою очередь, были обязаны их предоставить по запросу суда»[4]. Суд

---

[1] См.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.

[2] Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2017. С. 155.

[3] См.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г.

[4] См.: Там же.

«мог «закрыть глаза» на любое нарушение и принять доказательство в случае его соответствия нужной задаче»[1].

Исследование норм УПК РСФСР 1923 г. показывает, что в послереволюционное время акцент делался лишь на одном из признаков доказательств – достаточности, под которой подразумевалась «полнота следствия (ст. 227)»[2]. Вместе с тем по правилам ст. 319 «на суд возлагалась обязанность рассмотреть все имеющиеся в материалах дела доказательства в совокупности и дать им юридическую оценку по своему внутреннему убеждению»[3].

Согласно ст. 229 УПК РСФСР 1923 г., «прокуратура была наделена полномочиями самостоятельно вносить изменения в обвинительное заключение или пересоставить его, но уже по правилам ст. 210»[4]. Такими же полномочиями был наделен и суд. При этом на суд не возлагалась обязанность проверять достоверность собранных на досудебных стадиях доказательств (ст. 109, 385, 391, 394, 396, 397, 398). В соответствии со ст. 236, 238, 302 в случае, «если суд признавал предъявленное обвинение недостаточно обоснованным, на основании мотивированного определения он имел право истребовать новые доказательства либо направить дело для проведения доследования»[5].

В ст. 413 УПК РСФСР 1923 г. приведены основания к отмене приговора в вышестоящей инстанции, где среди прочих указаны «существенные нарушения форм уголовного судопроизводства»[6] каковыми по правилам ст. 415 признавались такие нарушения процессуальных норм, которые «путем лишения или стеснения гарантированных законом прав сторон, при рассмотрении дела или иным путем, помешали суду всесторонне

---

[1] Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. Указ. соч. С. 49.
[2] См.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.
[3] См.: Там же.
[4] См.: Там же.
[5] См.: Там же.
[6] См.: Там же.

разобрать дело, и повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора»[1]. Как видно, данная норма очень сильно напоминает современную трактовку «существенного нарушения закона», изложенную в ст. 389[17] УПК РФ, в которой явно прослеживается преемственность правовой традиции.

В.И. Толмосов, анализируя послереволюционный этап развития института допустимости доказательств, констатирует, что процесс доказывания «был переведен из плоскости научной и юридической – в политическую и классовую. Суд, основываясь на ст. 57 Кодекса, мог принять в уголовный процесс любое доказательство, руководствуясь лишь политическими соображениями целесообразности»[2]. В годы политических репрессий это спровоцировало бесчисленные нарушения прав личности как на стадии предварительного следствия, так и в суде. В правилах оценки доказательств судом акцент делался на их достаточности, а сама оценка «производилась судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» (ст. 319 УПК РСФСР 1923 г.).

А.Я. Вышинский отмечал, что «советское процессуальное право ... не ставит никаких формальных условных границ, допуская к предъявлению на суде и следствии любые факты. Допустить те или иные доказательства – дело суда, обязанного при решении этого вопроса руководствоваться только одним – стремлением к установлению истины»[3]. Подобные рассуждения помогли А.Я. Вышинскому ввести в правоприменительную практику понятие «царицы доказательств», под которой понимались признательные показания обвиняемого. По его мнению, «по делам о государственном

---

[1] См.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.

[2] Толмосов В.И. История становления и развития института допустимости доказательств в уголовном процессе России // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 2. С. 170-176.

[3] Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 232.

перевороте и заговорах не нужно требовать предъявления каких-то документов причастности обвиняемого к инкриминируемому ему преступлению, достаточно показаний самого обвиняемого, свидетельских показаний, и даже косвенных улик»[1]. Впоследствии А.Я. Вышинский изменил свое мнение относительно «царицы доказательств». Он писал: «Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и – еще хуже – единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело»[2].

Как видно, в рассматриваемом историческом периоде законодатель в большей степени отдавал предпочтение регламентации вопросов относимости и достаточности доказательств, оставляя любые вопросы их допустимости на исключительное усмотрение суда, продолжавшего обвинительную деятельность органов расследования в судебном заседании. Как такового понятия допустимости при этом не существовало и, основываясь на ст. 57 УПК РСФСР 1923 г., суд мог легализовать любые данные в качестве доказательств. По отношению к нормам ранее действовавшего УУС 1864 г. «это был шаг назад»[3].

Дальнейшая эволюция института допустимости доказательств происходила под влиянием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы), которые были утверждены Законом СССР от 25 декабря 1958 г.[4], а затем с 1960 г. и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР[5] (далее – УПК РСФСР 1960 г.).

В ст. 69 УПК РСФСР 1960 г. появилась дефиниция «доказательств», под которыми понимались «любые фактические данные, на основе которых в

---

[1] Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 209.
[2] Вышинский А.Я. Судебные речи. М.: Госюриздат. 4-е изд., 1955. С. 398.
[3] Исаев М.А. История Российского государства и права: учебник. М.: Статут, 2012. С. 680.
[4] См.: Постановление Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1, ст. 15.
[5] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела»[1]. В ст. 70 УПК РСФСР 1960 г. законодатель акцентировал внимание на процессуальном порядке собирания доказательств, их проверка теперь стала обязательным элементом процесса доказывания.

По сравнению с УПК РСФСР 1923 г., новый УПК РСФСР 1960 г. уже содержал нормы о допустимости доказательств. При этом применялись две формы: позитивная и негативная. Главной формой являлась позитивная, в основе которой лежала необходимость установления процедуры доказывания и «регламентация исчерпывающего перечня допустимых источников фактических данных, имеющих доказательственное значение»[2]. Негативная форма «реализовалась посредством прямого (ст. 74 УПК РСФСР 1960 г.) и косвенного (ст. 67, 72 УПК РСФСР 1960 г.) запрета»[3].

В УПК РСФСР 1960 г. отсутствовало определение недопустимого доказательства, и среди ученых-процессуалистов начались дискуссии на эту тему. Так, Г.М. Миньковский предлагал признавать в качестве недопустимых доказательств данные, полученные «в результате уголовно-наказуемых нарушений норм закона, которые регламентируют порядок собирания доказательств, а также существенные нарушения, вызывающие неустранимые сомнения в достоверности собранных данных»[4].

М.С. Строгович полагал доказательства допустимыми лишь при одновременной совокупности двух критериев: «а) соответствие источника сведений определенным условиям, указанным в законе (ст. 16 Основ); б)

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[2] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 232.

[3] Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. Указ. соч. С. 49.

[4] Миньковский Г.М. Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1970. С. 104.

облачение этих источников в определенные процессуальные формы, предусмотренные законом (ст. 150, 151,155-161 и др. УПК РСФСР 1960 г.)»[1].

По сравнению с М.С. Строговичем, Г.М. Резник расширил количество критериев для признания доказательств допустимыми. По его мнению, «для признания доказательства соответствующим требуемой процессуальной форме, необходимо помимо надлежащего источника, соблюдение условий, способа получения и закрепления сведений об обстоятельствах дела»[2].

Впоследствии авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» предлагали расширить критерии допустимости доказательств следующим перечнем: «а) известность и возможность проверки их происхождения; б) компетентность и осведомленность лиц, от которых они исходят и которые их собирают; в) соблюдение общих правил доказывания; г) соблюдение правил собирания данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений; д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле; е) отказ от использования в доказывании догадок, предположений»[3].

Проведенный анализ послереволюционного и раннего советского подхода к формированию доказательств показывает, что законодатель тех лет в значительной степени связывал их процессуальную пригодность (допустимость) с порядком (формой) получения. Проверка же достоверности находилась на втором плане и определялась целесообразностью, а в некоторых случаях вообще не проводилась. Пленум Верховного Суда СССР поддерживал такую позицию, отмечая, что «непременным условием установления истины по делу и принятия правильного решения является неукоснительное соблюдение процессуальной формы»[4].

---

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 393.
[2] Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977. С. 7.
[3] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 229.
[4] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1963 гг. / отв. ред. В.И. Теребилов. М.: Известия, 1964. С. 168-169.

Между тем в научной среде исследуемого периода происходила дискуссия относительно того, всякое ли нарушение закона приводит к недопустимости доказательств и каковы критерии существенности нарушений. Так, Е.А. Матвиенко и А.В. Дулов были сторонниками невозможности признания доказательств допустимыми «при любом нарушении установленных законом процессуальных правил»[1]. Реанимировать либо ставить вопрос об исследовании их достоверности, по мнению указанных авторов, было нельзя, поскольку «их использование может привести к потере авторитета судопроизводства, социалистической законности и нравственности»[2]. В качестве метода для «исправления» допущенных нарушений процессуальной формы они предлагали повторно проводить те же самые следственные действия, но уже с соблюдением требований закона.

В ст. 232 УПК РСФСР 1960 г. законодатель использовал термин «существенные нарушения уголовно-процессуального закона», однако отсутствовал соответствующий перечень нарушений закона, влекущих недопустимость доказательств. Так же как и по правилам УУС 1864 г. и УПК 2001 г., оценка существенности оставлялась на усмотрение суда[3]. В частности, к таким нарушениями могли быть отнесены: «непредъявление обвиняемому и его защитнику материалов дела; непредъявление обвинения; производство предварительного расследования лицом, подлежащим отводу; непривлечение переводчика в случаях, когда его участие обязательно»[4]. Таким образом, суд фактически проводил проверку обоснованности обвинения еще до начала судебного разбирательства по делу.

---

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / под общ. ред. А.А. Зданович. 3-е изд., испр. и доп. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1973. С. 302.
[2] Там же. С. 302.
[3] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1963 гг. / отв. ред. В.И. Теребилов. М.: Известия, 1964. С. 168-169.
[4] Перлов И.Д. Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР / под ред. Л.Н. Смирнова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1970. С. 374.

Анализ норм УПК РСФСР 1960 г. показывает, что институт допустимости доказательств в нем был сформирован лишь частично. Так, закрепление определения доказательства, сочеталось с отсутствием регламентации проверки его допустимости или недопустимости, в то же время прослеживалась правовая преемственность с УУС через явную связь допустимости доказательств с соблюдением процессуальной формы. В целом уголовно-процессуальное законодательство стало более демократичным. Необходимость в революционных военных трибуналах отпала. Правоприменители перестали подчиняться различным положениям чрезвычайного характера, таким, как рассмотрение уголовных дел в отсутствие обвинителя и защитника.

Следует также отметить, что принятие УПК РСФСР 1960 г. открыло широкие возможности для развития уголовно-процессуальной науки. Разработки советских ученых-процессуалистов относительно вопросов допустимости доказательств были весьма успешными и впоследствии использовались для создания следующего поколения уголовно-процессуального законодательства, воплотившись в Концепцию Судебной реформы в РСФСР (далее – Концепция)[1], создатели которой предлагали законодательно закрепить однозначные, не допускающие двойного толкования правоприменителем условия допустимости доказательств[2].

С введением в стране нового Основного закона, в ст. 50 которого было сформулировано правило о запрете использования недопустимых доказательств, этот принцип стал отраслевым и нашел отражение в ст. 69 УПК РСФСР 1960 г.[3]. Вопросы недопустимости доказательств получили свое закрепление также в ст. 433, 435, 465 УПК РСФСР 1960 г.

---

[1] См.: Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.
[2] См.: Там же.
[3] См.: Закон РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1313.

Авторы Концепции, основываясь на разработках советской юридической науки и изменениях Основного закона, обосновали необходимость «определения жестких критериев допустимости доказательств и введения практики беспощадного аннулирования недопустимых материалов»[1]. При этом вопросы допустимости доказательств выделялись в качестве ключевых, в том числе, в связи с возвращением в уголовное судопроизводство суда присяжных. Авторы Концепции судебной реформы с помощью законодательного закрепления однозначных, не допускающих двойного толкования оснований допустимости доказательств, пытались навсегда зафиксировать безапелляционное исключение недопустимых доказательств. Они предполагали использовать вопросы недопустимости в качестве санкции за процессуальное нарушение с тем, чтобы изжить практику, когда суд «закрывает глаза» на нарушения, совершенные органами предварительного расследования.

Возвращаясь к содержащемуся в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ безусловному запрету того, что «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона», следует отметить, что в данном контексте под федеральным законом понимается не только УПК, но и любой федеральный закон, который, например, регламентирует правовой статус защитника в уголовном процессе (федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), либо закрепляет возможность использования материалов, полученных в результате ОРД (федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»[2]) в ходе расследования уголовного дела с момента его возбуждения. В связи с этим конституционная норма о допустимости звучит абсолютно четко и не предлагает иного

---

[1] Перетятько Н.М., Федюнин А.Е. Допустимость доказательств в отечественном уголовном процессе в аспекте культуры правотворчества // Правовая культура. 2021. № 3. С. 66-74.

[2] См.: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп. от 29 декабря 2022 г., № 638-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349; 2023. № 1 (ч. I), ст. 85.

толкования, кроме недопустимости любого нарушения закона в ходе собирания доказательств в уголовном судопроизводстве, следовательно, определяет само понятие «недопустимого доказательства», как «полученного с нарушением закона».

Вместе с тем, поскольку в УПК РСФСР 1960 г. отсутствовала дефиниция «недопустимого доказательства», высшая судебная инстанция достаточно быстро сделала первые шаги к устранению своевольного толкования правоприменителем данного понятия. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» разъяснил судам, какие «доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона». Так в законодательстве появились две разные юридические категории: «недопустимые доказательства» и «доказательства, полученные с нарушением закона», о которых до настоящего времени ведутся научные дискуссии. Позже к ним добавилось еще и понятие «нарушения закона, устранимые (неустранимые) в судебном заседании», что на наш взгляд, прямо противоречит принципу состязательности и смешивает функции предварительного следствия и суда.

Закономерным развитием идеи о возможности использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, стали решения Верховного Суд РФ, рекомендующие судам при признании доказательств недопустимыми анализировать суть допущенных нарушений, а также исправлять их, что в корне противоречит нормам Конституции РФ и Концепции судебной реформы. Более того, анализ и деление нарушений закона, допущенных органами предварительного расследования, на существенные и не очень, а в некоторых случаях их устранение, возлагается на суд, что противоречит принципу состязательности сторон[1]. В настоящее

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 (с изм. и доп. от 15 декабря 2022 г., № 38) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2; 2023. № 3.

время «на суд возложена обязанность по выявлению и устранению нарушений закона, допущенных при собирании доказательств … что … превращает суд в некую проверочную инстанцию, в которой выправляются ошибки предварительного расследования»[1].

Ряд авторов (А.В. Победкин, В.А. Гавриков, В.А. Лазарева, В.М. Савицкий) придерживаются позиции, согласно которой «вопрос о признании доказательств недопустимыми ставится в зависимость от того, какие сведения являются его содержанием – обвинительные или оправдательные, так как признавать недопустимыми оправдательные доказательства по мотивам нарушения гарантий защиты интересов обвиняемого было бы нелогично. Целевое назначение этих гарантий – доказательство оправдательное»[2]. В то же время, по мнению В.М. Савицкого, «если доказательства, полученные с нарушением закона, используются для отстаивания невиновности или меньшей виновности обвиняемого, для смягчения его вины, то они обязательно должны приниматься во внимание следователем, прокурором и судом, ибо эти доказательства не доказывают ничего нового, кроме того, что само по себе не требует никаких доказательств – невиновности обвиняемого»[3]. Полностью разделяем данную позицию, поскольку, как уже ранее отмечалось, нарушения закона, совершенные субъектами доказывания, не должны становиться проблемой для иных участников процесса и нарушать их право на защиту.

В наши дни продолжается активная научная дискуссия о допустимости и недопустимости доказательств, существенности и несущественности нарушений закона, их устранимости и неустранимости, восполнимости и невосполнимости пробелов доказывания, а также о том, всякое ли нарушение закона при собирании доказательств влечет их безусловную недопустимость.

---

[1] Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. Указ. соч. С.51.

[2] Победкин А.В., Гавриков В.А. О некоторых проблемах допустимости доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 1999. № 7. С. 54.

[3] Савицкий В.М. Последние изменения в УПК: продолжение демократизации судопроизводства (вступительная статья к УПК РСФСР) // УК РСФСР, УПК РСФСР. М.: Юрид. лит., 1994. С. 184.

При этом одни ученые связывают решение последнего вопроса с нарушением основополагающих конституционных прав и свобод граждан[1], а другие с «любым нарушением закона при собирании доказательств»[2]. Вторая позиция однозначно соответствует буквальному толкованию требований ст. 50 Конституции РФ. По мнению Ю.И. Стецовского, «для признания процессуального акта недействительным не имеет значение, нарушен ли закон вследствие ошибки (добросовестного заблуждения); виновного пренебрежения процессуальными «формальностями» или преступных действий»[3]. Более подробно эта тема раскрыта в параграфе 1.2.

Некоторые представители процессуальной науки ставят возможность «восстановления допустимости» в зависимость от одновременного наличия следующих условий: «а) характера нарушения (пробела), которое не должно создавать неустранимых сомнений в достоверности полученных данных; б) фактического восполнения пробелов и «нейтрализации» последствий нарушений с тем, чтобы устранить возникшие сомнения»[4].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что, рассматривая процесс формирования допустимости доказательств в эволюции, начиная с УУС 1864 г. до настоящего времени, можно проследить возврат к нормам УУС, который впервые ввел и развил нормы о допустимости доказательств, взаимосвязанные с соблюдением процессуальной формы. Законодательно закрепленная в УУС процедура восстановления юридической силы доказательств во времена УПК 1923 г. и УПК 1960 г. была утрачена, но сейчас делаются попытки возврата к данной процедуре.

---

[1] Лупинская П.А. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 17; Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 7.

[2] Ляхов Ю.А. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. М.: Экспертное бюро, 1999. С. 12; Савицкий В.М. Уголовный процесс на новом витке демократизации // Государство и право. 1994. № 6. С. 106.

[3] Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М.: Юрид. лит., 1982. С. 73.

[4] Белкин Р.С., Винберг А.И. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1973. С. 332.

В УУС впервые были введены дефиниции «существенное нарушение закона» и «несущественные нарушения закона», а также определено, какие нарушения закона относятся к каждой из них. В настоящее время нет четких критериев оценки существенности нарушений закона, а разрешение данного вопроса отдается на усмотрение правоприменителя. Также в УУС было введено деление нарушений закона на устранимые и неустранимые, которое применяется и в современной правоприменительной практике.

В УСС впервые было установлено, что целью уголовного судопроизводства является установление истины по делу через получение достоверных доказательств в ходе расследования. Эта же норма была закреплена и в ст. 243 УПК РСФСР 1960 г. Действующий в настоящее время уголовно-процессуальный закон не содержит прямого закрепления соответствующей цели уголовного судопроизводства. На наш взгляд, данное обстоятельство является упущением законодателя и недостатком действующего УПК РФ, поскольку целью доказывания в уголовном процессе России является установление истинного, достоверного знания об обстоятельствах совершенного и преступления, в связи с чем эти обстоятельства должны быть установлены в соответствии с объективной действительностью и не зависеть от чьего-либо субъективного мнения.

Нам представляется, что УУС 1864 г. по сравнению с ныне действующим УПК РФ в части допустимости доказательств был более прогрессивным и совершенным. В определенном смысле ныне действующий УПК РФ не достиг того уровня совершенства юридической техники, каким обладал УУС. Например, по нормам УУС признание отдельных следственных действий недействительными в обязательном порядке оформлялось мотивированным определением суда, а в настоящее время суд не всегда выносит мотивированное постановление (определение) с удалением в совещательную комнату (более подробно эти вопросы исследованы в параграфе 3.3). По УУС суд был наделен полномочиями самостоятельно ставить вопрос о признании доказательств недопустимыми

без заявления соответствующего ходатайства сторон. Сейчас же этот вопрос является дискуссионным среди ученых процессуалистов и не имеет четкой правовой регламентации.

Следует признать, что УУС 1864 г. не являлся абсолютно идеальным образцом юридической техники. Он, как и любой нормативно-правовой акт, имел ряд недостатков, однако настоящая работа ориентирована на выявление именно положительных сторон данного памятника отечественного уголовно-процессуального права дореволюционного периода, заложившего правовую базу формирования института допустимости доказательств.

Исследование эволюции института допустимости доказательств позволяет сделать вывод о том, что процесс его формирования условно состоял из следующих исторических этапов:

1864-1923 гг. – период действия Устава уголовного судопроизводства, в котором происходило зарождение и становление института допустимости доказательств и декретов послереволюционного периода. Поскольку во время действия первых законодательных актов советской власти какого-либо развития исследуемый институт не получил, конечной датой рассматриваемого периода указан 1923 г., когда был введен в действие первый УПК РСФСР. По сравнению с последующими историческими периодами этот можно охарактеризовать как время расцвета института допустимости доказательств. Именно тогда на законодательном уровне произошло закрепление понятия существенного нарушения закона, влекущего признание доказательства недействительным, порядка такого признания, процессуальных последствий, ответственности должностных лиц, допустивших нарушения закона. Ныне действующий УПК РФ со всеми изменениями такого терминологического аппарата не содержит;

1923-1960 гг. – период действия послереволюционного уголовно-процессуального законодательства, существовавшего в двух параллельных реальностях, когда одновременно действовал и УПК РСФСР 1923 г. и различные законы чрезвычайного характера. В данный исторический

период прослеживается инквизиционная модель уголовного судопроизводства с присущими ей характерными чертами, когда наряду с судами общей юрисдикции существовали революционные военные трибуналы, а с момента возбуждения уголовного дела до вынесения расстрельного приговора могло пройти не больше месяца. Отсутствовала кодификация норм права (ведь государством могла править и кухарка, которая не имела представления об уголовно-процессуальных нормах). Суд «закрывал глаза» на любые нарушения закона для достижения нужной задачи, а вопросы допустимости доказательств и весь процесс их формирования носил классовый и политизированный характер. Основной характеристикой данного исторического этапа является «классовый подход» ко всему процессу доказывания, который происходил «в инквизиционном процессе с элементами состязательности и жесткими ограничениями в праве обжалования, сочетающимися с неограниченным правом высших инстанций над низшими»[1];

1960-1991 гг. – период действия УПК РСФСР, принятого 27 октября 1960 г. По сравнению с предыдущим периодом в эту эпоху уголовно-процессуальный закон претерпел существенные изменения: законодательное закрепление получила дефиниция доказательства; начали возвращаться нормы о допустимости доказательств, хотя все еще законодательно не было определено понятие недопустимости; достоверность и допустимость были соотнесены с процессуальной формой получения доказательств. Задачами уголовно-процессуального законодательства стали: «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение и наказание виновных лиц, обеспечение режима законности и правопорядка»[2];

1991-2001 гг. – период реформирования УПК РСФСР 1960 г., Концепция Судебной реформы 1991 г. Характерной чертой указанного

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: http://museumreforms.ru/node/13986/ (дата обращения: 12.12.2024).
[2] Елчиев М.Ф. Деятельность прокурора и суда по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 163.

периода является закрепление в Основном законе страны запрета на использование доказательств, полученных с нарушением закона. Однако все еще не были определены признаки и дефиниция существенных нарушений закона, делающих доказательства недопустимыми. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8, с одной стороны, пытался восполнить названные пробелы в законодательстве, определяя основания для признания доказательств полученными с нарушением закона. С другой стороны, ввел в правовой оборот две разные юридические категории: «недопустимые доказательства» и «доказательства, полученные с нарушением закона». С возвращением в уголовное судопроизводство суда с участием присяжных заседателей были внесены изменения в ст. 69 УПК РСФСР, согласно которым доказательства, полученные с нарушением закона, теряли юридическую силу;

с 2002 г. по настоящее время – введение в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который изначально позиционировался правозащитным, соответственно более прогрессивным, однако в части института допустимости доказательств этого сказать нельзя. Как и в предшествующих кодексах, данный институт остался недоработанным, что повлекло необходимость устранения пробелов через постановления Пленумов Верховного Суда РФ.

Таким образом, подводя итоги исследования, проведенного в первой главе, можно сформулировать следующие основные выводы и предложения:

1. В процессе формирования института допустимости доказательств условно выделены следующие исторические этапы: 1864-1923 гг., 1923-1960 гг., 1960-1991 гг., 1991-2001 гг., 2002 г. по настоящее время. В результате проведенного анализа норм УУС 1864 г., УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г., Концепции Судебной реформы 1991 г. и УПК РФ 2001 г. составлены: карта эволюции допустимости доказательств, начиная с УУС 1864 г. до настоящего времени (приложение 1), карта эволюции существенных нарушений закона (приложение 2), а также Сравнительная таблица понятий

существенных нарушений закона по УПК РФ 2001 г. и по Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. (приложение 8).

Анализ уголовно-процессуального законодательства различных исторических периодов позволил составить карту эволюции института допустимости доказательств, начиная с УУС 1864 г. до настоящего времени (приложение 1), отражающую процесс его формирования и показывающую прогрессивные и регрессивные векторы развития, а также позволяющую выявить и проследить закономерности хода юридической мысли в разные исторические периоды. Данная разработка может быть использована для реформирования и совершенствования действующего законодательства с учетом выявленных тенденций.

2. С использованием одного из методов КСМ – одноуровневой триадической дешифровки – была построена модель правовой категории «доказательство по уголовному делу». С помощью метода двухуровневой триадической дешифровки построены модели и получены определения «допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве» в широком и узком смыслах, а также «недопустимого доказательства». В связи с отсутствием в действующем УПК РФ единого понимания существенного нарушения закона, исходя из содержания найденной дефиниции правовой категорий недопустимого доказательства, сформирован единый перечень существенных нарушений закона, допущенных при собирании и закреплении доказательств, являющихся основаниями для признания их недопустимыми.

Смоделированные дефиниции предложено закрепить в качестве базовых юридических терминов в ст. 5 УПК РФ (приложение 7), включив в нее определение недопустимого доказательства, и дополнить ч. 3 ст. 75 УПК РФ перечнем существенных нарушений закона, являющихся основаниями для признания доказательств недопустимыми. В целях единообразного понимания существенности нарушений закона, представляется необходимым внести изменения и в ст. 226^{8}, 389^{15}, 401^{15}, 412^{9}

УПК РФ, в которых при указании на существенность нарушений закона сделать ссылку на ч. 3 ст. 75 УПК РФ в новой редакции.

3. Обоснован вывод о том, что в правовой смысл термина «доказательство по уголовному делу» изначально заложено понятие допустимости. Следовательно, термин «допустимость» является некорректным по отношению к правовой категории «доказательство», поскольку если сведения являются доказательствами, то они обязательно должны быть допустимыми. При этом представляется неправильным и противоестественным делить нарушения закона на существенные и несущественные, поскольку, таким делением нарушаются права участников уголовного судопроизводства.

ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

2.1. Принцип законности в уголовном судопроизводстве: его содержание и значение в формировании допустимых доказательств

Принцип законности, закрепленный в ст. 7 УПК РФ, является основой для осуществления уголовно-процессуальной деятельности. По своей сути, данная норма является препятствием для нарушения любых законов при осуществлении уголовного судопроизводства. Необходимость обязательного и неукоснительного соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства при производстве по уголовному делу презюмируется. Отклонение от указанных требований может привести к серьезным правовым последствиям, в том числе и в ходе оценки судом доказательств, и повлиять на исход дела. Законность «определяет эффективность уголовного преследования и уровень защищенности прав и свобод участников судопроизводства, разграничивает правомерные и незаконные действия участников доказывания, устанавливает баланс публичных и частных интересов в досудебном и судебном производстве»[1] и является критерием оценки содержания доказательства и «основанием для признания доказательств недопустимыми»[1].

Принцип законности находит реализацию на всех стадиях производства по уголовному делу. Регламентация каждого процессуального действия пронизана необходимостью соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства всеми субъектами правоприменения при его совершении и принятии процессуальных решений, в том числе при формировании допустимых доказательств. Н.С. Манова и Ю.В. Францифоров указывают на то, что «отступление от требований уголовно-процессуального закона, и ошибка в его применении нарушает

[1] См.: Терехин В.В. Допустимость доказательств: понятие и содержание в контексте формы уголовного процесса. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 459-461.

принцип законности, что наносит огромный ущерб государству и гражданам»[2].

Согласно ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ч. 1 ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований закона, не могут использоваться при осуществлении правосудия. В силу положений ч. 3 ст. 7 УПК РФ нарушение норм Кодекса «судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств».

Нарушение требований уголовно-процессуального законодательства может негативно сказаться на результатах рассмотрения уголовного дела после окончания предварительного расследования по нему (к примеру, доказательства могут быть признаны судом недопустимыми и исключены из дальнейшего использования; состоявшийся приговор может быть отменен в связи с нарушениями закона и т.д.), а также отразиться на дальнейшей карьере субъекта правоприменения, допустившего нарушение требований закона (от дисциплинарной до уголовной ответственности).

Принцип законности был впервые закреплен еще в ст. 1 УУС 1864 г., согласно которой «никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава»[3].

В ст. 5 УПК РСФСР 1923 г. говорилось о необходимости соблюдения законности только при назначении наказания в виде лишении свободы и заключении под стражу: «Никто не может быть лишен свободы и заключен

---

[1] Кравченко М.Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С.15.
[2] Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Уголовный процесс. М.: Юрайт, 2005. С. 125.
[3] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Вып. 3. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1914. С. 534.

под стражу иначе как в случаях, указанных в законе, и в порядке, законом определенном»[1].

Принцип законности нашел отражение и в ст. 1 УПК РСФСР 1960 г., которая гласила о том, что «установленный уголовно-процессуальными законами порядок судопроизводства является единым и обязательным по всем уголовным делам и для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания»[2]. Он закреплен также в ч. 1 ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в качестве одного из важнейших принципов международного права («Наказание исключительно на основании закона»[3]).

Исходя из буквального толкования ст. 15 Конституции РФ, суть принципа законности сводится к неукоснительному соблюдению «органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями требований Конституции Российской Федерации, законов, иных правовых актов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в части, не противоречащей Конституции РФ», а из содержания ч. 2 ст. 1 и ст. 7 УПК РФ под законностью при производстве по уголовному делу можно понимать точное соблюдение судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания и дознавателем, а также иными участниками уголовного судопроизводства, порядка и требований УПК РФ, а также

---

[1] См.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 декабря 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[3] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

федерального закона или иного нормативного правового акта в части, не противоречащей УПК РФ.

В соответствии с требованиями ст. 297 УПК РФ «приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым» и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона». При этом ни УПК РФ, ни Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении «О судебном приговоре» не дают определение ни одному из критериев, которым должен соответствовать приговор суда, в том числе и законности. Следствием данного обстоятельства явилась дискуссия среди ученых, которые до сих пор не пришли к единому мнению относительно дефиниции законности.

С.С. Безруков отмечает что, «озаглавив статью 7 УПК «Законность при производстве по уголовному делу», разработчики Кодекса фактически ограничили сферу ее действия, не распространив данное положение на стадии возбуждения уголовного дела и исполнения приговора»[1].

Следует согласиться с данным автором, поскольку в суде производство по уголовному делу заканчивается вынесением итогового судебного акта с использованием доказательств, собранных на досудебных стадиях, где и происходит основная работа, направленная на их формирование в установленном законом порядке. Таким образом, соблюдение принципа законности является необходимым и обязательным условием, в том числе и на досудебных стадиях производства по уголовному делу. И хотя это правило в УПК РФ прямо не закреплено, его соблюдение презюмируется. В связи с изложенным, представляется логичным на законодательном уровне восполнить правовой пробел, включив в ст. 7 УПК РФ определение

[1] Безруков С.С. Актуальные проблемы определения содержания принципа законности в уголовном судопроизводстве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России, 2019. № 1. С. 5-15.

принципа законности и требование о необходимости его соблюдения на всех стадиях производства по уголовному делу.

В.И. Даль в толковом словаре определяет законность как «состояние, принадлежность законного, согласного с законами, на них основанного»[1]. В юридическом энциклопедическом словаре «законность характеризуется в качестве одного из элементов демократии и правового государства»[2], равно «как требование о точном исполнении требований законов и нормативно-правовых актов всеми субъектами правоприменения»[3].

Важно отметить, что принцип законности взаимосвязан с правовым термином «верховенство закона», который предполагает невозможность исполнения субъектами правоприменения нормативных актов при их противоречии с Конституцией РФ и иным законам. Такого подхода придерживаются Н.В. Евдеева, А.А. Кирянин, П.А. Петров[4], М.Э. Жаркой[5], Р.А. Ромашов, П.А. Оль и М.В. Сальников[6], О.П. Сауляк и А.И. Экимов[7], Т.Н. Радько, В.В. Лазарев и Л.А. Морозова[8], А.И. Морозов, К.Г. Прокофьев и А.Ю. Сергеева[9], а также другие авторы[1].

---

[1] Даль В.И. Толковый словарь онлайн. URL: https://slovardalja.net/word.php?wordid=8884 (дата обращения: 12.12.2024).

[2] Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 204.

[3] Там же. С. 204.

[4] Евдеева Н.В., Кирянин А.А., Петров П.А. Законность как принцип юридической практики // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 7. С. 65-70.

[5] Жаркой М.Э. Проблема законности в упрощенном характере уголовного процесса в России: вчера и сегодня // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 1. С. 86-94.

[6] Ромашов Р.А., Оль П.А., Сальников М.В. Основы теории государства и права: учебник / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2002. С. 31.

[7] Сауляк О.П., Экимов А.И. Обеспечение законности как гарантия реализация прав человека // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. Н. Новгород, 2003. С. 220-232.

[8] Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2019. С. 390-397.

[9] Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 107-114.

Следует помнить и о том, что, несмотря на всеобщность принципа законности, между отраслями права появляется все больше различий в понимании данной правовой категории. Например, в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве предполагается верховенство норм УПК РФ над иными законами, которые могут применяться при производстве по уголовному делу только в случае, если они не противоречат УПК РФ.

Вместе с тем, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, «приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным, в частности, в случаях, когда в иных, помимо УПК РФ, законодательных актах устанавливаются те или иные дополнительные гарантии прав и свобод в рассматриваемой сфере правоотношений»[2].

М.С. Строгович полагал, что «принцип законности в уголовном процессе – это совокупность всех принципов процесса в их взаимной связи, а не отдельный принцип наряду с другими, это основа всех принципов процесса и каждого принципа в отдельности, а не нечто отличное от них, это то, что выражено во всех принципах процесса и в каждом отдельном принципе, а не одно лишь звено системы принципов»[3].

Ю.В. Францифоров считает, что «законность – это не принцип, а нечто отличное от принципов процесса, поскольку взаимодействие всех принципов уголовного судопроизводства, а тем самым и принципа законности, является

---

[1] Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 1997. С. 363-371; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 374-380; Теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 480-487; Мурсалимов К.Р., Хабибулин А.Г. Теория государства и права: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 431-444; Иванников И.А. Теория государства и права: учебник. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 232-239; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 546-561; Теория государства и права: учебник. Ростов н/Д: Изд-во Феникс, 2011. С. 270-277.

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://e.ugpr.ru/ npd-doc?npmid=96&npid=901964638 (дата обращения: 12.12.2024).

[3] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. I. С. 175.

таким состоянием активного взаимодействия, которое характерно для всех принципов уголовного процесса»[1]. При этом он критически относится к законодательной интерпретации указанного принципа, полагая, что Кодекс обходит стороной требования о необходимости соблюдения закона свидетелем, экспертом, переводчиком, специалистом, защитником, потерпевшим, подозреваемым (обвиняемым)[2]. «Законность в уголовном процессе, – отмечает Ю.В. Францифоров, – это определенное состояние уголовно-процессуальной деятельности, которое гарантирует защиту его участников от насилия, беспорядка и произвола субъектов уголовного судопроизводства»[3]. С этим мнением следует согласиться, поскольку требования об исполнении и соблюдении действующего законодательства должны распространяться не только на должностных лиц – субъектов правоприменения, но и на всех граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, независимо от занимаемого ими процессуального статуса.

Ряд ученых придерживаются позиции, согласно которой «принцип законности выражает требование полного и неукоснительного соблюдения и исполнения УПК РФ и других федеральных законов, являющихся источниками уголовно-процессуального права, всеми субъектами уголовного процесса, как государственными органами и должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность, так и иными лицами, привлекаемыми к производству по уголовным делам»[4].

По мнению В.Т. Томина, «формулировка принципа законности состоит в том, что действующие уголовно-процессуальные нормы, равно как и нормы

---

[1] Францифоров Ю.В. Законность в уголовном судопроизводстве как средство выражения уголовно-процессуального права // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 4147.
[2] Там же. С. 4147.
[3] Там же. С. 4147.
[4] См.: Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России; Фонд «Университет», 2019. С. 69-71; Афанасьев В.С. Обеспечение социалистической законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1987. С. 24.

уголовного и других отраслей материального права, необходимые для производства процессуальных действий и принятия решений по уголовному делу, должны скрупулезно исполняться и соблюдаться».[1] Подобной точки зрения придерживаются Е. Доля[2] и З.Д. Еникеев[3].

А.М. Баранов и П.Г. Марфицин указывают на целесообразность дифференцирования принципа законности в широком и узком смыслах. С их точки зрения, «законность в широком смысле служит отражением естественных начал права. При таком подходе неизбежен вывод о том, что законность – это уважение к закону, его понимание, толкование и соблюдение (применение) в соответствии со складывающимися правоотношениями в конкретный период развития цивилизации». По их мнению, «законность, выступая в роли политико-правового режима, сводится к уровню правосознания общества, состоянию законодательства и правоприменительной практики». Указанные авторы также предлагают рассматривать законность «в узком смысле (отраслевом, легистском, позитивном), в качестве принципа права, под которым понимается требование соблюдения буквы и формы закона …»[4].

Профессор Н.Г. Александров разделяет их мнение. С его точки зрения, «законность в широком смысле означает требование соблюдать законы всеми субъектами права. Законность, понимаемая в узком аспекте, означает

---

[1] Томин В.Т. Динамика взглядов процессуалиста на понятие и систему принципов уголовного процесса // Правовая наука на рубеже XXI столетия: сб. науч. тр. М.: Юрайт, 2000. С. 123; Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. С. 51,156.

[2] Доля Е. Принцип законности в уголовном судопроизводстве: онтологический, гносеологический и правовой аспекты // Законность. 2010. № 1. С.3-8.

[3] Еникеев З.Д. Пробелы нового УПК Российской Федерации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: сб. мат. регион. ежегод. науч.-практ. конф. Вып. 2. Барнаул, 2003. С. 68.

[4] См.: Баранов А.М., Марфицин П.Г. Нормы-принципы уголовного процесса: закон и теория. Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normy-printsipy-ugolovnogo-protsessa-zakon-i-teoriya (дата обращения: 12.12.2024).

соблюдение законов именно должностными лицами государства, то есть она распространяется только на деятельность государственного аппарата»[1].

Мы не можем согласиться с мнением авторов, предлагающих дифференцировать законность в широком и узком смыслах, поскольку необходимость уважения требований закона, его соблюдение не должно ставиться в зависимость от уровня развития цивилизации и степени правосознания общества. На наш взгляд, уровень правосознания общества напрямую зависит от степени соблюдения законности в нем, а не наоборот – чем выше уровень правосознания, тем выше требования к законности.

Д.В. Зотов отмечает, что «законность решения предполагает то, что в нем могут быть использованы только те источники сведений о фактах, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством»[2].

Н.Л. Гранат рассматривает принцип законности в качестве состояния законодательства, а также «правового режима, призванного отвечать потребностям и интересам развития общества»[3]. Наглядным примером подчинения законности политико-правовому режиму являются такие ее виды как «революционная», «советская», «социалистическая» и т.п.

Многообразие определений искомой правовой категории не ограничивается перечисленными, однако суть их всех сводится к тому, что «законность это требование о соблюдении и исполнении законов и подзаконных актов всеми субъектами правоотношений»[4].

В связи с отсутствием в УПК РФ легального определения принципа законности, ученые-процессуалисты продолжают проявлять интерес к разработке дефиниции принципа законности в уголовном процессе и в своих научных трудах приводят разные определения этой юридический

---

[1] Александров Н.Г. Право и законность в период строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. С. 105-106.

[2] Зотов Д.В. Роль «пределов доказывания» в системе уголовно-процессуального познания // Мировой судья. 2016. № 6. С. 15-19.

[3] Гранат Н.Л. Правовые и нравственно-психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 31.

[4] См.: Баранов А.М., Марфицин П.Г. Указ. соч.

категории. В содержании настоящего исследования используются лишь те дефиниции, которые, по нашему мнению, наиболее точно выражают ее сущность.

В ходе анализа определений, выделены такие основные, необходимые и достаточные свойства (характеристики) объекта исследования, как:

1) наличие субъекта правоприменения, который обязан строго соблюдать требования действующего законодательства, каковыми являются суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель, а также все лица, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства;

2) деятельность субъекта, направленная на неукоснительное соблюдение и исполнение действующего законодательства, регламентирующего порядок производства по уголовному делу на всех стадиях производства по нему.

В УПК РФ под законами подразумеваются как Конституция РФ, так и общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, федеральные законы или иные нормативно правовые акты, не вступающие в противоречие с Конституцией РФ и УПК РФ;

3) конечная цель состоит в необходимости точного исполнения требований закона и находится во взаимосвязи с назначением уголовного судопроизводства, указанном в ст. 6 УПК РФ.

Учитывая названные необходимые и достаточные свойства (характеристики) объекта, с помощью метода одноуровневой триадической дешифровки, логика и содержание которого изложены в параграфе 1.1 и 1.2, была сконструирована модель принципа законности в уголовном процессе (рис. 4), на основе которой сформулировано соответствующее лаконичное определение.

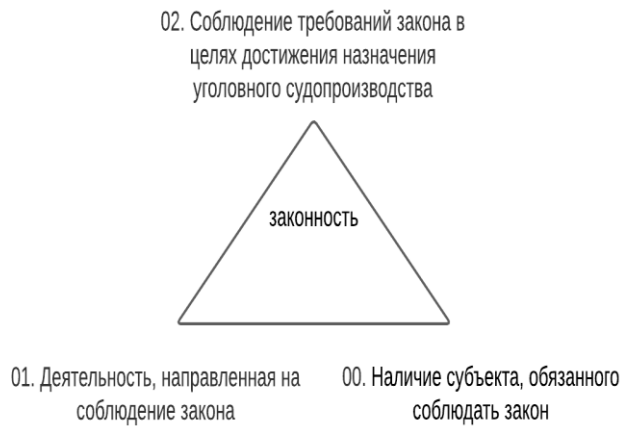

Рис. 4. Модель правовой категории «принцип законности в уголовном судопроизводстве»

Таким образом, *законность в уголовном судопроизводстве* следует рассматривать как *принцип уголовного процесса, предполагающий на всех стадиях производства по уголовному делу неукоснительное соблюдение судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания и дознавателем, а также всеми лицами, вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений, требований действующего законодательства, устанавливающего порядок производства по уголовному делу для достижения назначения уголовного судопроизводства.*

2.2. Процесс доказывания как основа формирования допустимых доказательств в уголовном судопроизводстве

Вопросы доказывания являются объектом жарких дискуссий юристов с древности. В римском праве встречаются указания о том, на ком лежит бремя доказывания: «Доказывание лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает, на отрицающем нет обязанности доказывать (*ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat; negantis nulla probatio est*)»[1]. Оставаясь «стержнем» уголовного процесса, данная тема находится в постоянной динамике, она

[1] Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Океан, 2004-2017. Т. 23. С. 617.

неисчерпаема. Указанное обстоятельство определяет ее актуальность и необходимость более детального изучения, поскольку исключительно в процессе доказывания происходит реализация обеспеченных Конституцией РФ прав и свобод граждан, которые в силу разных обстоятельств оказались вовлеченными в сферу уголовно-правовых отношений.

Еще В.Д. Спасович отмечал, что «доказывание является центральным узлом всей системы судопроизводства, движущим началом, образующим самую существенную статью процесса, которая обусловливает и устройство судов, и все главные формы судопроизводства»[1]. Отсутствие законодательно закрепленной дефиниции исследуемого объекта делает еще более актуальной необходимость изучения такого юридического явления как доказывание»[2]. Поддерживая позицию В.Д. Спасовича, П.А. Лупинская полагает, что «доказывание составляет сердцевину уголовного судопроизводства, пронизывает деятельность всех его участников и осуществляется на всем его протяжении»[3]. Если же говорить о доказывании обвинения в контексте принципов состязательности и презумпции невиновности, то можно поддержать мнение Г.Г. Турилова, который полностью возлагает данную обязанность на обвинителя[4].

По мнению Я.О. Мотовиловкера[5], «то, что доказывается, что подлежит установлению по уголовному делу при помощи доказательств, называется предметом доказывания … – это те факты и обстоятельства уголовного дела, которые подлежат установлению при помощи доказательств для того, чтобы дело могло быть правильно разрешено». Развивая данную идею,

---

[1] Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. С. 235.

[2] См.: Ремизова М.С. Тезаурус дефиниции «доказывание» в уголовно-процессуальном праве России // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 2023 г.). Ч. 1. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2022. С. 162-170.

[3] Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1966. С. 102.

[4] Турилов Г.Г. Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 9.

[5] Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1974. С. 51.

И.А. Грудинин определил, что «доказывание подразумевает под собой урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность, представляющую собой единство познавательного и удостоверительного моментов и осуществляемую субъектами доказывания для выявления всех обстоятельств предмета доказывания и, в конечном счете, установления объективной истины по делу путем собирания, проверки и оценки доказательств, а также их использования при обосновании версий события преступления и правомерности принятия уголовно-процессуальных решений»[1]. При этом всегда следует помнить о замечании М.С. Строговича, которое не утратило силу до сегодняшнего времени и состоит в том, что «нет ничего более вредного для правосудия, для раскрытия истины по делу, как односторонний обвинительный уклон, однобокий подход к исследуемым фактам и обстоятельствам, когда собирается и фиксируется то, что подтверждает или отягчает обвинение, и игнорируется то, что опровергает обвинение или смягчает его»[2].

О.В. Гладышева справедливо отмечает о том, что в настоящее время «уголовно-процессуальное доказывание переживает новый виток подъема научного интереса, вызванного многочисленными проблемами, проявляющимися в практической доказательственной деятельности. что наиболее заметными являются альтернативные формы доказывания в сокращенном дознании и в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве»[3]. При этом, несмотря на активные научные дискуссии в сфере доказательств и доказывания, по мнению автора, «современное уголовно-процессуальное доказывание не претерпевает каких-либо

---

[1] Грудинин И.А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 7-8.

[2] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 268.

[3] Гладышева О.В. Современные тенденции развития доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности (14-15 марта 2024 г.). Ижевск: Изд-во: Удм. гос. ун-та, 2024. С. 11.

масштабных изменений в законодательном регулировании, в связи с чем прямое свидетельство проявляемых тенденций в его развитии, исходя из мер по совершенствованию уголовно-процессуального закона, не прослеживается». Вместе с тем она указывает «на активно нарастающую тенденцию развития электронного формата уголовно-процессуального доказывания». В связи с этим «принципиально важно вести научный поиск в сфере фундаментальных исследований электронного доказывания, формируя соответствующую теорию, опираясь на общие начала уголовного судопроизводства, его нравственную основу и учитывая не только существующий технический потенциал цифровых способов формирования доказательств, но и их возможности в будущем»[1].

По мнению В.А. Семенцова и В.А. Цацуро, в настоящее время происходит трансформация научных взглядов относительно предмета доказывания. Они полагают, что «сегодня предмет доказывания – совокупность обстоятельств, подлежащих установлению на основании доказательств и необходимых для принятия процессуальных решений, оказывающих особенно значимое воздействие на конституционные права, свободы и законные интересы граждан и организаций, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства»[2].

При этом, В.А. Цацуро, говоря о современной стратегии развития предмета доказывания, отмечает, что в действующем УПК РФ должна быть на законодательном уровне закреплена дефиниция предмета доказывания, под которой автор понимает «совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, способствующих принятию справедливого, законного, обоснованного и мотивированного решения участниками уголовного

[1] Гладышева О.В. Современные тенденции развития доказывания ... С. 20.
[2] Семенцов В.А., В.А. Цацуро. Трансформация научных представлений о предмете доказывания в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 6. С. 884.

судопроизводства». С этой целью автор предлагает переименовать ст. 73 УПК РФ на «Предмет доказывания»[1].

При исследовании процесса доказывания некоторые ученые определяют данную правовую категорию в широком смысле, который характеризуют как «мыслительный, логический процесс, регулирующий обоснование выводов по делу, к которым пришел субъект доказывания»[2], и в узком смысле как «эмпирическую деятельность субъектов доказывания по собиранию, проверке и оценке доказательств (ст. 85 УПК РФ)»[3]. Однако, «поскольку в процессе уголовно-процессуальной деятельности невозможно отделить деятельность мыслительную от деятельности практической, то и средствами доказывания будут как сами доказательства, так и способы их получения, проверки и использования»[4].

Можно согласиться с мнением Г.Г. Турилова о том, что «в широком смысле обязанность доказывания означает обязанность установить истину по делу. Обязанность доказывания в узком смысле означает обязанность доказать обвинение»[5].

В.Д. Арсеньев и В.Г. Заболоцкий считают, что «понятие доказывания в процессуальном смысле значительно уже общего понятия доказывания (в логическом смысле), осуществляемого в уголовном процессе. В понятие процессуального доказывания не входит обоснование правильности той или иной юридической квалификации, обоснование назначения той или иной

---

[1] Цацуро В.А. Современная стратегия развития предмета доказывания // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: сб. матер. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского государственного университета (27 марта 2020 г.) / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2020. С. 378.

[2] Эйсман А.А. Структурный анализ и моделирование судебных доказательств // Правовая кибернетика. М.: Наука, 1970. С. 149-184.

[3] Громов Н.А. Макаров Л.В., Францифиров Ю.В. Сущность уголовно-процессуального доказывания // Следователь. 2001. № 1. С. 12.

[4] Никитина Е.В. К вопросу о понятии и системе средств уголовно-процессуального доказывания // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность, перспективы развития: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2020 г. С. 101-103.

[5] Турилов Г.Г. Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 172.

меры наказания и другие вопросы. Доказывание в процессуальном смысле – процессуальная деятельность, включающая следующие три элемента (этапа) работы с доказательствами: их собирание (ч. 1 и ч. 2 ст. 70 УПК РФ), проверку (ч. 3 ст. 70 УПК РФ) и оценку (ст. 71 УПК РФ)»[1].

По мнению Н.И. Чистовой, «рассмотрение понятия «доказывание в уголовном процессе» в широком и узком смысле не имеет перспективы, поскольку более эффективным представляется изучение доказывания в динамике как единого процесса, включающего, во-первых, формирование знаний о совершенном или готовящемся преступлении, а, во-вторых – обоснование этих знаний на всех последующих этапах и стадиях разрешения уголовного дела»[2].

По мнению ряда авторов, «доказывание и есть познание обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»[3]. Такое мнение ученых имеет право на существование в связи с тем, что определение доказывания в уголовном процессе неразрывно связано с его философской основой – познанием, хотя в юридической среде актуальными остаются споры относительно содержания, структуры, элементов доказывания, его предмета, целей и задач, распределения обязанности доказывания по субъектам.

Так, С.Б. Россинский считает, что «процессуальное доказывание является разновидностью познавательной деятельности, облеченной человечеством в определенные правовые рамки, в процессуальную форму»[1]. По его мнению, «доказывание в уголовном судопроизводстве можно рассматривать как двухэтапный процесс, состоящий в процессуальном

---

[1] Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. С. 45-46.

[2] Чистова Н.И. Признание недопустимыми доказательств, полученных на предварительном следствии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 21.

[3] Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964. С. 10; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 256; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1976. С. 16.

познании обстоятельств уголовного дела и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений»[2].

Некоторые авторы советского периода придерживались мнения о том, что под доказыванием «следует считать процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения»[3]. Вместе с тем В.А. Лазарева указывает на то, что «сложившиеся в советский период представления о доказывании как о процессе, тождественном познанию, мешают развитию состязательной формы уголовного судопроизводства»[4].

Ю.П. Боруленков, в свою очередь, отмечает, что «доказывание это деятельность, обусловленная функцией сторон, в противовес функции суда, по обоснованию сторонами утверждений и должна быть разграничена с процессуальным познанием, то есть сугубо логические операции, в ходе которых обосновывается истинность определенных суждений»[5].

Из смысла ст. 85 УПК РФ следует, что доказывание с тремя составляющими его элементами: собиранием (ст. 86 УПК РФ), проверкой (ст. 87 УПК РФ) и оценкой (ст. 88 УПК РФ) доказательств является особой формой познания, «… в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, перечисленных в ст. 73 УПК РФ». При этом Г.Г. Турилов отмечает, что «обоснование выводов вопреки сложившемуся мнению не является ни самостоятельным элементом доказывания, ни иным

---

[1] Россинский С.Б. О сущности доказательств на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки: постановка проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 93-100.

[2] Воскобитова Л.А., Россинский С.Б. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 1. С. 130-143.

[3] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 288-289; Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Алма-Ата: Изд-во Казах. гос. ун-та им. С.М. Кирова, 1973. С. 12; Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Киев: Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1990. С. 14; Леви А.А. Избранные научные труды. М.: Изд-во РУДН, 2012. С. 259-260.

[4] Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 98-102.

[5] Боруленков Ю.П. Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 220-221.

значением понятия доказывания. Оно является логической формой познания, включающей в себя множество методов, и входит в структуру оценки доказательств»[1]. В то же время, по мнению В.А. Лазаревой, «все элементы процесса доказывания являются весьма условными процессуальными категориями, а дополнение традиционной трехзвенной структуры каким-то новыми элементом – дело вкуса того или иного ученого»[2].

С.Б. Россинский выделяет дополнительные элементы доказывания: «истребование и представление предметов и документов»[3] в качестве «наиболее простого, сугубо «технического» досудебного приема, направленного на собирание предметов и документов, подлежащих потенциальному приобщению в качестве доказательств к материалам уголовного дела»[4]. При этом под «истребованием» он понимает передачу «различными государственными (муниципальными) органами, должностными лицами, физическими и юридическими лицами предметов и документов для приобщения к уголовному делу по прямому властному требованию (велению) следователя»[5].

На наш взгляд, истребование и приобщение являются составной частью собирания доказательств. Причем «наиболее распространенной является ситуация, в соответствии с которой следователь может прибегнуть к истребованию: а) если заранее точно известны сами предметы и документы, подлежащие приобщению к уголовному делу, а также известно, где и у кого они находятся; б) если нет оснований опасаться невыполнения «вторыми»

---

[1] Турилов Г.Г. Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 172.

[2] См.: Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник. 5-е изд., испр. и перераб. М.: Юрайт, 2014. С. 52-67.

[3] См.: Россинский С.Б. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 82-88; Россинский С.Б. Представление и истребование как способы собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 218-222.

[4] См.: Россинский С.Б. Представление и истребование как способы собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 218-222.

[5] См.: Там же. С. 218-222.

участниками уголовно-процессуальных правоотношений требования о передаче этих предметов или документов следователю, в частности их сокрытия, повреждения или уничтожения»[1]. «Истребование, – пишет А.Н.Кузнецов, – применимо лишь в случае твердой уверенности субъекта уголовной юрисдикции в выполнении предъявляемых им требований»[2].

В последние годы в науке уголовного процесса все чаще ведутся дискуссии о термине «исследование доказательств»[3], который присутствует в УПК РФ, но не имеет четкого определения. По мнению В.В. Конина, «исследование доказательств было введено в уголовный процесс как самостоятельный элемент процесса доказывания, но при этом не вошло в него в научном плане. Согласно логике законодателя, деятельность по исследованию доказательств, относится все же к стадии судебного разбирательства. Соответственно, субъектами исследования доказательств являются суд (в том числе и присяжные заседатели), сторона обвинения, сторона защиты (которая, несмотря на предоставленное право собирать и представлять доказательства, тем не менее, традиционно субъектом доказывания не является)»[1].

Исследование доказательств часто ассоциируется с их проверкой, однако, на наш взгляд, это близкие, но не равнозначные категории. Так, проверка, согласно ст. 87 УПК РФ является привилегией субъектов

---

[1] Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие): учеб.-практ. пособие. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 297; Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 143.

[2] См.: Кузнецов А.Н. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 88-91.

[3] Конин В.В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2. С. 185-191; Жусипбекова А.М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 19-23; Россинский С.Б. Собирание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24-27.

доказывания – дознавателя, следователя, прокурора и суда, в то время как в их исследовании, согласно ст. 244 УПК РФ принимают стороны защиты и обвинения, представленные значительно большим числом участников.

Говоря о задачах доказывания, следует исходить из назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ, которое имеет явно правозащитный характер: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; 3) равнозначность уголовного преследования и отказа от него; 4) реабилитация необоснованно подвергнутых уголовному преследованию.

По логике, доказывание должно иметь свои определенные цели. Например, согласно УПК РСФСР 1960 г, цель доказывания состояла в необходимости «всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела»[2]. Однако на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки «не сложилось единого мнения относительно целей уголовно-процессуального доказывания»[3]. В УПК РФ необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела прямо не закреплена, но это требование со всей очевидностью просматривается во многих нормах Кодекса (ст. 33, 73, 152, 154, 207, 239.1, 317.5, 325, 470 УПК РФ и др.).

Согласно требованиями ч. 4 ст. 302 УПК РФ, «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств». Следовательно, «обвинительный приговор выносится

---

[1] См.: Конин В.В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2. С. 185-191.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[3] Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2017. С. 38.

судом исключительно при бесспорном установлении виновности подсудимого, в то же время, подобных предписаний к доказыванию его невиновности законодательство не предъявляет. Невиновность лица презюмируется, пока не доказано иное, и не нуждается в доказывании»[1].

По мнению многих ученых, «в уголовном процессе должна быть достигнута истина»[2]. При этом под «истиной в уголовном процессе понимается полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц»[3].

Д.В. Зотов отождествляет «принцип всестороннего, полного и объективного расследования всех обстоятельств уголовного дела с принципом отыскания объективной истины»[4], установление которой считает «целью доказывания»[5]. По его мнению, «предмет доказывания представляет собой ту часть объективной действительности, которая познается в ходе расследования и рассмотрения дела, то есть предмет доказывания соответствует объективной истине. А способы установления сведений об обстоятельствах (доказательства) и способы их проверки являются процессуальными требованиями, в которых решающее значение имеют сначала вопросы формы, а затем – соответствия доказательств объективной

---

[1] См.: Ремизова М.С. Тезаурус дефиниции «доказывание» в уголовно-процессуальном праве России // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 2023 г.). Ч. 1. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2022. С. 162-170.

[2] Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67-74; Зинатуллин Т.З. Проблема истины в свете предназначения уголовного процесса // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ – 2002: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та (нац. исслед. ун-та), 2002. Ч. 3. С. 47; Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 19.

[3] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 19.

[4] Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве. Воронеж: Изд. дом Воронеж. гос. ун-та, 2017. С. 11.

[5] Там же. С. 9.

реальности»[1]. В связи с указанными обстоятельствами Д.В. Зотов, наряду с материальной и объективной истиной, выделяет и другие ее виды: «процессуальная истина», «судебная истина», «юридическая истина»[2], хотя, по его же мнению, истина повсеместно является *юридической* (в инквизиционном, неинквизиционном, постинквизиционном, англосаксонском, континентальном и т.п. процессе), так как никто никогда и нигде не настаивает на необходимости устанавливать «материальную истину» в обход уголовно-процессуальных принципов, правил и процедур»[3].

Идея советских ученых процессуалистов, что «при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности должна устанавливаться объективная (или материальная) истина, которая означает полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц»[4], некоторыми современными исследователями ставится под сомнение. Однако до сих пор многие авторы настаивают именно на такой формулировке, подчеркивая, что «только истина должна лежать в основе такого акта правосудия как судебный приговор, и что обязанность суда в каждом конкретном случае устанавливать по делу истину есть не только его служебный долг, но и долг нравственный»[5].

В то же время теория судебной истины вполне обоснованно подвергается критике, поскольку «концепция объективной истины … увязана со всеми идеями, составляющими идеологию авторитаризма, … это концентрированное выражение инквизиционной идеологии»[6], «… с этой

---

[1] Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве … . С. 9.
[2] Там же. С. 9.
[3] Там же. С. 10.
[4] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 47.
[5] См.: Зинатуллин З.З. Проблема истины в современной уголовно-процессуальной науке. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm (дата обращения: 12.12.2024).
[6] Александров А.С. О значении концепции объективной истины // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 23-24.

концепцией связана система ценностей следственного процесса, … которая более соответствует авторитарному устройству государственной власти»[1].

По мнению Ц.М. Каз, «достижение истины является целью уголовного процесса, а также целью доказывания … Цель достижения истины полностью реализуется в судебном приговоре, завершающем судебное разбирательство, проводимое в условиях наиболее полной реализации принципов уголовного судопроизводства»[2]. Вместе с тем названный автор считал, что «понятия истинности и достоверности имеют самостоятельное содержание и отражают различные стороны познавательной деятельности: истина (или ложь) – результат познания, достоверность (или вероятность) – способ познания. Доказывание в уголовном процессе имеет как познавательную, так и удостоверительную стороны. … Данные стороны в доказывании неразрывно связаны»[3].

В обоснование довода о необходимости установления истины по уголовному делу С.А. Шейфер отмечает следующее: «Истинным является вывод, вытекающий из совокупности собранных по делу доказательств»[4]. Однако в нормы современной редакции УПК РФ не включено требование о необходимости обязательного установления истины в ходе расследования по уголовному делу. В связи с этим представляется, что целью всего процесса доказывания в уголовном судопроизводстве, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, является «установление объективных обстоятельств, связанных с событием преступления, на

---

[1] Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 64.
[2] Каз Ц.М. Проблемы доказывания в суде первой инстанции (цели доказывания). Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1978. С. 33.
[3] Там же. С. 35.
[4] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 51.

основании достоверных и допустимых доказательств, с целью вынесения процессуального решения по делу»[1].

Как полагает Н.Н. Давыдова, «установление истины в той или иной мере характерно и для принятия других решений, например, о привлечении в качестве обвиняемого, заключении под стражу и т.д.»[2]. По ее мнению, «целями доказывания в уголовном процессе являются, во-первых, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу; во-вторых, установление истины и, в-третьих, принятие решения по уголовному делу. Достижение этих целей в рамках уголовно-процессуальной деятельности служит обязательным условием реализации назначения уголовного судопроизводства»[3].

При этом, как утверждают Ю.А. Гончан и Н.Н. Пиксин, «для принятия итогового процессуального решения необходимо: 1) оценить достаточность системы доказательств по уголовному делу (материалов предварительной проверки); 2) выявить и объяснить имеющиеся противоречия между доказательствами; 3) принять один из вариантов решения – либо продолжить собирание доказательств (в том числе и за счет проверки имеющихся), либо прекратить производство по делу, либо передать по подследственности (подсудности), либо вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, либо оправдательный или обвинительный приговор и т.д.»[4]. Следовательно, несомненным результатом и конечной целью доказывания в уголовном судопроизводстве является принятие по делу законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения.

---

[1] См.: Ремизова М.С. Тезаурус дефиниции «доказывание» в уголовно-процессуальном праве России // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 2023 г.). Ч. 1. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2022. С. 162-170.

[2] Давыдова Н.Н. Цели доказывания в уголовном процессе России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 173.

[3] Там же. С. 174.

[4] Гончан Ю.А., Пиксин Н.Н. Функции доказывания и принятия решений в уголовном процессе // Российский следователь. 2007. № 3. С. 9.

Проанализировав приведенные мнения ученых, можно прийти к выводу, что в теории уголовного процесса не существует универсальной дефиниции правовой категории доказывания. Вместе с тем следует согласиться с необходимостью разделения толкования дефиниции доказывания в уголовном процессе в широком[1] и узком смыслах[1].

---

[1] Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1973. Т. 2. С. 247-248; Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств (краткий очерк). М.: Госюриздат, 1960. С. 8-10; Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: дис. … д-ра юрид. наук. Астрахань, 2004. С. 33-34; Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): авторф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 10-17; Бестаев А.О. Способы собирания доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/д, 2007. С. 12-15; Белкин А.Р. Теория доказывания. М.: Норма, 1999. С. 45; Домбровский Р.Г. Криминалистическое познание как форма практической деятельности // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. Калининград, 1982. С. 85; Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательства и доказывание (методология, теория, практика). М.: Юрлитинформ, 2016. С. 53; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 295-299; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 198-208; Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1991. С. 9-27, 137-146; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Изд. 2-е, доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 6-9, 16-25; Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1986. С. 16; Пальчикова Н.В. Теоретические и практические проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9-20; Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 9-16.

Конструирование правовых дефиниций исследуемого института основывалось на гипотезе о том, что доказывание в уголовном процессе России можно понимать как в узком, так и широком смысле. Для этого были применены методы одноуровневой и двухуровневой триадической дешифровки. В результате анализа авторских и законодательных определений доказывания была выделена совокупность трех основных, исчерпывающих, необходимых и достаточных признаков для формулирования дефиниции доказывания в широком смысле:

1) мыслительно-логическая (познавательная) деятельность субъекта доказывания;

2) установление сведений о фактах и событиях совершенного преступления;

3) цель доказывания – принятие процессуального решения по уголовному делу.

Триада соответствует вопросам: Что? Как? Зачем? (рис. 5).

---

[1] Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК российской Федерации): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 45-46; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 295-299; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. СПб.: Сенатская тип., 1996. С. 162; Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств (краткий очерк). М.: Госюриздат, 1960. С. 8-10; Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1969. С. 24-38; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 197; Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2007. С. 137; Словарь по уголовному, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному праву / Сост. А.А. Тихонов. Тула: ТРФ РПА Минюста России, 2005. С. 45; Никитина С.В. Доказательственная деятельность суда при принятии процессуальных решений в досудебном производстве по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. С. 13-14; Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. С. 156-158; Татаров Л.А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 8, 13; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 24.

Рис. 5. Модель I правовой категории «доказывание в уголовном судопроизводстве» в широком смысле

Следовательно, в широком (гносеологическом) смысле под *доказыванием в уголовном судопроизводстве* можно понимать *мыслительно-логическую (познавательную) деятельность субъектов доказывания, направленную на установление сведений о фактах и событиях совершенного преступления, в целях принятия процессуального решения по уголовному делу*[1].

Выбранный метод исследования позволяет построить еще одну, развернутую модель доказывания в широком смысле, но уже с применением метода двухуровневой триадической дешифровки (рис. 6). Для этого необходимо принять во внимание следующие характеристики искомого объекта:

1) мыслительно-логическая деятельность субъекта доказывания;

2) установление сведений о фактах и событиях совершенного преступления;

3) принятие процессуального решения по делу[2].

---

[1] См.: Ремизова М.С. Тезаурус дефиниции «доказывание» в уголовно-процессуальном праве России // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 2023 г.). Ч. 1. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2022. С. 162-170.

[2] См.: Там же. С. 162-170.

Первая дешифрующая категория «мыслительно-логическая деятельность субъекта доказывания» традиционно ассоциируется с тремя элементами:

1) собирание доказательств;

2) проверка доказательств;

3) оценка доказательств.

Рис. 6. Модель II правовой категории «доказывание в уголовном судопроизводстве» в широком смысле

Второй дешифрующей категории «установление сведений о фактах и событиях совершенного преступления», присущи следующие дешифрующие признаки второго уровня:

1) установление наличия или отсутствия в сведениях обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ[1]*;*

2) соблюдение требований закона (законность, соответствие процессуальной форме);

[1] Ремизова М.С. Тезаурус дефиниции «доказывание» в уголовно-процессуальном праве России // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 2023 г.). Ч. 1. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2022. С. 162-170.

3) достижение назначения (целей, задач) уголовного судопроизводства, установленных в ст. 6 УПК РФ.

Третья дешифрующая категория «принятие процессуального решения по делу» обладает следующими характерными признаками:

1) законность;

2) обоснованность;

3) справедливость.

Следовательно, в широком (процессуальном) смысле, под *доказыванием в уголовном судопроизводстве* можно понимать *регламентированную уголовно-процессуальным законодательством мыслительно-логическую деятельность субъектов доказывания по собиранию, проверке и оценке сведений о фактах и событиях совершенного преступления, направленную на установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ, полученных с соблюдением требований законности, в целях принятия законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения по делу*.

Модель доказывания в узком (процессуальном) смысле также может быть построена с помощью метода двухуровневой триадической дешифровки (рис. 7), где дешифрующими категориями первого уровня являются:

1) собирание доказательств;

2) проверка доказательств;

3) оценка доказательств.

Рис. 7. Модель правовой категории «доказывание в уголовном судопроизводстве» в узком смысле

Первая дешифрующая категория «собирание доказательств» содержит три элемента:

1) поиск;

2) обнаружение (выявление);

3) закрепление (фиксация).

Вторая дешифрующая категория «проверка доказательств», также характеризуется тремя составляющими:

1) установление источников;

2) сопоставление (анализ);

3) выявление и устранение противоречий.

Третьей дешифрующей категории «оценка доказательств» присущи следующие характеристики:

1) основанная на внутреннем убеждении мыслительно-логическая (познавательная) деятельность;

2) устранение противоречий в сведениях о фактах и событиях;

3) определение относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Таким образом, можно сформулировать дефиницию *доказывание в уголовном судопроизводстве* в узком (процессуальном) смысле, – это *мыслительно-логическая (познавательная) деятельность субъектов доказывания, направленная на собирание (поиск, обнаружение и закрепление); проверку (установление источников получения доказательств, их сопоставление и выявление противоречий); оценку доказательств на основе внутреннего убеждения на соответствие требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности путем установления и устранения противоречий в сведениях о фактах и событиях совершенного преступления.*

Применение категориально-системной методологии, включающей методы одноуровневой и двухуровневой триадической дешифровки, позволило построить дефиниции доказывания в широком и узком смыслах. Полученные в ходе исследования научные результаты в виде дефиниций правовых категорий могут иметь как теоретическое значение в изучении предмета «Уголовный процесс», так и прикладное, поскольку могут быть использованы для внесения поправок в соответствующие разделы действующего УПК РФ. В частности, предлагаем закрепить смоделированную дефиницию «доказывание» в узком смысле в ст. 5 УПК РФ в качестве одного их базовых понятий[1].

2.3. Элементы доказывания в уголовном судопроизводстве: содержание и взаимодействие

Нет сомнений в том, что «учение о доказательствах, доказывании, относимости и допустимости доказательств, их проверке и оценке – один из

[1] См.: Ремизова М.С. Тезаурус дефиниции «доказывание» в уголовно-процессуальном праве России // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 2023 г.). Ч. 1. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2022. С. 162-170.

стержневых вопросов науки и практики уголовного процесса, хотя законодательно дефиниции собирания, проверки и оценки доказательств не закреплены. Традиционно процесс доказывания включает в себя три бесспорных элемента: собирание, проверка и оценка доказательств.

Ученые-процессуалисты продолжают вести дискуссии относительно дефиниций элементов доказывания в уголовном процессе России и по-разному их толкуют. В ходе проведения исследования нами было изучено большое количество определений элементов доказывания, сформулированных разными авторами. Некоторые из них, на наш взгляд, дают наиболее полное представление об искомой категории»[1].

Действующий уголовно-процессуальный закон (ч. 1 ст. 86 УПК РФ) понимает под собиранием доказательств производство дознавателем, следователем, прокурором и судом следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ».

Собирание доказательств является первым в ряду обязательных и необходимых элементов процесса доказывания. Стоит согласиться с мнением С.Б. Россинского, который считает, что «первенство собирания доказательств по отношению к другим этапам доказывания – проверке и оценке весьма условно. Оно связано лишь с потребностью перечисления всех этапов доказывания в каком-то логическом порядке»[2].

Ц.М. Каз полагала, что под «собиранием доказательств следует понимать деятельность органов предварительного следствия, дознания, состоящую в обнаружении доказательств и закреплении их в установленном законом порядке»[3].

---

[1] См.: Ремизова М.С. Взаимодействие элементов доказывания в уголовно-процессуальном праве России // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сб. науч. ст. XI междунар. науч. съезда российских и зарубежных ученых (18 марта 2023 г.). М.: Перо, 2023. С. 58-63.

[2] Россинский С.Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 91-103.

[3] Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1960. С. 52.

С.А. Шейфер дает определение собиранию доказательств, под которым он видит «систему действий, обеспечивающих восприятие субъектом доказывания объективно существующих следов изучаемого события, сопровождающихся формированием в сознании познавательного образа, а также действий, обеспечивающих сохранение этого образа путем процессуальной фиксации результатов восприятия»[1]. По его мнению, «фиксация (закрепление) доказательств является составной частью их собирания, поскольку включает в себя преобразование воспринятой следователем доказательственной информации, а также информации об источниках, условиях и способах ее получения, в форму, обеспечивающую эффективное (максимально полное) сохранение и использование полученных данных в целях доказывания»[2]. При таком подходе «фиксация доказательств, как форма удостоверительной деятельности, становится одной из сторон собирания, завершающая процесс их формирования»[3]. Важно отметить, что говоря о собирании доказательств, С.А. Шейфер вводит в оборот уголовно-процессуальной доктрины термин «формирование доказательств»[4].

У авторов «Теории доказательств в советском уголовном процессе» был более широкий взгляд на процесс доказывания. Они связывали «собирание доказательств с поиском, обнаружением, получением, закреплением, исследованием фактических данных (информации) определенного вида»[5].

Ю.К. Орлов отмечает, что «собирание доказательств представляет достаточно сложный процесс, состоящий из нескольких этапов, а именно: а)

---

[1] Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. С. 24.
[2] Там же. С. 41.
[3] Там же. С. 41.
[4] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. С. 33-34.
[5] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 73.

поиск доказательств; б) получение доказательств; в) процессуальное оформление доказательств»[1].

Л.Г. Демурчев полагает, что «сущность собирания доказательств как составного структурного элемента процесса доказывания заключается в получении доказательств путем их обнаружения (выявления), предоставлении, истребовании сведений об обстоятельствах и фактах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и их процессуальном закреплении (фиксации)»[2].

По мнению В.В. Конина, в собирание доказательств включается: «обнаружение, фиксация и изъятие фактов и информации, имеющих доказательственное значение в процессе доследственной проверки, либо при проведении оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по поручению следователя; истребование и получение доказательств от должностных и иных лиц; получение доказательств в результате проведения специальных исследований лицом, обладающим специальными знаниями; получение доказательств в результате следственных действий; предоставление доказательств потерпевшим; предоставление доказательств участниками со стороны защиты»[3].

Правовой категории собирание доказательств дает определение и А.М. Долгов. По его мнению, «под собиранием доказательств необходимо понимать первоначальный этап доказательственной деятельности, состоящий из производимых управомоченным процессуальным законом должностным лицом или государственным органом поисковых, удостоверительных, познавательных, правообеспечительных действий, целью которых является

---

[1] Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 175.

[2] Демурчев Л.Г. Собирание доказательств в ходе досудебного производства путем проведения иных процессуальных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 9.

[3] Конин В.В. Собирание и оценка доказательств в уголовном процессе // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: матер. кр. ст. (19 декабря 2017 г.). М.: Изд-во РГУП, 2018. С. 90-94.

восприятие сведений, имеющих значение для уголовного дела, раскрытия преступления и реализации назначения уголовного судопроизводств»[1].

Р.Я. Мамедов, применительно к вещественным доказательствам, определяет собирание как «регламентированные нормами действующего уголовно-процессуального законодательства действия следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, прокурора и суда (субъектов обязанности доказывания в уголовном процессе) с участием других участников уголовного процесса, а также иных лиц по обнаружению, получению, представлению, истребованию, фиксации и сохранению объектов, имеющих значение для уголовного дела»[2].

Таким образом, в гносеологическом смысле собирание доказательств «как самостоятельный элемент доказывания, представляет собой реализацию предусмотренных законом правил производства следственных действий, с помощью которых из соответствующих источников извлекаются объективные материальные и идеальные следы преступления»[3].

На наш взгляд, наиболее достаточными и необходимыми характеристиками собирания доказательств являются:

1) *поиск;*
2) *обнаружение (выявление);*
3) *закрепление (фиксация)* (рис. 8).

Таким образом, можно сконструировать дефиницию правовой категории «*собирание доказательств в уголовном судопроизводстве*», и определить ее как *совокупность процессуальных действий субъектов*

---

[1] Долгов А.М. Прокурор как субъект собирания доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (5 апреля 2024 г.). Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2024. С. 170.

[2] Мамедов Р.Я. Способы собирания вещественных доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 10.

[3] Бочинин С.А. Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 12.

доказывания, направленных на поиск, обнаружение и закрепление сведений о фактах и событиях совершенного преступления, подтверждающих наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ.

Рис. 8. Модель правовой категории «собирание доказательств в уголовном судопроизводстве»

Как уже отмечалось, наряду с термином собирание доказательств в науке уголовного процесса применяется и иной термин – «формирование доказательств», который не используется в УПК РФ, но применяется в Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд[1], а также в теории уголовного процесса (теории доказательств). Причем отношение к этому термину неоднозначное. Некоторыми учеными он применяется в качестве синонима «собирания доказательств»[2].

---

[1] См.: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 35, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Рос. газета. 2013. 13 дек.

[2] См.: Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966; Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев: Вища школа, 1984; Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Тула: Автограф, 2003; Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005; Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2006; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2004.

О несинонимичности обозначенных терминов говорили ряд авторов[1]. Например, С.А. Шейфер полагал, что «формирование доказательств не ограничивается запечатлением полученных сведений путем применения надлежащих средств фиксации, то есть протоколированием результатов … следственных действий. Формирование доказательств … состоит в преобразовании первичной доказательственной информации, то есть извлекаемой субъектом доказывания из следов, оставленных событием. Образы события, хранящиеся в памяти свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых, знания, которыми обладает эксперт и специалист – это еще не доказательства … Поэтому формирование доказательств – это комплекс осуществляемых субъектов доказывания процедур, дающих ему возможность выявить носителей искомой информации, воспринять ее и преобразовать в надлежащую процессуальную форму … Формирование доказательств – это процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом»[2]. При этом он указывал на «очевидную несовместимость концепции формирования доказательств с принципом состязательности в уголовном судопроизводстве»[3].

Будучи ученицей С.А. Шейфера, В.А. Лазарева предлагает изменить существующий подход к формированию доказательств, по-иному взглянув на само понятие доказательства, разделяя его «собственно на доказательство, как информационный продукт, и то, что мы привыкли называть его

---

[1] Волынская О.В. Доказывание истины в уголовном процессе // Вестник МВД РФ. 1999. № 3-4. С. 128; Ларин А.М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России: лекции, очерки / под ред. В.М.Савицкого. М.: Бек, 1997. С. 98; Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2010. С. 62.

[2] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 32-33.

[3] Цит. по: Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 55-62.

процессуальной формой»[1]. По ее мнению, « … лишь при таком понимании доказательства обретает смысл термин «источник доказательства». В.А. Лазарева считает, что «концепция формирования доказательств имеет основание для применения в состязательном уголовном процессе, но при условии внедрения в него фигуры следственного судьи, задача которого состоит в формировании судебных доказательств из представленных ему сторонами источников». При этом «требуется серьезный пересмотр фундаментальных теоретических положений об основных категориях доказательственного права»[2]. Также она отмечает, что, «несмотря на важность процессуальной формы, процесс доказывания не сводится только к ее соблюдению … это более сложный процесс, чем просто формальная фиксация получаемой информации … она имеет содержательные аспекты, отражает и интегрирует различные по своему объему действия по определению относимости и достоверности доказательств и созданию их допустимости»[3]. По ее мнению, «содержащаяся в следах преступления информация, не переносится в материалы уголовного дела механически, а отражаясь вначале в сознании познающего субъекта, а затем – в материалах дела, не только преобразуется по форме, но изменяется и по содержанию»[4].

Хотя и считается, что основателем концепции формирования доказательств является С.А. Шейфер, «до него Ц.М. Каз еще в 1960 г. писала о «формировании свидетельских показаний». Этот же термин использовался

---

[1] См.: Лазарева В.А. Концепция формирования доказательств в свете принципа состязательности и перспективы ее развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 1. С. 22-27.
[2] См.: Там же. С. 22-27.
[3] См.: Лазарева В.А., Шейфер С.А. Концепция формирования доказательств // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/s-a-sheyfer-kontseptsiya-formirovaniya-dokazatelstv (дата обращения: 12.12.2024).
[4] Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 59.

в работах В.Я Дорохова, С.В. Курылева и некоторых других специалистов «дошейферовского» периода»[1].

Подвергая критике теорию С.А. Шейфера, С.Б. Россинский отмечает, что термин «формирование доказательств» относится не ко всем видам доказательств, а лишь к некоторым, таким, как различные показания, заключения экспертов и протоколы следственных действий, и не относятся к иным видам доказательств, которые не нужно формировать, поскольку они «готовы к употреблению», например, вещественным доказательствам». Он не соотносит формирование доказательств лишь с необходимостью придания им необходимой процессуальной формы, и полагает, что «формирование доказательств – это создание (как бы «рождение») новых познавательных ресурсов посредством процессуальной формы, то есть путем производства предусмотренных УПК РФ следственных, судебных либо иных процессуальных действий»[2].

С.Б. Россинский в своих научных трудах отмечает «существование двух параллельных процессуальных алгоритмов: 1) формирование доказательств и 2) приобщение доказательств к уголовному делу»[3]. При этом под формированием доказательств он предлагает рассматривать «совокупность предусмотренных УПК РФ правовых механизмов, направленных на преобразование полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела, в один из существующих видов доказательств»[4]. Также он дает еще одно определение «формированию доказательств», под которым видит «создание посредством процессуальной формы нового, отвечающего

---

[1] См.: Россинский С.Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 91-103. URL: https://drive.google.com/file/d/1qVMlN3Gz_ESGv46130wSowHRXIzPpQL3/view (дата обращения: 12.12.2024).

[2] См.: Там же.

[3] Россинский С.Б. Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда // Государство и право. 2022. № 9. С. 84-93; Россинский С.Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания ... .

[4] Россинский С.Б. Собирание доказательств как «первый» этап ... .

требованиям закона и, следовательно, пригодного для дальнейшего использования по назначению (допустимого) информационного продукта»[1].

Готовы частично согласиться с мнением С.Б. Россинского, поскольку формирование доказательств включает в себя одновременно их поиск, обнаружение, фиксацию, придание необходимой процессуальной формы, восприятие (в некоторых случаях), в то время как другие доказательства (вещественные) существуют в объективной реальности независимо от их обнаружения, восприятия, фиксации и процессуальной формы. Однако для того чтобы вещественное доказательство приобрело в уголовном деле признак допустимости, его все-таки необходимо в установленном законом процессуальном порядке приобщить к материалам дела, то есть облечь в соответствующую процессуальную форму.

Информационной базой формирования доказательств, по мнению В.С. Балакшина, «является объективная основа, включающая в себя следы, которые были оставлены событием, а также заключенная в них информация и, кроме того, ряд субъективных элементов. Следовательно, ни в коем случае нельзя говорить о том, что формирование доказательств – это их произвольное создание»[2].

Г.А. Миронова полагает, что «категория «собирания доказательств» вполне может быть распространена на вещественные доказательства, иные документы, заключение специалиста, а о «формировании доказательств» уместно говорить применительно к показаниям, заключению эксперта и протоколам следственных, судебных действий»[3]. Указанный автор также понимает под формированием доказательств исследование судом

---

[1] Россинский С.Б. Приобщение доказательств к уголовному делу ... . С. 84-93.

[2] Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004. С. 58.

[3] Миронова Г.А. Собирание и формирование уголовных доказательств как элементы процесса доказывания: понятие, содержание, соотношение. Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3. С. 203.

представленных следователем доказательств[1]. Подобной позиции придерживается и В.В. Кальницкий[2].

По мнению В.А. Семенцова и О.В. Гладышевой «доказательства не существуют в готовом виде, а формируются в процессе познавательно-удостоверительной деятельности, а потому процессуальное закрепление в совокупности с обнаружением и получением образуют в единстве первый элемент уголовно-процессуального доказывания – собирание (формирование) доказательств»[3]. Развивая данную идею В.А. Семенцов, являясь сторонником концепции формирования доказательств, выступает с предложением о внесении изменений в ст. 86 УПК РФ с переименованием ее названия на «Формирование доказательств»[4]. Под этим термином он понимает «совокупность действий, направленных на обнаружение, получение и процессуальное закрепление сведений, образующих первый структурный элемент уголовно-процессуального доказывания»[5].

Критикуя точку зрения В.А. Лазаревой относительно отказа от концепции С.А. Шейфера о формировании доказательств, В.А. Семенцов отмечает, что «объективной, то есть независящей от сознания следователя, основой доказательства являются следы, оставленные событием преступления во внешнем мире. Поэтому термин формирование доказательств в данном случае употребляется в значении придания определенной формы, законченности какому-либо явлению. Этот термин соответствует представлению о процессе образования доказательства, началом которого является возникновение следов события в окружающем мире, а концом –

---

[1] См.: Миронова Г.А. Указ. соч. С. 201.

[2] См.: Кальницкий В.В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования: учеб. пособие. Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2019. С. 94.

[3] Семенцов В.А., Гладышева О.В. Закрепление доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 24.

[4] Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2010. С. 240.

[5] Там же. С. 237.

восприятие следователем (судом) сведений, содержащихся в следах, придание им формы показаний, протоколов следственных действий и т.д.»[1].

Кроме того, некоторые авторы полагают, что формирование предшествует собиранию доказательств и является первым его этапом[2]. Подобная точка зрения имеет как сторонников[3], так и противников[4].

С.Б. Россинский изначально рассматривал «правовые категории «собирание доказательств» и «формирование доказательств» как два автономных способа осуществления первого этапа доказывания»[5]. Впоследствии он уточнил свою позицию, и в настоящее время предлагает «придавать категории «собирание доказательств» несколько условное значение, понимая под ней любые формы поведения участников уголовного судопроизводства, направленные на получение и последующую процессуализацию полезной информации»[6] … считая «формирование доказательств единственной процессуальной технологией, обеспечивающей появление доказательств в уголовном деле»[7].

По мнению Т.В. Хмельницкой, «формирование доказательства есть формирование «доказательственного факта», – есть «фактообразование», а не

---

[1] Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2010. С. 239.

[2] См.: Миронова Г.А. Собирание и формирование уголовных доказательств как элементы процесса доказывания: понятие, содержание, соотношение // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3. С. 200-207.

[3] Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2014. С.11.

[4] Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2015. С. 275; Зайцева Е.А., Садовский А.И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств. Волгоград: Изд-во ВА МВД России, 2013. С. 188.

[5] Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85.

[6] Россинский С.Б. Собирание, формирование или приобщение доказательств к уголовному делу: как должен называться «первый» этап доказывания? // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2020. С. 124.

[7] Там же. С. 124.

просто процессуальное оформление сведений (информации), и, тем более, его нельзя связывать с протоколированием, которое осуществляет орган предварительного расследования. Полного формирования уголовно-процессуального доказательства в ходе досудебного производства не происходит, ибо только участие суда может придать доказыванию и доказательству «совершенный» вид, то есть сделать их способными к «фактообразованию»[1]. При этом данный автор, различая формирование доказательств в ходе досудебного и судебного производства, полагает, что формирование доказательств не сводится лишь к приданию доказательственной информации необходимой процессуальной формы.

Как считает Т.В. Хмельницкая, в ходе досудебного производства формирование доказательств – «это урегулированная законом деятельность органов предварительного расследования, суда и других представителей обеих сторон, направленная на получение фактических данных путем производства следственных, а также иных действий, и использование их в качестве средства обоснования уголовно-процессуальных решений, предусмотренных законом»[2]. Формирование доказательств в ходе судебного производства она связывает с «представлением и исследованием доказательств сторонами в ходе судебного следствия»[3].

Вместе с тем Е.А. Зайцева и А.И. Садовский считают, что «введение в законодательную лексику применительно к доказательствам термина «формирование» вместо «собирание», повлекло бы неадекватное восприятие соответствующей доказательственной деятельности, которое неискушенные «пользователи» могли бы толковать, как деятельность по «фабрикованию» доказательств. Так, «собирать можно только то, что уже существует,

[1] Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 10.
[2] Там же. С. 12.
[3] Там же. С. 10.

а формировать – то, чего еще нет, что предстоит еще создать»[1]. При этом, по мнению названных авторов, формирование доказательств – это четырехкомпонентный этап «в логико-деятельностной структуре уголовно-процессуального доказывания который состоит из: 1) формирования доказательств; 2) проверки доказательств; 3) оценки доказательств; 4) использовании доказательств»[2].

Не соглашаясь с мнением данных авторов о том, что формирование доказательств соотносится с их «фабрикованием», можно принять предложенную ими структуризацию процесса доказывания, из которой наглядно видно, что формирование доказательств происходит не только на досудебных стадиях уголовного процесса, но и судебных, когда суд использует доказательства в своем итоговом процессуальном решении по делу. Следовательно, окончательный процесс формирования доказательств происходит именно в суде. Таким образом, термин «формирование доказательств символизирует солидарную деятельность органов предварительного расследования и суда»[3].

Поддерживая данную точку зрения, В.А. Лазарева полагает, что субъектом формирования доказательств должен быть суд, который в ходе судебного разбирательства исследует представленные сторонами доказательства в ходе открытого, состязательного и справедливого процесса[4], поскольку «суд получает от органов предварительного расследования источники доказательств, в процессе исследования которых формируются

---

[1] См.: Зайцева Е.А., Садовский А.И. В развитие учения С.А. Шейфера о формировании доказательств // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/v-razvitie-ucheniya-s-a-sheyfera-o-formirovanii-dokazatelstv (дата обращения: 12.12.2024).

[2] См.: Там же.

[3] Машовец А.О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 22.

[4] См.: Лазарева В.А., Шейфер С.А. Концепция формирования доказательств // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/s-a-sheyfer-kontseptsiya-formirovaniya-dokazatelstv (дата обращения: 12.12.2024).

судебные доказательства»[1]. По мнению ученого, при переходе функции формирования доказательства к судебной власти «мы обеспечили бы большую свободу судейского убеждения и независимость суда от органов уголовного преследования»[2].

В то же время подавляющее большинство процессуалистов считают, что «процесс формирования доказательств полностью заканчивается на досудебной стадии производства по уголовному делу»[3].

Некоторые авторы рассматривают формирование доказательств с позиции информационного подхода. Так, А.И. Садовский определяет его как «урегулированную нормами уголовно-процессуального права деятельность процессуально-властных субъектов уголовного судопроизводства по приданию формы судебных доказательств информации, обнаруженной ими самими в ходе следственных и процессуальных действий, добровольно представленной участниками процесса либо истребованной у них в соответствии с предписаниями закона»[4]. К.Б. Калиновский, в свою очередь, видит формирование доказательств как «процесс перехода непроцессуальной информации (сведений) в процессуальную (доказательства)»[5].

В.Ю. Стельмах связывает формирование доказательств с процессом придания им определенных свойств, включающих констатацию относимости, выявление достоверности и оформление допустимости, который «начинается на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и завершается в

---

[1] Лазарева В.А. Концепция формирования доказательств в свете принципа состязательности и перспективы ее развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 1. С. 25.
[2] Там же. С. 25.
[3] Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2010. С. 115; Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса: науч.-практ. пособие для следователей. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 7.
[4] Садовский А.И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 11.
[5] См.: Калиновский К.Б. Уголовный процесс: конспект лекций. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/p/lecture_notes/ (дата обращения: 12.12.2024).

судебном разбирательстве»[1]. На наш взгляд, к процессу формирования доказательств имеет отношение также и констатация достаточности собранных по делу доказательств в своей совокупности.

Анализ норм УУС 1864 г., УПК РФ 1923 г., УПК РФ 1960 г. показывает, что термин «формирование» в них не встречается. В УПК РФ 2001 г. оно применяется только в отношении создания и формирования состава суда и не имеет никакого отношения к доказательствам.

В толковых словарях под термином «формирование» обычно понимают придание определенной формы, законченность, составление, образование[2]. Если исходить из того, что в корне слова «формирование» лежит существительное «форма», то можно говорить о том, что формирование заключается в процессе придания собранным доказательствам соответствующей процессуальной формы. Кроме того, как показывает анализ множества научных работ, формирование доказательств более широкий, разносторонний и многоплановый процесс, включающий в себя их поиск, обнаружение, фиксацию (закрепление), проверку и оценку; также это совокупность действий субъекта доказывания, направленных на создание всей доказательственной базы по уголовному делу. По своему содержанию процесс формирования доказательств предполагает придание законченности (формы) фактическим данным (содержанию).

Следуя применяемому в ходе исследования методу одноуровневой триадической дешифровки, можно сконструировать дефиницию «формирование доказательств по уголовному делу» на основе трех ее основных критериев (характеристик):

1) познавательная деятельность субъекта доказывания;

---

[1] Стельмах В.Ю. Сущность формирования доказательств в уголовном судопроизводстве. Вестник уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 70.

[2] См.: Большой энциклопедический словарь. URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov/%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 12.12.2024).

2) необходимость придания доказательствам процессуальной формы, установление соответствия их содержания фактическим обстоятельствам уголовного дела;

3) целью формирования доказательств является вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу (рис. 9).

Рис. 9. Модель правовой категории «формирование доказательств в уголовном судопроизводстве»

Таким образом, можно определить формирование доказательств как *познавательную деятельность субъекта доказывания, направленную на поиск, обнаружение и фиксацию сведений о фактах и событиях совершенного преступления, придание им необходимой процессуальной формы, а также установление соответствия их содержания фактическим обстоятельствам дела в целях принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения*.

Следующим «обязательным и необходимым элементом процесса доказывания в уголовном процессе является проверка доказательств»[1].

Ст. 87 УПК РФ не содержит определения проверки доказательств, но предусматривает формы проверки доказательств:

1) путем сопоставления дознавателем, следователем, прокурором, судом с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле;

[1] См.: Ремизова М.С. Взаимодействие элементов доказывания в уголовно-процессуальном праве России // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях (18 марта 2023 г.): сб. науч. ст. Ч. XI. М.: Перо, 2023. С. 58-63.

2) путем установления источников доказательств;

3) путем получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Как полагают Х.М. Лукожев и Ж.Т. Чич, «целью проверки доказательств является уяснение качеств и свойств самих проверяемых доказательств, их достоверности, доброкачественности, ценности с точки зрения отношения к предмету доказывания. В широком смысле целью проверки доказательств является принятие законных и обоснованных процессуальных решений на основе имеющихся знаний о свойствах проверяемого доказательства или совокупности доказательств»[1]. По их мнению «своевременная и качественная проверка доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса является основным способом исключения недопустимых доказательств из материалов дела»[2].

Б.Т. Безлепкин рассматривает проверку, как «следующий за собиранием доказательств элемент процесса доказывания по любому уголовному делу, создающий необходимые предпосылки для кульминационной фазы всего процесса доказывания»[3].

В.В. Конин считает, что «цель проверки заключается в определении допустимости и относимости как каждого доказательства, так и всех доказательств в совокупности»[4].

---

[1] Лукожев Х.М., Чич Ж.Т. Проверка доказательств прокурором в досудебных стадиях уголовного процесса // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (2 апреля 2021 г.). Ч. 1. Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2021. С. 210.

[2] Лукожев Х.М., Чич Ж.Т. Прокурор как субъект обязанности доказывания в досудебном производстве по уголовным делам // Теория и практика общественного развития. 2021. № 4. С. 46.

[3] Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2008. С. 28.

[4] Конин В.В. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 2. С. 83.

Ц.М. Каз под правовой категорией «проверка доказательств» понимала их исследование, и трактовала данный термин как «ознакомление с доказательственными фактами и анализ этих фактов»[1].

По мнению Ф.В. Чиркова, «проверка доказательств – это определение обоснованности выдвинутой на основе совокупности собранных и оцененных доказательств объяснительной гипотезы (о произошедшем событии, имеющем признаки общественно опасного уголовно наказуемого деяния, и о лице, его совершившем), включающее комплекс средств мыслительного и познавательно-удостоверительного характера (следственных и иных процессуальных действий), имеющее целью принятие законного, обоснованного решения по уголовному делу и формирование теории обвинения»[2].

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский определяют проверку доказательств как «предметно-практическую и мыслительную деятельность субъектов доказывания по определению свойств доказательств. Проверка включает в себя элементы собирания и оценки доказательств. Способами проверки являются: а) сопоставление проверяемых доказательств с другими доказательствами, б) установление источников доказательств, в) получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Задачей проверки доказательств является формирование совокупности доказательств, достаточной для вывода об их достоверности»[3].

М.С. Строгович писал, что «проверка доказательств заключается в удостоверении их правильности или неправильности»[4] с целью «отыскания новых доказательств, подкрепляющих или опровергающих это доказательство, сопоставление доказательства с другими имеющимися в деле доказательствами»[5].

---

[1] Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1960. С. 47.
[2] Чирков Ф.В. Оценка доказательств в ходе окончания предварительного следствия: автореф. канд. ... юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 9.
[3] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2005. С. 27.
[4] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 302.
[5] Там же. С. 304.

А.М. Ларин был противником выделения проверки в качестве отдельной стадии доказывания. Он полагал, что «проверка и оценка являются единой стадией процесса доказательств, а анализ и сопоставление доказательств – это та же оценка доказательств»[1].

В.В. Вандышев убежден в том, что «проверка доказательств – это правоотношения и деятельность участников процесса при определяющей роли органа дознания, следователя, прокурора и суда по установлению противоречий между доказательствами и их устранению»[2].

Н.П. Царева считает, что «все способы проверки доказательств сводятся к одному – «сопоставлению доказательств с другими доказательствами»[3].

Ф.Н. Фаткуллин полагал, что «в уголовном процессе нет какой-либо стадии, где бы то или иное доказательство и его источник могли бы приниматься на веру, без тщательной проверки»[4].

По мнению Р.В. Костенко, «проверка доказательств направлена на уяснение их достоверности, относимости или допустимости»[5].

Таким образом, приведенные в качестве примеров известные авторские определения понятия «проверка доказательств» позволяют установить три следующие основные свойства (характеристики) данной правовой категории, которые являются необходимыми и достаточными признаками для ее моделирования:

1) *установление источников;*
2) *сопоставление (анализ);*
3) *устранение противоречий.*

---

[1] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М. Юрид. лит., 1986. С. 19; О проверке доказательств // Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого. М.: Бек, 1997. С. 112.
[2] Вандышев В.В. Уголовный процесс: курс лекций. СПб.: Питер, 2002. С. 95.
[3] Царева Н.П. Документы-доказательства в уголовном судопроизводстве. М.: Приор-издат, 2003. С. 142.
[4] Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 12.
[5] Костенко Р.В. О проверке доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 53.

Перечисленные характеристики в полной мере выражают сущность деятельности по проверке доказательств и позволяют провести конструирование дефиниции данной правовой категории (рис. 10).

Таким образом, под *проверкой доказательств в уголовном судопроизводстве*, следует рассматривать *совокупность процессуальных действий субъектов доказывания, направленных на установление источников доказательств, их анализ и сопоставление, а также устранение выявленных противоречий в собранных сведениях о фактах и событиях с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ*.

Предлагаем закрепить найденную дефиницию в ст. 5 УПК РФ в качестве одного из основных понятий.

Последним обязательным и необходимым элементом процесса доказывания является оценка доказательств. Для выявления основных свойств (характеристик) данной правовой категории рассмотрим некоторые, наиболее распространенные и известные определения, дающие наиболее полное представление о ней[1].

Рис. 10. Модель правовой категории «проверка доказательств в уголовном судопроизводстве»

[1] См.: Ремизова М.С. Взаимодействие элементов доказывания в уголовно-процессуальном праве России // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сб. науч. ст. XI междунар. науч. съезда российских и зарубежных ученых (18 марта 2023 г.). М.: Перо, 2023. С. 58-63.

Из ст. 88 УПК РФ следует, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

М.С. Строгович утверждал, что «оценка доказательства является итогом его проверки и состоит в признании существования или несуществования того факта, который этим доказательством устанавливается»[1].

В.В. Конин полагает, что «в основе обоснованного и законного решения суда о виновности либо невиновности подсудимого в предъявленном ему обвинении лежит именно полная и объективная оценка судом доводов сторон и собранных сторонами доказательств»[2].

Ю.Ю. Воробьева полагает, что под оценкой доказательств надлежит понимать, как «последовательно протекающую в процессуальной форме логическую (мыслительную) и психическую деятельность субъектов уголовно-процессуального познания на предмет определения относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, так и в их совокупности – достаточность для установления конкретных обстоятельств уголовного дела и разрешения его по существу»[3].

Раскрывая сущность исследуемого элемента доказывания, Ц.М. Каз отмечала, что «под оценкой доказательств необходимо понимать мыслительную деятельность следователя, прокурора и судьи, которые руководствуясь законом и правосознанием, рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств в целом»[4].

---

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 164.

[2] Конин В.В. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 2. С. 83.

[3] Воробьева Ю.Ю. Современные проблемы процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Оренбург, 2006. С. 12.

[4] Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе: (Государственные органы). Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1968. С. 52; Каз Ц.М. Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1962. С. 293.

Позицию о том, что «оценка доказательств представляет собой мыслительную деятельностью, поддерживают и другие ученые»[1].

Вместе с тем существует и иной взгляд на понятие оценки доказательств, согласно которому оценка имеет одновременно несколько смысловых значений, например, «итоговый решающий вывод» и «процесс формирования этих выводов»[2]. При этом, как справедливо утверждает С.Б. Россинский, «оценка доказательств выражает исключительно логический аспект доказывания и в соответствии с действующим законодательством представляет собой своеобразный «венец» всего комплекса операций по установлению обстоятельств уголовного дела»[3].

По мнению В.В. Конина, «оценка доказательств, производится в отношении как единичного, так и группы доказательств, собранных субъектом доказывания, на предмет их относимости, допустимости, достоверности, и в своей совокупности достаточности для обоснования и доказывания выдвинутого обвинительного тезиса»[4]. Указанный автор дает определение оценке доказательств, под которой, по его мнению, следует понимать «мыслительный логический процесс, основанный на внутреннем убеждении субъекта доказывания, связанном с имеющимися теоретическими знаниями и практическим опытом, направленным на обеспечение достоверных выводов, для вынесения законного и обоснованного решения по расследуемому или рассматриваемому уголовному делу»[5].

---

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 165; Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. С. 65; Карнеева Л.М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1994. С. 23; Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты: автореф. дис.… д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 25.

[2] Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М.: Высш. шк., 1968. С. 116.

[3] Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 43.

[4] Конин В.В. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 2. С. 83.

[5] Там же. С. 83.

П.Ф. Пашкевич отмечает, что «оценить доказательства, значит определить, насколько точно установлено каждое из них, в какой взаимосвязи с делом и другими доказательствами оно находится, какой именно факт, имеющий значение для дела, оно устанавливает или опровергает, и что означают в совокупности все собранные по делу доказательства»[1].

А.И. Трусов считает, что «основным вопросом, решаемым при оценке доказательств, является установление достоверности сведений о фактах, которые содержит доказательство»[2].

Многие авторы высказывали мнение, что в основе оценки доказательств лежит один из основополагающих принципов судопроизводства, закрепленный в ст. 17 УПК РФ – свобода оценки доказательств. Методом такой оценки является внутреннее убеждение субъекта доказывания: дознавателя, следователя, прокурора и суда, которое, в свою очередь, «формируется на основе внутреннего убеждения, основанного на законе и совести данных участников уголовного судопроизводства»[3]. При этом «совесть, являясь нравственной составляющей, представлена в виде чувства нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом»[4]. При этом «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ст. 17 УПК)».

А.Ф. Кони, говоря об оценке доказательств, отмечал следующее: «Судья, решая дело... должен говорить: я не могу иначе, не могу потому, что логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого говорит моя совесть как судьи и человека. Свобода внутреннего убеждения состоит по отношению к каждому доказательству в том, что доказательство это может быть принято судьей за удостоверение существования того или

---

[1] Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1961. С. 49.
[2] Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960. С. 13.
[3] Там же. С. 13.
[4] См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). URL: https://docs.cntd.ru/document/420368775 (дата обращения: 12.12.2024).

другого обстоятельства лишь тогда, когда, рассмотрев его, обдумав и взвесив, судья находит его по источнику и содержанию не возбуждающим сомнения и достойным веры; – по отношению ко всем доказательствам вместе – в том, что сопоставление, противопоставление и проверка одних доказательств другими совершается не по заранее начертанной программе, а путем разумной критической работы, ищущей доступной человеку ступени правды, и одной правды как бы, в некоторых случаях, ни было тяжело подчинить свое личное чувство последовательному выводу сознания»[1]. «Задача судьи, – отмечал А.Ф.Кони, – сводится к механическому сложению и вычитанию доказательств, вес и взаимная сила которых заранее определены, причем даже и для сомнения есть определенные, формальные правила»[2].

Ю.В. Чуфаровский отмечает, что «внутреннее судейское убеждение представляет результат воздействия на сознание судей определенной совокупностью доказательств, установленной и проверенной в ходе судебного разбирательства»[3].

По мнению Д.В.Зотова, «концепция внутреннего убеждения имеет свои недостатки … и скованы пределами свободы убеждения: законом, совокупностью доказательств и совестью судьи»[4].

И.А. Арендаренко предлагает «вместо совести при оценке доказательств руководствоваться правосознанием»[5].

Ф.Н. Фаткуллин, говоря об оценке доказательств, полагал, что наравне «с оценкой самих доказательств необходимо давать оценку их источников, способов их получения и использования»[1].

---

[1] Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Т .4. М.: Госюриздат, 1967. С. 30.
[2] Там же. С. 30.
[3] Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2006. С. 300.
[4] Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве. Воронеж: Изд. дом Воронеж. гос. ун-та, 2017. С. 17.
[5] Арендаренко И.А. Доказательственное право уголовного судопроизводства в его соотношении с нормами, регулирующими доказывание в гражданском, арбитражном процессах и производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 11.

М.К. Треушников выделяет «три элемента процессуальной формы оценки доказательств: 1) процессуальные требования, предъявляемые к мыслительной деятельности по оценке доказательств; 2) процесс реализации этих требований в ходе мыслительной деятельности субъектов по оценке доказательств; 3) процессуальный результат, нашедший отражение в судебном решении»[2].

Р.В. Костенко отмечает, что «проверка доказательств направлена на уяснение их достоверности, относимости или допустимости»[3]. При этом, по его мнению, главный итог «оценки доказательств заключается в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Соответственно, проверка доказательств имеет длящийся характер в ходе процесса доказывания, она сочетает в себе логико-мыслительные приемы, присущие оценке доказательств, и практическую деятельность, являющуюся признаком собирания доказательств. Основное же отличие проверки доказательств от оценки доказательств заключается в том, что только по итогам оценки доказательств можно решить вопрос об их достаточности (недостаточности). Достаточность либо недостаточность доказательств невозможно проверить»[4].

По мнению Н.М. Перетятько, «оценка доказательств – это основанная на законе и правосознании интеллектуальная, мыслительная деятельность суда (судьи), присяжных заседателей, участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты, имеющая своей целью формирование по своему внутреннему убеждению вывода о том, что доказательство в силу своих свойств способно отражать тот или иной факт объективной действительности, а совокупность имеющихся доказательств в целом достаточна для принятия процессуального решения»[5]. При этом Н.М. Перетятько дает определение

---

[1] Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 177.
[2] Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2004. С. 140.
[3] Костенко Р.В. О проверке доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 52.
[4] Костенко Р.В. О проверке доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 56.
[5] Перетятько Н.М. Оценка доказательств судом второй и надзорной инстанций в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 8.

правовому термину «внутреннее убеждение» и рассматривает данное явление с двух точек зрения: «процессуальной и с гносеологической. В процессуальном аспекте внутреннее убеждение – это способ оценки доказательств, гарантирующий независимость их оценки, даваемой одним субъектом, от любой другой в любой стадии уголовного процесса, а также отсутствие правил о преимуществе, силе одного вида доказательств перед другими, количественных показателей достаточности доказательств для того или иного решения по делу. С гносеологической стороны внутреннее убеждение – это знание о том, что доказательства в силу своих свойств способны отражать объективную действительность, а их совокупности достаточно для правильности выводов, к которым пришел субъект доказывания. С психологической точки зрения внутреннее убеждение – это чувство уверенности, убежденности в правильности и обоснованности своих выводов и готовность поступать сообразно своим выводам. Однако психологический аспект представляется наиважнейшим. Ошибки при формировании независимого внутреннего убеждения могут иметь место как в результате собственной психической деятельности, так и в результате внешнего воздействия»[1].

Анализ приведенных и иных определений правовой категории «оценка доказательств» позволяет выявить следующие три основные ее характеристики, которые являются необходимыми и достаточными для конструирования лаконичного определения искомой дефиниции (рис. 11):

1) мыслительно-логическая (познавательная) деятельность, которая основана на внутреннем убеждении;

2) установление и устранение противоречий в сведениях о фактах и событиях;

3) определение относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

---

[1] Перетятько Н.М. Оценка доказательств судом второй и надзорной инстанций в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 7.

Рис. 11. Модель правовой категории «оценка доказательств в уголовном судопроизводстве»

Таким образом, под *оценкой доказательств в уголовном судопроизводстве* следует понимать *основанную на внутреннем убеждении мыслительно-логическую (познавательную) деятельность субъектов доказывания, направленную на выявление и устранение противоречий в сведениях о фактах и событиях совершенного преступления, а также определение качества собранных сведений на предмет их соответствия свойствам относимости, допустимости, достоверности и достаточности*. Предлагается закрепить найденную дефиницию в ст. 5 УПК РФ в качестве одного из основных понятий.

Проведенное исследование показывает, что в ходе эволюционного развития науки уголовного процесса было разработано множество определений, связанных с доказыванием, что подтверждает важность данного института и неугасающий научный интерес к нему со стороны ученых. В то же время остается большое количество спорных вопросов относительно дефиниций элементов доказывания. Решение некоторых из них предложено в настоящей научной работе[1].

Представляется необходимым отметить, что «все элементы доказательственной деятельности – собирание, проверка, оценка и

[1] См.: Ремизова М.С. Взаимодействие элементов доказывания в уголовно-процессуальном праве России // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сб. науч. ст. XI междунар. науч. съезда российских и зарубежных ученых (18 марта 2023 г.). М.: Перо, 2023. С. 58-63.

использование доказательств, принятие процессуального решения по делу, неразрывно между собой связаны. Более того, они взаимодействуют, протекают в единстве, имеют место на всех стадиях процесса в тех формах, которые соответствуют задачам той или иной стадии и установленному в ней порядку производства»[1]. В то же время «деление процесса доказывания на составляющие его элементы носит достаточно условный характер, поскольку на практике для проверки имеющихся доказательств следователю, суду часто бывает необходимо получить новые доказательства»[2].

С помощью метода универсальной схемы взаимодействия элементов в системе была построена соответствующая модель – универсальная схема взаимодействия элементов доказывания (рис. 12).

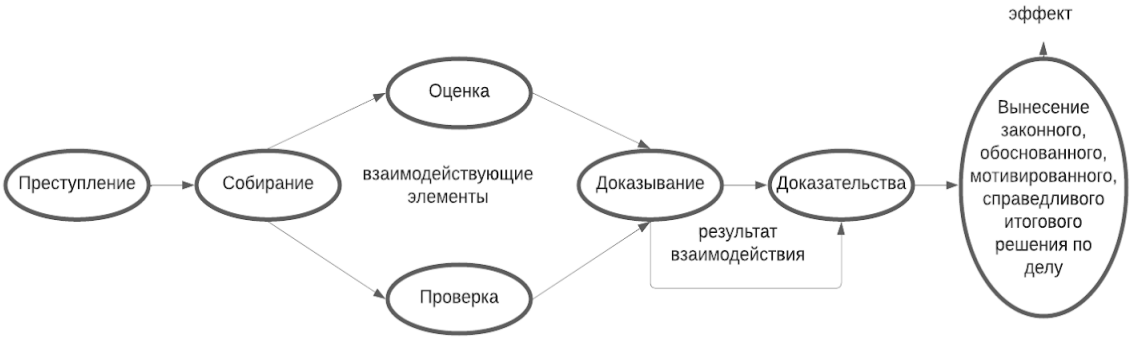

Рис. 12. Модель универсальной схемы взаимодействия элементов доказывания

Логика и содержание указанного метода описаны профессорами В.И. Разумовым и Г.Д. Боуш[3], и состоят в следующем:

1) выделение источника ресурса (энергии);

2) выделение элементов, образующих содержание процесса;

3) выявление взаимодействия или реакции, в которую вступают элементы;

---

[1] Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 28.
[2] Там же. С. 9.
[3] Боуш Г.Д., Разумов В.В. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 78.

4) выявление результата или продукта, полученного в рамках взаимодействия;

5) выявление эффекта, указывающего как полученный результат влияет на объект и его окружение».

По мнению авторов методики, «универсальная схема взаимодействия элементов объекта позволяет выявить, каким образом наличие того или иного ресурса (энергии) и элементный состав объекта влияют на процесс взаимодействия элементов и как следствие, на результат взаимодействия, а также на эффект для самого объекта, его внешней среды, других объектов»[1].

Применяя данный «метод к уголовному судопроизводству, а точнее к изучению процесса формирования допустимых доказательств, можно прийти к следующему выводу: источником ресурса в уголовном процессе является совершенное преступление, о котором стало известно правоохранительным органам. Содержание процесса образуют элементы доказывания: собирание, проверка и оценка доказательств, и в результате взаимодействия этих элементов появляются сами доказательства, то есть они, исходя из логики метода, являются результатом взаимодействия элементов в рамках системы. Доказательства должны быть получены надлежащим способом, в соответствии с установленной процедурой, облачены в надлежащую форму, с соответствующим содержанием, пригодны для принятия процессуального решения по делу. Следовательно, эффектом в виде результата, полученного в ходе всего процесса доказывания, влияющего на объект и его окружение, является принятие законного, мотивированного и справедливого процессуального решения по уголовному делу.

Таким образом, подводя итоги исследования, проведенного во второй главе, можно сформулировать следующие основные выводы:

1. Взаимосвязаны и взаимодействуют между собой не только элементы доказывания, но и весь его процесс, начиная с момента начала

[1] Боуш Г.Д., Разумов В.В. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 77.

собирания доказательств, заканчивая принятием законного, обоснованного, мотивированного и справедливого процессуального решения по делу. Процедура доказывания запускается с момента совершения преступления, точнее с того момента, как о совершенном преступлении становится известно соответствующим субъектам доказывания, а завершается принятием процессуального решения по уголовному делу (например, вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного преследования либо вынесением приговора). Все происходящее в рамках этих этапов взаимосвязано между собой и подчинено одной цели – принятию процессуального решения по уголовному делу. Если проследить схему (рис. 12) в обратном порядке, то можно увидеть, что вынесение законного, обоснованного и справедливого процессуального решения по делу зависит от качества доказательств, полученных в процессе доказывания, то есть в процессе их собирания, проверки и оценки.

2. С помощью методов категориально-системной методологии смоделированы дефиниции законности в уголовном судопроизводстве, доказывания и его элементов, в том числе и формирования.

3. Принципиальное отличие проверки и оценки доказательств заключается в том, что проверка – это формализованная деятельность, по своей сути направленная на выяснение законности их получения, а оценка – это мыслительно-логическая деятельность, основанная на внутреннем убеждении. Способы проверки регламентированы законом, а процесс формирования внутреннего убеждения регламентирован быть не может.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

3.1. Состязательность и равноправие сторон как гарантия допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве

Система принципов уголовного судопроизводства призвана обеспечить его законность, способствовать «всестороннему и объективному разрешению уголовного дела, предупреждению к вынесению необоснованного и несправедливого приговора, а также защите личности от незаконного ограничения и нарушения ее прав и свобод»[1]. В ч. 3 ст. 123 Конституции РФ закреплен принцип состязательности и равноправия сторон обвинения и защиты. Аналогичная по содержанию норма содержится в ст. 15 УПК РФ, однако в ней отсутствует дефиниция данного принципа, формулировка отличается от конституционной, а сам принцип именуется как «состязательность сторон». Кроме того, следует отметить, что в Основном законе государства говорится одновременно о двух его составляющих, которые по своему содержанию могли бы претендовать на роль самостоятельных принципов уголовного судопроизводства:

1) состязательность сторон защиты и обвинения.

2) равноправие сторон защиты и обвинения.

Принцип состязательности и равноправия сторон «в уголовном судопроизводстве имеет существенное значение для формирования допустимых доказательств по уголовному делу»[2]. Его сущность состоит в том, что он «требует обеспечения «справедливого баланса между сторонами», под которым понимается наличие реальной возможности у каждой стороны представить доказательства в обоснование своей позиции в условиях не

---

[1] Гришин А.В., Волкова В.Р. Право реабилитированного лица на возмещение вреда: некоторые аспекты современной уголовно-правовой политики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3. С. 55.

[2] См.: Ремизова М.С. Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 291-300.

худших, чем у процессуальных оппонентов. Требование обеспечения справедливости уголовного судопроизводства предполагает, что собранные сторонами материалы (сведения) приобретут признак допустимости не только при соблюдении требований закона при их получении в стадии предварительного следствия, но и при выполнении ряда дополнительных условий их представления суду при рассмотрении дела по существу»[1].

В.В. Терехин «принцип состязательности непосредственно связывает со стандартом допустимости и предполагает, что:

а) стороны свободны (диспозитивны) в постановке вопросов о допустимости доказательств, исключении недопустимых доказательств и пр.;

б) исключительно суд, «связанный» позициями сторон, дает ответы на поставленные перед ним вопросы о допустимости доказательств;

в) суд пассивен и не вправе проявить инициативу по проверке допустимости доказательств, в отсутствие соответствующей инициативы одной из сторон;

г) активность суда может быть сопряжена лишь с формированием внутреннего убеждения в вопросе допустимости доказательства, полученного с нарушением закона»[1].

Однако сложившаяся правоприменительная практика расходится с состязательным стандартом допустимости доказательств, как в части полномочий суда, так и возможностей стороны защиты на «легализацию» собранных ею сведений в рамках полномочий, предусмотренных УПК РФ.

На современном этапе развития уголовного судопроизводства наблюдается денивеляция данного принципа (уклон в сторону обвинения). Можем предположить, что это связано с тем, что российская правовая система относится к романо-германской группе, а как отмечал А.В. Смирнов, «немецкие юристы считают свой процесс не состязательным, а следственно-

[1] См.: Терехин В.В. О состязательном стандарте допустимости доказательств в уголовном процессе // Государство и право в изменяющемся мире: сб. матер. науч.-практ. конф., Н. Новгород, 2015. Ч. 3-2. URL: http://arbir.ru/miscellany/U18S858E55694-O-sostyazatelnom-standarte-dopustimosti-dokazatelstv-v-ugolovnom-processe (дата обращения: 12.12.2024).

обвинительным»[2]. Однако так было не всегда. Современное состояние института состязательности сторон является следствием его эволюции, которая берет начало в 1864 г. с принятием УУС, в котором предусматривалось участие защитника, как по назначению суда, так и по соглашению. В силу ст. 630 УУС «прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, а подсудимый или его защитник – с другой, пользуются в судебном состязании одинаковыми правами»[3].

В инквизиционном, по своей сути, УПК РСФСР 1923 г., который ранее уже рассматривался, также говорилось о необходимости участия защитника в ходе производства по уголовному делу. Однако это право оставалось закрепленным только на бумаге.

С введением в действие УПК РСФСР 1960 г. «принцип состязательности начал понемногу прогрессировать, в нем получили законодательное закрепление права адвокатов-защитников»[4].

Однако с введением в действие УПК РФ состязательность сторон не получила логического развития в сторону расширения прав стороны защиты. Можно полностью согласиться с мнением С. Дадонова и Н. Кузнецова, которые полагают, что «УПК РФ не дал защитнику права самостоятельно собирать доказательства и, следовательно, не превратил его в сторону состязательного процесса в досудебной части уголовного производства»[5].

Л.А. Позднякова придерживается аналогичной точки зрения и отмечает, что «в досудебном производстве УПК РФ, объявив о праве защитника собирать доказательства, в действительности это право не

---

[1] См.: Терехин В.В. О состязательном стандарте допустимости доказательств ... .

[2] Смирнов А.В. Состязательность в процессе: сегодня и завтра // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 66-70.

[3] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Вып. 3. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1914. С. 534.

[4] См.: Ремизова М.С. Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 291-300.

[5] Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 40-48.

обеспечил. Субъектом собирания доказательств остаются органы уголовного преследования, а защитник в этом может лишь им содействовать»[1].

Вопреки отмеченному, по мнению А.А. Давлетова «УПК РФ, наконец-то, предоставил защитнику возможность самостоятельно собирать доказательства по делу, в чем видится важное проявление состязательности в нашем досудебном уголовном процессе»[1]. Согласиться со столь оптимистичной оценкой не представляется возможным. По своей сущности рассматриваемый принцип состоит в обеспечении возможности двум состязающимся сторонам, защиты и обвинения, представлять доказательства в обоснование своих доводов с соблюдением равноправия на всех стадиях производства по уголовному делу. Однако, как показывает наша многолетняя адвокатская практика, в действительности состязательность сторон лишь декларируется, а на стадии предварительного расследования ее фактическая реализация сталкивается со множеством препятствий различного характера.

Вместе с тем только при реальном предоставлении стороне защиты таких же прав на собирание доказательств, что и стороне обвинения, можно говорить о реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе в том смысле, который был изначально заложен законодателем. Для этого, в первую очередь, необходимо найти возможные пути устранения неравенства сторон в уголовном процессе, внеся изменения и дополнения в действующее законодательство, направленные на реализацию равноправия сторон при формировании допустимых доказательств.

Например, в УПК РФ не закреплена дефиниция рассматриваемой правовой категории. Обзор литературы показывает, что ученые-теоретики не пришли к единому пониманию принципа состязательности и равноправия сторон. Нет единодушия и в вопросе о предоставлении равных прав сторонам защиты и обвинения при собирании доказательств на всех стадиях производства по уголовному делу.

---

[1] Позднякова Л.А. Адвокат в уголовном процессе. Екатеринбург: Автограф, 2008. С. 137.

Стоит согласиться с мнением В.А. Лазаревой, которая полагает, что «отвергать доказательственное значение доказательств защиты, значит, признавать неравенство обвинительных и оправдательных доказательств, отдавать заведомое предпочтение тем из них, которые получены в урегулированной законом процедуре, т.е. доказательствам обвинения»[2].

В научной литературе встречается и мнение о том, что «закрепленное в ч. 3 ст. 86 УПК РФ право защитника собирать доказательства противоречит положениям ч. 1 ст. 86, ст. 87, ч. 2 и ч. 3 ст. 88 УПК РФ, поскольку доказывание осуществляют только властные субъекты уголовного судопроизводства, и поэтому защитник не вправе собирать доказательства. Представленные им предметы, документы, результаты опроса доказательствами не являются и могут рассматриваться лишь в качестве материалов, дающих основания для заявления ходатайства о производстве соответствующих следственных или судебных действий»[3]. В связи с этим Ц.М. Каз отмечала, что «четкая законодательная регламентация устранила бы ряд спорных вопросов»[4].

В энциклопедическом словаре под редакцией А.М. Прохорова даются следующие определения терминам «состязательность» и «равноправие». Под состязательностью предлагается понимать «демократический принцип судопроизводства, согласно которому разбирательство дела происходит в форме спора сторон в судебном заседании; все участники процесса наделены равными процессуальными правами», а под равноправием – «официально признаваемое равенство граждан (подданных) перед

---

[1] Давлетов А.А. Право защитника собирать доказательства // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 50-55.

[2] Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Юрайт, 2013. С. 212.

[3] Победкин А.В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. 2003. № 1. С. 60; Камышин В.А. Защитник как субъект собирания доказательств: желаемой и действительное // Вестник Омского университета. 2005. № 3. С. 61; Скребец Г.Г. Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 13.

[4] Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе (Гос. органы). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1968. С. 27.

государством, законом, судом»[1]. Если исходить из этимологии слова «равноправие», оно означает «обладание равными, одинаковыми с кем-либо правами … наличие у всех одинаковых прав»[2]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что состязательность неотделима от равноправия сторон, и состязательность может быть только там, где имеются две спорящие антагонистические стороны, обеспеченные равными правами, соответственно, «смысл состязательности передают термины «конкуренция», «борьба», «противоборство», «спор»[3].

По мнению А.В. Смирнова, «состязательность включает в себя три составные части: наличие сторон, их процессуальное равенство, независимость, отделение сторон от суда»[4].

И.Я. Фойницкий[5], Н.Н. Розин[6], М.В. Духовской[7] понимали под состязательностью «процессуальный порядок производства по уголовному делу, его устройство».

И.Л. Петрухин считает «состязательность такой формой организации судопроизводства, для которой характерны: строгое расчленение функций обвинения, защиты и разрешения дела; процессуальное равноправие сторон обвинения и защиты»[8]. По его мнению, «при такой организации стороны

---

[1] Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 1259.

[2] См.: Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. 4-е изд. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/17/ma357806.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 12.12.2024); Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова (1935-1940). URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/17/us3b0402.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 12.12.2024).

[3] Кронов Е.В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 146.

[4] Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. С. 32.

[5] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. С. 60.

[6] Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. С. 345.

[7] Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1910. С. 139.

[8] Петрухина И.Л. Реформа уголовного правосудия в России не завершилась // Законодательство. 2006. № 3. С. 69-70.

имеют равные возможности для поиска истины и отстаивания своих утверждений или опровержения утверждений другой стороны»[1].

Являясь одним из родоначальников исследования данного правового явления, М.С. Строгович отмечал, что «состязательность – это такое построение судебного разбирательства, при котором обвинение отделено от суда, обвинение и защита осуществляются равноправными сторонами, а функция суда состоит в разрешении дела. При этом весь процесс выглядит как полемика сторон, защищающих свои законные интересы»[2].

Л.Ф. Шумилова рассматривает принцип состязательности как «конкуренцию участвующих в деле лиц, когда самостоятельные действия одних участвующих в деле лиц эффективно ограничивают возможность других односторонне воздействовать на исход судебного разбирательства»[3].

По мнению Т.П. Шестаковой «состязательность – это метод отыскания истины, который состоит в состязании сторон, восполняемом и контролируемом активным участием суда в разбирательстве дела» [4].

Согласно с их функциями в уголовном процессе, состязающиеся стороны, по мнению Е.А. Карякина[5], Л.В. Виницкого[6] и С.Д. Шестаковой[7], должны иметь равные средства и возможности для оспаривания доводов процессуальных оппонентов, в связи с чем «каждая из сторон собирает свои

---

[1] Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М.: Проспект, 2016. С. 103.
[2] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 357.
[3] Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права, 2005. № 11. С. 54-61.
[4] Шестакова С.Д. Проблемы состязательности в Российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 84.
[5] Карякин Е.А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики). Оренбург: Изд-во Оренб. гос. ун-та, 2005. С. 68.
[6] Виницкий Л.В. Уравнять права сторон в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 43-44.
[7] Шестакова С.Д. Проблемы состязательности в Российском уголовном процессе … С. 84.

доказательства (обвинитель – обвинительные, а обвиняемый и его защитник – оправдательные или смягчающие ответственность)»[1].

А.М. Баранов считает, что «состязательное начало уголовного судопроизводства подразумевает процессуальное равноправие сторон, отстаивающих перед судом свои интересы»[2].

Как справедливо отмечает Т.Ш. Бородинова, «конституционное положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон не допускает каких-либо исключений»[3].

Таким образом, можно признать бесспорным тот факт, что без обеспечения сторон равными правами невозможно обеспечить состязательность при формировании допустимых доказательств.

Исследование и анализ норм УПК РФ, научных работ, правоприменительной практики позволяют нам прийти к выводу о том, что один из элементов, составляющих рассматриваемый принцип уголовного судопроизводства – равноправие сторон, закреплен в УПК РФ лишь на судебных стадиях (например, в ст. 244 УПК РФ), и не нашел аналогичного отражения в правовом регулировании досудебного производства. В первую очередь, это связано с тем, что в ч. 4 ст. 15 УПК РФ провозглашается равноправие сторон обвинения и защиты, но только на стадиях судебного производства по уголовному делу, и обязанность соблюдения этой нормы возложена именно на суд. Следовательно, на досудебных стадиях, которые являются основными с точки зрения формирования доказательств, стороны обвинения и защиты в уголовном процессе равноправием не обладают. В отличие от стороны защиты, «участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения – дознаватель, следователь, руководитель следственного органа и прокурор, наделены государственно-властными полномочиями на

---

[1] Баранов А.М. Состязательность в российском уголовном процессе: желаемое и действительность // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 44-52.

[2] Там же. С. 45.

[3] Бородинова Т.Г. Сторона защиты и ее функция в судебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 12.

стадии предварительного расследования, направляя его ход и осуществляя руководство»[1].

По поводу уравнивания прав сторон в уголовном судопроизводстве С.А. Шейфер писал следующее: «Отказ от равноправия субъектов государства и его граждан, соответствует исторически сложившейся иерархичности государства»[2]. Вместе с тем он поддерживал закрепленное в Конституции РФ и отраженное в УПК РФ требование «обеспечивать права и свободы человека и гражданина, равенство прав сторон в судопроизводстве, которые могут быть ограничены в строго определенных законом случаях»[3].

В.А. Семенцов утверждает, что «вопреки требованиям ст. 53 и 86 УПК РФ защитник не собирает доказательства в процессуальном смысле этого слова, а обнаруживает сведения, которые могут быть облечены в процессуальную форму органом уголовного преследования (в досудебном производстве) или судом»[4].

По мнению некоторых авторов, требование равноправия означает, что «стороны судопроизводства пользуются равными процессуальными правами и суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из них в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон»[5]. Однако процессуальное равноправие сторон «означает лишь равенство

---

[1] См.: Францифорова С.Ю. Равенство прав участников процесса гарантия обеспечения их законных интересов в уголовном судопроизводстве. URL: https://www.sovremennoe pravo.ru/m/articles/view/Равенство-прав-участников-процесса-гарантия-обеспечения-их-законных-интересов-в-уголовном-судопроизводстве (дата обращения: 12.12.2024).

[2] Шейфер С.А. Равенство прав и уравниловка: проблемы соотношения // История государства и права. 2015. № 12. С. 37.

[3] Там же. С. 38.

[4] Семенцов В.А. Некоторые мифы и реальность современного отечественного уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. матер. всерос. конф. (15-16 октября 2015 г.). Орел: Изд-во Орл. юрид. ин-та МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. С. 307.

[5] Мархгейм М.В., Хлебников А.Д. О состязательности и равноправии сторон как самостоятельных конституционных принципах судопроизводства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 8. Вып. 20. С. 185.

процессуальных средств, при помощи которых каждая сторона отстаивает свои утверждения и оспаривает утверждения противной стороны»[1].

О.В. Гладышева отмечает, что «меняются условия осуществления состязательности, средства ее реализации. Активно формируется тенденция по корректировке устоявшихся, классических форм участия сторон в уголовном судопроизводстве. В то же время по-прежнему фундаментальными признаками состязательности современного уголовного судопроизводства выступают: 1) наличие независимого суда, призванного вынести решение по существу поставленных перед ним вопросов; 2) процессуальное равенство сторон, отстаивающих свою позицию в уголовном деле, при наличии спора как факультативного признака, не влияющего на определение состязательности»[2].

Таким образом, можно констатировать, что в основе принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, безусловно, находится возможность представления доказательств сторонами защиты и обвинения на основе их равноправия на всех стадиях состязательного уголовного процесса, и без предоставления защитнику соответствующего объема прав невозможна практическая реализация одного из основополагающих принципов судопроизводства.

Приведенные выше и иные существующие в науке определения «состязательности» и «равноправия сторон» позволяют нам сделать вывод о возможности построения на их основе модели для последующего конструирования дефиниции принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве с использованием метода формально-логического определения.

---

[1] Багдасаров Р.В. Понятие и содержание принципа состязательности в уголовном процессе // Труды военной прокуратуры – войсковая часть полевая почта 62507: Военная прокуратура Приволжско-Уральского военного округа. Душанбе: ВП в/ч пп 62507, 2002. С.6.

[2] Гладышева О.В. Современные представления о состязательности досудебного производства и проблемы ее обеспечения // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 79.

Эвристичность метода состоит в том, что с его помощью можно получить научно обоснованную дефиницию искомой правовой категории понятия. Логика и содержание метода подробно описаны Г.Д. Боуш и В.В. Разумовым[1], и состоят в следующем. На первом этапе определяется предмет исследования – правовая категория, определение которой будет разрабатываться. На втором – устанавливаются более общие (родовые) понятия, частью которого является искомая правовая категория. На третьем этапе происходит поиск необходимых и достаточных условий, позволяющих отграничить искомую категорию понятия от всех других, имеющих ту же родовую принадлежность. На последнем этапе происходит формулирование соответствующей дефиниции.

Определившись с выбором правовой категории – «состязательность», на основе имеющихся авторских определений выделим основные, необходимые и достаточные свойства (признаки) объекта исследования (рис. 13):

1) наличие состязающихся сторон защиты и обвинения, разграничение их функций, а также суда, который обеспечивает возможность состязания;

2) наличие обязанности государства предоставить равные права и создать необходимые условия для реализации состязательности в соответствии с функциями каждой из сторон;

3) отсутствие дискриминации в реализации состязательности на всех стадиях производства по уголовному делу в целях отстаивания по нему своих правовых позиций[2].

---

[1] Боуш Г.Д., Разумов В.В. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 91.

[2] См.: Ремизова М.С. Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 291-300.

Рис. 13. Модель правовой категории «состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве»

Ранее отмечалось, что «принцип состязательности и равноправия сторон, в его конституционном понимании, является двухкомпонентным. В связи с этим необходимо определиться и со второй его составляющей – равноправием сторон, сформулировав дефиницию и этой правовой категории, предварительно выделив ее основные признаки. Представляется, что и «равноправию сторон» присущи все те же свойства, которые были указаны ранее для дефиниции «состязательность». Следовательно, обе искомые дефиниции имеют общую исходную модель с одинаковыми правовыми характеристиками (признаками, свойствами) (Рис. 13).

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о неразрывности таких двух понятий, как «состязательность» и «равноправие сторон», и сформулировать для них единую правовую дефиницию. *Состязательность и равноправие сторон – это принцип уголовного судопроизводства, основанный на таком его построении, при котором функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на одно и то же лицо, а для участников уголовного процесса, выступающих на стороне обвинения и защиты, предусмотрены равные права и возможности для отстаивания своих интересов на всех этапах производства по уголовному делу, в том числе, и при формировании доказательств*.

В лаконичном варианте, пригодном для внесения соответствующего дополнения в ч. 1 ст. 15 УПК РФ[1], искомую дефиницию можно изложить следующим образом: *состязательность и равноправие сторон – это принцип уголовного процесса, основанный на разделении функций защиты, обвинения и разрешения уголовного дела, предусматривающий создание необходимых условий организации судопроизводства без дискриминации его участников, с предоставлением им равных прав в отстаивании своих интересов на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при формировании доказательств*.

Говоря о равенстве сторон защиты и обвинения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в контексте реализации возможности собирания доказательств адвокатом-защитником, следует отметить, что такое право существует, но механизм его реализации отсутствует. Анализ норм действующего законодательства и, в частности, ч. 3 ст. 86 УПК РФ показывает, что адвокат-защитник наделен правом собирания доказательств лишь формально. В связи с отсутствием законодательной регламентации процессуальных форм закрепления сведений, собранных адвокатом, они могут стать доказательствами по уголовному делу только в случае удовлетворения заявленного им дознавателю или следователю ходатайства о приобщении доказательств. Как справедливо отмечают Т.Г. Бородинова и И.Ф. Демидов, в таких условиях «фактически реализация прав защитника передается на усмотрение иных участников процесса, что противоречит принципу состязательности»[1].

Как видно, неравенство сторон защиты и обвинения в части собирания и представления доказательств, проявляется в том, что приобщение собранных адвокатом сведений законодатель ставит в зависимость от усмотрения лица, в производстве которого находится уголовное дело. В

[1] См.: Ремизова М.С. Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 291-300.

случае, если предоставленная адвокатом информация будет признана этим лицом имеющей значение для рассмотрения дела, ей придадут соответствующую процессуальную форму в соответствии с требованиями УПК РФ, и только тогда она приобретет статус доказательства.

Например, доказательства, сформированные защитником, могут быть приобщены к материалам уголовного дела соответствующим постановлением дознавателя и следователя на основании заявленного им ходатайства, а объяснение или протокол опроса, составленный защитником, могут быть допущены в качестве доказательства по делу только в том случае, если органы предварительного расследования по ходатайству стороны защиты допросят лицо, являющееся источником информации, в качестве свидетеля, в соответствии с требованиями УПК РФ, регламентирующими порядок производства допроса.

В силу ч. 2 ст. 159 УПК РФ защитник, как и «иные участники уголовного процесса, имеет право на удовлетворение ходатайства о проведении следственного действия: ... подозреваемому, обвиняемому, его защитнику ..., также не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Здесь также наличие или отсутствие значения для уголовного дела ставится на усмотрение органов, осуществляющих предварительное расследование»[2].

На практике адвокаты-защитники систематически сталкиваются с ситуациями, когда им отказывают в удовлетворении ходатайств о приобщении к материалам уголовного дела собранных сведений и документов без адекватного обоснования причин. Об этом справедливо

---

[1] Бородинова Т.Г., Демидов И.Ф. Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 36.

[2] См.: Ремизова М.С. Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 291-300.

отмечает и В.Ю. Петрикин[1]. Зачастую «такие отказы в удовлетворении ходатайств не имеют конкретных доводов, свидетельствующих о том, что действия и решения, о которых ходатайствует сторона защиты, являются явно избыточными как для процесса доказывания, так и для обеспечения прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе»[2].

Так, адвокату Н.С. Гаспаряну при осуществлении защиты по одному из уголовных дел следователь «отказал в допросе свидетеля и снял 66 вопросов, имеющих значение для дела»[3]. Подобные случаи свидетельствуют о возможности безнаказанного злоупотребления правом со стороны должностных лиц, представляющих сторону обвинения, а защитнику остается лишь надеяться на то, что частью 4 ст. 159 УПК РФ предусмотрена возможность обжалования постановлений органов предварительного расследования об отказе в удовлетворении ходатайства по правилам гл. 16 УПК РФ.

Относительно подобных ситуаций Г.И. Сибирцев совершенно справедливо замечает, что «в условиях современных российских правоприменительных реалий запрет отказа защитнику в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, устанавливающих обстоятельства, значимые для данного дела, должен быть сформулирован императивно, без оставления органу расследования возможности отказа в удовлетворении такого ходатайства по своему усмотрению»[4].

Существующая правоприменительная практика свидетельствует еще и о том, что в большинстве случаев при рассмотрении жалоб прокуроры,

---

[1] См.: Петрикин В.Ю. Реализация защитником права заявлять ходатайства о производстве следственных действий // Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве / под ред. В.А. Семенцова. Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2023. С. 121.

[2] Черкунова Т.В. Реалии реализации защитительной деятельности в уголовном процессе посредством заявления ходатайств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2. С. 190.

[3] См.: Гаспарян Н.С. Принцип равноправия и состязательности сторон был поставлен под угрозу. URL: https://fparf.ru/news/fpa/printsip-ravnopraviya-i-sostyazatelnosti-storon-byl-postavlen-pod-ugrozu/ (дата обращения: 12.12.2024).

[4] Сибирцев Г.И. Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 23.

руководители следственных органов и суды отказывают в их удовлетворении, ссылаясь на то, что следователь и дознаватель в пределах компетенции, предоставленной им УПК РФ, вправе самостоятельно принимать решения о разрешении ходатайств об относимости доказательств, собранных защитником, к расследуемому уголовному делу.

Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за последние 6,5 лет, в процентном соотношении, количество удовлетворенных жалоб к поданным остается достаточно низким и колеблется от года к году в районе 4,2% (табл. 1)[1].

Год	**Общее число поданных жалоб**	**Количество удовлетворенных**	**Процентное соотношение**
2018	121881	5416	4,44
2019	120102	5301	4,41
2020	107473	4468	4,16
2021	113732	4533	3,99
2022	111586	4242	3,80
2023	103050	4588	4,45
первое полугодие 2024	52844	2207	4,18

Таблица 1. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2018 г. по первое полугодие 2024 г. о количестве рассмотренных судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ

При этом необходимо учитывать, что право стороны защиты на подачу жалоб в соответствии со ст. 124 и 125 УПК РФ не может являться мерой, уравнивающей стороны защиты и обвинения в представлении доказательств, совершенно правильно отметили Т.Г. Бородинова и И.Ф. Демидов, что «если реализация права одного субъекта правоотношения может иметь место лишь по усмотрению другого, то это уже не право, а прошение. Будучи зависимым в своей деятельности по доказыванию на предварительном расследовании, адвокат не может в полной мере реализовать свою задачу по осуществлению

[1] См.: Статистика Судебного департамента РФ. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773 (дата обращения: 12.12.2024).

защиты, и тем самым не является равноправной стороной уголовного процесса»[1].

Вместе с тем Н.С. Манова и А.Ю. Чурикова полагают, что, «если предоставить защите широкие полномочия по собиранию доказательств, это может привести к нивелированию действия принципа презумпции невиновности. У органов расследования будет возможность частично перекладывать на защиту обязанность по доказыванию, предлагая адвокату представлять доказательства невиновности обвиняемого»[2]. На наш взгляд, такое развитие событий теоретически возможно, однако маловероятно, поскольку в УПК РФ предусмотрена обязанность следователя собирать все доказательства, относящиеся к делу, как обвинительные, так и оправдательные. Адвокат же, собирая доказательства, реализует свои права, предусмотренные ч. 3 ст. 86 УПК РФ, и они не пересекается с обязанностями иных субъектов доказывания.

Возможность участия защитника в формировании доказательств является важным элементом принципа состязательности и равноправия сторон. Однако «говорить о каком-либо равноправии сторон не представляется возможным в силу юридической ущербности части 3 ст. 86 УПК РФ, поскольку в ней не предусмотрен четкий и, самое главное, обязательный механизм приобщения собранных защитником сведений к материалам уголовного дела в качестве доказательства»[3].

В связи с описываемой ситуацией в научном сообществе не раз высказывались предложения о совершенствовании всего порядка участия защитника в формировании доказательств, в частности, М.А. Фомин предложил изменить ст. 74 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

---

[1] Бородинова Т.Г., Демидов И.Ф. Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 38.

[2] Манова Н.С., Чурикова А.Ю. Как сделать адвокатское расследование эффективным средством доказывания // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 66.

[3] См.: Ремизова М.С Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 291-300.

«Все предусмотренные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ доказательства, собранные адвокатом, рассматриваются в качестве доказательств по уголовному делу наравне с теми доказательствами, которые собраны органом уголовного преследования»[1].

Полностью поддерживаем подобные предложения, поскольку они отражают идею реализации равноправия сторон уголовного процесса. Однако, на наш взгляд, простым изменением ч. 3 ст. 86 УПК РФ не получится оказать существенного влияния на сложившееся положение вещей. В указанную статью требуется внести еще и правоприменительный компонент, который бы «четко регламентировал процессуальные права и обязанности участников уголовного судопроизводства и не допускал возможности произвольного толкования правовых норм»[1].

Процессуальный порядок приобщения сведений, собранных защитником в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 86 УПК РФ, должен быть аналогичным, например, порядку приобщения материалов, предоставленных органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. В этой связи необходимо законодательно закрепить обязанность органов предварительного расследования выносить постановление о приобщении к уголовному делу в качестве доказательств собранных защитником предметов и документов при наличии заявленного им соответствующего ходатайства. В таком же порядке должно проводиться и следственное действие, о котором ходатайствует защитник.

Следует вспомнить, что в ст. 131 УПК РСФСР 1960 г. была закреплена схожая норма: «Следователь не вправе отказать подозреваемому, обвиняемому и его защитнику, а также потерпевшему и его представителю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям в допросе свидетелей, производстве экспертизы и других следственных

[1] Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М.: Юрлитинформ, 2004. С. 53.

действий по собиранию доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела. Имеющими для дела значение являются обстоятельства, указанные в статьях 20, 21 и 68 настоящего Кодекса, а равно все другие обстоятельства, выяснение которых может иметь значение для правильного расследования дел»[2]. И хотя в законе говорилось об обстоятельствах, имеющих значение для дела, определение данного факта не ставилось в зависимость от лица, в производстве которого оно находилось. Перечень обстоятельств, имеющих значение для правильного расследования дел, был четко регламентирован на законодательном уровне.

Об обязанности следователя удовлетворить ходатайство защитника и обвиняемого говорилось в ст. 204 УПК РСФСР: «В случае заявления ходатайства о выяснении обстоятельств, имеющих значение для дела, следователь обязан дополнить предварительное следствие»[3], а также в ст. 223 УПК РСФСР: «Ходатайства о вызове дополнительных свидетелей и истребовании других доказательств подлежат удовлетворению во всех случаях»[4].

Следует отметить, что концептуально и по ныне действующему уголовно-процессуальному закону должен быть невозможен отказ в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении собранных им материалов. Ведь целью формирования доказательств по уголовному делу является вынесение законного, обоснованного и мотивированного приговора, и именно на суд законом возлагается обязанность на основе внутреннего убеждения оценить все собранные по делу доказательства, независимо от того, кем они собраны: защитой или обвинением.

---

[1] См.: Ремизова М.С. Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 291-300.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[3] Там же.

[4] Там же.

Что же касается «производства следственных действий на основании ходатайства стороны защиты, то отказ следователя в его удовлетворении должен быть обоснованным и мотивированным. При таком подходе реализация принципа состязательности сторон станет реально возможной не только в судебных стадиях производства по уголовному делу. Более того, предварительное расследование будет избавлено от имеющего место в настоящее время обвинительного уклона»[1].

Очевидно, что неравенство сторон защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве связано с тем, что они решают разные задачи и, соответственно, наделены разными правами и несут разную ответственность. Однако в сфере доказывания такое неравенство не является объективно обоснованным и прямо препятствует выполнению стороной защиты своих процессуальных обязанностей, что не соответствует назначению уголовного судопроизводства и Конституции РФ. Убеждены, что при собирании доказательств необходимо обеспечить равными правами стороны обвинения и защиты в пределах своих полномочий на всех стадиях уголовного процесса, включая стадию возбуждения уголовного дела. В данном случае не речь не идет о буквальном равенстве (так как защитник, например, не уполномочен проводить следственные действия), а лишь об уравнивании возможностей защитника со стороной обвинения в формирования тех доказательств, получение которых предусмотрено его функцией.

Таким образом, для полноценной реализации на практике равноправия сторон в уголовном судопроизводстве представляется необходимым привести УПК РФ в соответствие со ст. 123 Конституции РФ и внести в него следующие изменения:

Название ст. 15 УПК РФ и ее часть первую изложить в следующей редакции:

---

[1] Ремизова М.С. Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 291-300.

«*Статья 15. Состязательность и равноправие сторон*

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон.

Участникам уголовного судопроизводства, выступающим на стороне обвинения и защиты, предоставляются равные права и возможности для отстаивания своих интересов на всех этапах производства по уголовному делу, в том числе при собирании доказательств».

Изложить ч. 2 ст. 119 УПК РФ в следующей редакции:

«*2. Ходатайство заявляется дознавателю, следователю либо в суд, которые не вправе отказать в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, собранных защитником в соответствии с требованиями части 3 статьи 86 настоящего Кодекса, после их проверки по критериям относимости, допустимости и достоверности, установленным статей 87 настоящего Кодекса*».

Дополнить ст. 122 УПК РФ абзацем вторым следующего содержания:

«Ходатайство защитника о допросе свидетелей или приобщении к материалам уголовного дела собранных им в порядке части 3 статьи 86 настоящего Кодекса доказательств подлежит обязательному удовлетворению».

В пользу обоснованности наших выводов и предложений свидетельствует и то, что в ходе участия защитника в процессе формирования доказательств презюмируется его добропорядочность. В соответствии с принципом состязательности и равноправия сторон защитник исполняет функцию, равнозначную обвинению, в связи с чем должен обладать необходимыми и достаточными для этого правами, закрепленными в УПК РФ и федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Следовательно, права защиты и обвинения при формировании доказательств должны быть равнозначными. Собранные защитником доказательства должны считаться допустимыми, если иное не установлено вступившим в законную силу

судебным решением, и подлежать оценке судом наравне с остальными доказательствами по уголовному делу на основе внутреннего убеждения. Злоупотребление защитником правом на собирание доказательств возможно с такой же вероятностью, как и злоупотребление правом на их НЕ собирание и НЕ приобщение к материалам уголовного дела дознавателем, следователем прокурором и судом.

Сделанные в настоящем параграфе вводы также подтверждаются всей логикой развития отечественного уголовного процесса и проведенным анализом норм УУС 1864 г., УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г., Концепции Судебной реформы 1991 г. и УПК РФ 2001 г. в результате которого была составлена карта эволюции состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве (приложение 3).

3.2. Проблемы формирования допустимых доказательств защитником в состязательном процессе

В современном уголовном процессе «одним из проявлений принципа состязательности и равноправия сторон является предоставление адвокату-защитнику права на самостоятельное формирование доказательств. Однако на практике предусмотренный действующим УПК РФ порядок и форма данной деятельности вызывают множество вопросов и затруднений в связи с отсутствием должной законодательной регламентации.

Адвокат «является одним из профессиональных участников уголовного процесса, и в связи с этим обладает правом самостоятельного участия в формировании доказательств, их собирании и представлении, и очевидно, что это право является выражением конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Впервые право на предоставление доказательств адвокат-защитник получил с принятием УУС 1864 г. (ст. 630). Впоследствии указанное право

было утрачено и вернулось только в УПК РСФСР 1960 года[1]. В дальнейшем оно нашло отражение в ст. 6 Закона от 30 ноября 1979 г. «Об адвокатуре СССР»[2] и эволюционировало в ст. 15 Закона от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР»[3].

С принятием УПК РФ 2001 года права защитника были существенно расширены. Если по правилам ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 года защитник мог представлять суду только те доказательства, которые им были получены от своего подзащитного, то в ныне действующем УПК РФ защитник наделен правом самостоятельно принимать участие в формировании доказательств в ходе осуществления им своих профессиональных обязанностей по уголовному делу»[4].

По мнению В.А. Лазаревой, «процедура собирания представляемых стороной защиты доказательств отличается от их собирания органами расследования лишь свободной, не связанной процессуальными предписаниями формой. Отвергать значение доказательств защиты, значит признавать неравенство обвинительных и оправдательных доказательств, отдавать заведомое предпочтение тем из них, которые получены в урегулированной законом процедуре, т. е. доказательствам обвинения»[5].

С.А. Шейфер утверждал, что защитник «не вправе наряду со следователем вести равнозначную доказательственную деятельность и формировать доказательственную базу по своему усмотрению. Такая деятельность представляла бы собой «параллельное расследование» (частные

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[2] См.: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «Об адвокатуре в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49, ст. 846.

[3] См.: Закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 4, ст. 1596.

[4] См.: Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

[5] Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Юрайт, Высшее образование, 2010. С. 212.

расследовательские действия»), идея которого обоснованно отвергнута отечественной процессуальной наукой»[1].

Сомневалась в допустимости собираемых защитником в уголовном процессе доказательств и П.А. Лупинская. По ее мнению, «документы, предметы, сведения, полученные в результате опроса защитником лиц, не отвечают такому обязательному свойству доказательства как допустимость, так как они не получены и не закреплены в процессуальном порядке и в процессуальной форме. Поэтому все сведения, собранные защитником, могут стать доказательствами после того, как они будут представлены лицам, ведущим судопроизводство, признаны ими имеющими значение по делу и приобретут необходимую процессуальную форму, а именно: лицо, опрошенное защитником, должно быть допрошено по правилам допроса свидетеля, потерпевшего, документы, предметы приобщены к делу соответствующим постановлением (определением)»[2].

В силу правил п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ в совокупности с требованиями ч. 3 ст. 86 УПК РФ, с момента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе собирать доказательства путем:

– получения предметов, документов, иных сведений;

– опроса лиц с их согласия;

– истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций и объединений.

По мнению П.А. Лупинской, «первым (основным) способом формирования защитником доказательств, закрепленным в УПК РФ, является получение документов, предметов и иных сведений, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по делу»[3].

---

[1] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 152.

[2] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. С. 223.

[3] Там же. С. 223.

Следует отметить, что аналогичный порядок предусмотрен и Законом об адвокатуре. Вместе с тем в обоих нормативно-правовых актах отсутствует регламентация правил и процедур придания соответствующей процессуальной формы документам, сформированным адвокатом. Поэтому «полученный адвокатом предмет или документ должен быть представлен следователю, и только он в установленном законом порядке может признать (или не признать) его вещественным доказательством или «иным документом» и приобщить к делу»[1].

Здесь, на наш взгляд, кроется одна из проблем, препятствующих участию защитника в доказательственной деятельности, поскольку полученные им материалы всегда могут быть поставлены под сомнение с точки зрения их процессуальной допустимости. А.С. Яновский верно замечает, что «закон содержит лишь разрозненные нормы, вольное толкование которых приводит к существенным разногласиям среди правоприменителей и отсутствию единообразной практики признания иных документов допустимыми доказательствами по делу. Так, к примеру, часть 3 ст. 86 УПК РФ указывает на то, что защитник имеет право осуществлять сбор доказательств путем получения документов, предметов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также истребования характеристик, справок и других документов. Однако данная норма не находит своего продолжения в иных статьях Кодекса»[2]. Следовательно, легализация порядка их получения в нормах закона является принципиально важной.

Вторым способом формирования доказательств защитником, является опрос лиц с их согласия, однако порядок его проведения ничем не регламентируется, что вызывает в условиях современных российских правоприменительных реалий большое количество вопросов.

---

[1] Гармаев Ю.П. Пределы прав и полномочий адвоката: метод. пособие. Иркутск: Изд-во ИПКПР ГП РФ, 2003. С. 65.

[2] Яновский А.С. Допустимые способы получения иных документов в качестве доказательств по уголовным делам // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3. С. 50.

В федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлен круг лиц, которых адвокат может опрашивать. Так, адвокат вправе опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому он оказывает юридическую помощь. Здесь также видно очередное «проявление неравноправия сторон в уголовном процессе, поскольку сторона обвинения – орган предварительного расследования –имеет право на допрос лиц без их согласия, причем с предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний»[1]. Очевидно, что опрос, проводимый защитником, имеет не меньшую значимость для дела, чем допрос, проводимый следователем (дознавателем). В связи с этим В.С. Попов считает, что «опрос лиц с их согласия – это способ получения информации, необходимой для осуществления защиты интересов подозреваемого, обвиняемого защитником»[1].

Поскольку в УПК РФ отсутствует перечень лиц, подлежащих опросу защитником, можно предположить, что адвокат в ходе оказания квалифицированной юридической помощи по уголовному делу вправе опросить любое лицо, но при одновременном наличии двух условий:

1) имеются достаточные основания полагать, что данное лицо может обладать информацией, которая относится к уголовному делу;

2) это лицо согласно дать показания адвокату.

При этом «нельзя забывать о том, что не каждое лицо, предположительно владеющее информацией, относящейся к делу, по которому защитник оказывает юридическую помощь, будет согласно на общение с адвокатом-защитником подозреваемого (обвиняемого). Из этого следует, что защитник на законодательном уровне фактически лишен

[1] См.: Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

возможности в рамках осуществления своих профессиональных обязанностей опрашивать лиц, предположительно владеющих информацией по уголовному делу, если эти лица отказываются сообщать ему сведения. Следует отметить, что указанная норма закреплена не в УПК РФ, а в основном законе адвокатов – федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Действующий УПК РФ также не содержит процессуальной формы фиксации проведенного защитником опроса и последующего представления его результатов дознавателю, следователю, прокурору или суду. Поэтому практикующие адвокаты по-разному называют составляемые ими документы: «протокол опроса», «объяснение», «показания свидетеля», «опрос свидетеля» и проч.»[2]. Например, И.Н. Чеботарева отмечает, что «составляемый в результате опроса документ должен содержать необходимые данные об опрашиваемом лице (фамилию, имя, отчество, возраст, место жительства, ссылку на документ, удостоверяющий личность), а также об адвокате, который производит опрос»[3].

И.В. Каблуковым был разработан алгоритм нормативного закрепления порядка собирания адвокатом-защитником доказательственной информации и приобщения ее к материалам дела, «обеспечивающий достаточность доказательств, который предусматривает: а) законодательное закрепление порядка сбора доказательственной информации адвокатом, включая перечень конкретных процессуальных действий и формы фиксации их результатов; б) закрепление в законе обязанности следователя проводить обязательную проверку и оценку собранной адвокатом доказательственной информации (для формирования доказательств на ее основе); в) включение в обязанности

---

[1] Попов В.С. Участие адвоката-защитника в процессе доказывания и в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 12.

[2] См.: Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

[3] Чеботарева И.Н. Адвокат в уголовном судопроизводстве России. Курск: Изд-во Курск. гос. тех. ун-та, 2009. С. 150.

суда оказания содействия представителям стороны защиты по обеспечению явки в суд лиц, располагающих информацией, обеспечивающей достаточность совокупности доказательств, в том числе с применением мер принуждения»[1]. Поддерживаем предложенную идею, поскольку без законодательного закрепления такого порядка невозможна, в том числе, и реализация принципа состязательности и равноправия сторон при формировании допустимых доказательств в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, регламентация в законе «соответствующей формы документа, составляемого адвокатом, способствовала бы совершенствованию деятельности стороны защиты и обеспечению принципа равноправия сторон в уголовном процессе, особенно на досудебных стадиях производства по уголовному делу. На наш взгляд, протокол опроса, составляемый защитником, по форме должен быть идентичен протоколу допроса, осуществляемого органами предварительного расследования в соответствии со ст. 174 УПК РФ, поскольку эти действия имеют одинаковое назначение.

Так как предполагается, что сформированные защитником сведения в последующем станут доказательствами по уголовному делу, а опрошенные им лица будут допрошены в качестве свидетелей, защитнику необходимо разъяснить им правовые последствия об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний по соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ.

Представляется, что внесение соответствующих изменений в действующее законодательство позволит защитнику получить такой объем необходимых прав, который обеспечит возможность эффективного осуществления возложенной на него процессуальной функции и реализации стоящих перед стороной защиты профессиональных задач, поскольку препятствование осуществлению прав защитника в ходе исполнения им обязанностей по оказанию квалифицированной юридической помощи,

[1] Каблуков И.В. Актуальные вопросы обеспечения достаточности доказательств и иных данных в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2023. С. 16.

несомненно, ведет к нарушению основополагающего конституционного права подозреваемого (обвиняемого) на защиту, а также принципа состязательности и равноправия сторон. Однако остаются сомнения в том, насколько возможен идеальный состязательный процесс в современных реалиях, когда обвинение лежит на государстве и прокурор именуется – государственный обвинитель, а защита возложена на адвокатуру, которая не входит в систему органов государственной власти.

Следовательно, «для практической реализации процессуального права защитника на собирание доказательств и полноценного выполнения возложенной на него функции следует изменить ч. 3 ст. 86 УПК РФ и дополнить ее частями 3^1 и 3^2 следующего содержания:

«*3. Защитник вправе собирать доказательства путем:*

1) получения предметов, документов и иных сведений;

2) опроса с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому он оказывает юридическую помощь, с разъяснением правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (статья 307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (статья 308 УК РФ);

3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять безвозмездно запрашиваемые документы или их копии не позднее пяти дней со дня получения соответствующего адвокатского запроса».

«3^1. Собранные защитником сведения являются доказательствами по уголовному делу и приобщаются к его материалам на основании заявленного ходатайства, которое рассматривается в сроки, установленные статьей 121 настоящего Кодекса.

3^2. Сведения о лицах, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому защитник оказывает юридическую помощь, передаются органам предварительного расследования и суду путем

заявления ходатайства об их допросе, которое рассматривается в порядке статей 120-122 настоящего Кодекса и подлежит обязательному удовлетворению»[1].

Третьим способом формирования защитником доказательств является истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Он также предполагает, что собранный материал будет признан допустимым доказательством только в том случае, если он будет принят и приобщен к уголовному делу дознавателем, следователем или судом, то есть в случае удовлетворения соответствующего ходатайства. Этот вариант на практике вызывает особые затруднения и является наиболее проблемным.

Право защитника на истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций регулируется положениями ст. 53 и 86 УПК РФ и ст. 6 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако не всегда федеральные законы, принятые ранее Закона об адвокатуре, содержат нормы, обязывающие предоставлять адвокатам-защитникам запрашиваемые ими сведения. Этим пользуются сотрудники различных ведомств, в том числе государственных органов и органов местного самоуправления, отказывая адвокатам в предоставлении запрашиваемой ими информации.

Так, в соответствии с п. 5 ст. 7 федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» «сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, являются общедоступными, если иное не установлено законом»[2]. В п. 1 ст. 63 указанного закона имеется

---

[1] См.: Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

[2] См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (с изм. и доп. от 27 февраля 2025 г., № 10-ФЗ) «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4344; 2025. № 9, ст. 839.

перечень субъектов, которым в соответствии с законами Российской Федерации, «сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, предоставляются Росреестром бесплатно. Адвокатов в этом перечне нет»[1].

При этом необходимо отметить, что адвокаты в своей деятельности руководствуются федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента РФ и Правительства РФ, международными договорами РФ, инструкциями и методическими рекомендациями Министерства юстиции РФ и других органов власти и управления, а также федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Адвокат, «выступая в качестве представителя или защитника, вправе представлять интересы своего доверителя во всех государственных и общественных организациях, а также различных правоохранительных органах. При этом он вправе запрашивать и собирать иным способом справки, характеристики и иные документы и сведения, необходимые для оказания юридической помощи (п. 3 ст. 6 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Перечень сведений, собираемых адвокатом, законодательно не ограничен.

Проведенный нами анализ правоприменительной практики, а также опыт работы в адвокатуре позволяют констатировать, что органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и организации, которые обязаны предоставлять запрашиваемую защитником информацию, зачастую препятствуют осуществлению им профессиональных обязанностей, отказывая в предоставлении запрашиваемых сведений, ссылаясь, в том числе, на пресловутый

[1] См.: Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

федеральный закон «О персональных данных»[1]. «В то же время при оказании квалифицированной юридической помощи защитникам достаточно часто приходится запрашивать разного рода документы для их использования, в том числе, в качестве доказательств»[2].

А.С. Яновский отмечает о «необходимости внедрения в действующее законодательство правового механизма, направленного на реальное наделение адвокатов правами по собиранию значимых для дела сведений. Допустив возможность обращения адвоката в суд с соответствующим ходатайством о разрешении истребования тех либо иных данных, законодатель существенным образом изменит баланс сил в уголовном процессе, сделав его более прозрачным и действительно состязательным. Данные изменения, по его мнению, будут способствовать назначению уголовного процесса, поскольку не только позволят получать доказательства защиты и тем самым снизят число незаконно-привлекаемых к уголовной ответственности лиц, но и позволят своевременно устанавливать сведения об имуществе, полученном незаконным путем, что обеспечит действенное восстановление нарушенных прав потерпевших»[3].

Еще одним дискриминирующим фактором является то, что органам предварительного расследования запрашиваемая ими информация предоставляется бесплатно, безвозмездно. Им достаточно представления письменного запроса, в то время как адвокату-защитнику за получение ответа на адвокатский запрос приходится оплачивать соответствующие сборы и пошлины.

---

[1] См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г., № 233-ФЗ) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451; 2024. № 33 (ч. I), ст. 4929.

[2] См.: Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

[3] Яновский А.С. Иллюзия прав или на пути к состязательному процессу // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспектив: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского государственного университета (27 марта 2020 г.) / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2020. С. 433.

По нашему мнению, в целях практической реализации принципа состязательности и равноправия сторон на все органы и организации, независимо от форм собственности, которым адвокат-защитник адресует свой запрос, должна быть возложена обязанность бесплатно предоставлять необходимые документы либо надлежащим образом заверенные их копии.

Следующей сложностью для практикующих адвокатов являются сроки предоставления запрашиваемой ими информации. По правилам ч. 2 ст. 6[1] федерального закона об адвокатуре «органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос, должны дать на него ответ в письменной форме в тридцатидневный срок со дня его получения. В случаях, требующих дополнительного времени на сбор и предоставление запрашиваемых сведений, указанный срок может быть продлен, но не более чем на тридцать дней, при этом адвокату, направившему адвокатский запрос, направляется уведомление о продлении срока рассмотрения адвокатского запроса»[1].

Указанная проблема представляется нам весьма существенной, так как срок в тридцать дней применительно к уголовному процессу является чрезмерно длительным. Для сравнения, он равен всему сроку дознания или половине срока предварительного следствия. В такой обстановке защитник просто не в состоянии решать срочные вопросы, возникающие в процессе оказания юридической помощи, связанные, например, с наложением ареста или запрета на имущество в качестве обеспечительных мер.

В то же время стороне обвинения – органам предварительного следствия и дознания – запрашиваемая информация предоставляется незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок[2].

---

[1] См.: Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

[2] См.: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (с изм. и доп. от 14 октября 2024 г., № 348-ФЗ) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 15; 2024. № 43, ст. 6303.

К тому же их запросы обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами. Например, согласно ч. 2 ст. 6 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», статистическая и иная информация, документы (в том числе электронные документы, подписанные электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации), справки и другие материалы или их копии, необходимые при осуществлении возложенных на органы прокуратуры функций, представляются по требованию прокурора безвозмездно в течение пяти рабочих дней с момента поступления требования прокурора руководителю или иному уполномоченному представителю органа (организации), а в ходе проведения проверок исполнения законов – в течение двух рабочих дней с момента предъявления требования прокурора[1]. При таком неравенстве возможностей по доступу к информации говорить о состязательности не приходится.

На основании изложенного в целях практической реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве считаем необходимым приравнивание статуса адвокатского запроса к запросам органов, осуществляющих уголовное преследование, для чего следует закрепить в УПК РФ реальное право адвоката-защитника на получение запрашиваемой им информации безвозмездно и в установленные разумные сроки (пять рабочих дней).

Подводя итог, полагаем, что собранные защитником сведения должны иметь статус полноценного и допустимого доказательства. Установление презумпции равнозначной силы доказательств, собранных обеими сторонами, необходимо в целях уравнивания баланса сил в уголовном процессе, который в настоящее время явно смещен в сторону обвинения.

---

[1] См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. и доп. от 30 сентября 2024 г., № 334-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2024. № 41, ст. 6059.

Придание сформированным защитником сведениям статуса полноценного допустимого доказательства поможет сделать уголовное судопроизводство реально состязательным, справедливым, снизить количество ошибок, допускаемых органами предварительного расследования, и повысить доверие общества к судебной системе, а также будет способствовать практической реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

В данном исследовании не идет речь о предоставлении защитникам возможности проводить неотложные мероприятия в виде осмотра места происшествия, производства обыска и пр. Отстаивается необходимость придания сведениям, собранным защитником, статуса полноценного допустимого доказательства, равнозначного доказательствам, собранным следствием. В состязательном процессе стороны должны находиться в равных условиях с предоставлением равных возможностей, и чем больше источников информации будет в уголовном деле, тем выше вероятность вынесения судом объективного и справедливого процессуального решения.

Для суда не должен иметь значение источник происхождения доказательств. Дифференцированный подход к доказательствам, в зависимости от источника их происхождения, нарушает принцип равноправия сторон. Защитник, как и следователь, действует в рамках закона, и его задача – установить фактические обстоятельства по делу, выполняя при этом функции защиты, и, представляя интересы своего доверителя, в рамках оказания квалифицированной юридической помощи.

Отказ в признании доказательств, собранных защитником, допустимыми, обесценивает роль стороны защиты и существенно ограничивает возможности по отстаиванию прав обвиняемого. Процессуальное равенство требует, чтобы все представленные материалы оценивались судом на основе их относимости, допустимости и достоверности, независимо от того, кто их предоставил. В противном случае состязательность процесса и равноправие сторон превращается

в формальность, так как исключение доказательств, представленных защитой, по формальным основаниям подрывает доверие к правосудию и может привести к ошибочным судебным решениям.

Сторонники отказа в предоставлении защитникам более широких полномочий в формировании доказательств зачастую обосновывают свою позицию возможным злоупотреблением защитником своими правами в ходе собирания доказательств. Однако злоупотребление не исключается, и очень часто встречается у органов предварительного расследования, которых не пугают законные санкции за такого рода действия. За фальсификацию доказательств защитник несет такую же ответственность, как лица, производящие дознание, следователи и прокуроры (ст. 303 УК РФ).

Таким образом, можно сделать ряд выводов относительно современного состояния правового регулирования процесса формирования допустимых доказательств защитником, а также сформулировать предложения по улучшению сложившейся ситуации:

1. Закон лишь декларативно провозглашает право защитника собирать доказательства с момента его допуска к участию в уголовном деле. Но для того чтобы сведения, собранные защитником, могли бесспорно приобрести статус допустимых доказательств, необходим правовой механизм, исключающий препятствия для приобщения их к уголовному делу. В частности, соответствующее ходатайство адвоката о приобщении доказательств или о производстве следственного действия должно быть защищено от саботажа или неудовлетворения должностными лицами, в производстве которых находится уголовное дело. Приобщение документов и предметов, собранных адвокатом, не должно зависеть от усмотрения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Придание сформированным защитником сведениям статуса полноценного допустимого доказательства поможет сделать уголовное судопроизводство реально состязательным, справедливым, снизить количество ошибок, допускаемых органами предварительного

расследования, и повысить доверие общества к судебной системе, а также будет способствовать практической реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Отказ в признании доказательств, собранных защитником, допустимыми, обесценивает роль стороны защиты и существенно ограничивает возможности по отстаиванию прав обвиняемого. Процессуальное равенство требует, чтобы все материалы дела оценивались судом на основе их относимости, допустимости и достоверности, независимо от того, кто их предоставил. В противном случае состязательность процесса и равноправие сторон превращается в формальность, так как исключение доказательств, представленных защитой, по формальным основаниям подрывает доверие к правосудию и может привести к ошибочным судебным решениям.

2. Уголовно-процессуальном кодексе РФ и Законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» отсутствуют нормы, регулирующие процессуальный порядок формирования (собирания, фиксации, оформления) полученных защитником доказательств в виде предметов, документов и иных сведений. Данные нормативно-правовые акты не устанавливают, в какой форме защитник закрепляет и фиксирует результаты опроса лиц для целей доказывания. Законодательное закрепление регламентации соответствующего порядка, по нашему мнению, является обязательным и будет способствовать совершенствованию деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве в рамках реализации принципа состязательности и равноправия сторон.

Для устранения названных законодательных пробелов в ходе нашего исследования был «разработан регламент порядка получения, собирания и закрепления защитником доказательств при осуществлении им своих профессиональных обязанностей по уголовному делу (приложение 4), форма протокола получения защитником предметов, документов и иных сведений (приложение 5) и форма процессуального документа – протокола опроса

лица с его согласия, проведенного защитником, позволяющие четко на законодательном уровне сформулировать правила формирования (получения, собирания и закрепления) адвокатом доказательств по уголовному делу»[1] (приложение 6).

3. В целях устранения неравенства сторон защиты и обвинения на стадии предварительного расследования представляется необходимым:

– дополнить п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ и изложить его в следующей редакции:

«*5) протоколы следственных и судебных действий, а также протоколы, составленные защитником: протокол получения предметов защитником и протокол опроса лица с его согласия, проведенного защитником*»;

– изменить ч. 3 ст. 86 УПК РФ, а также дополнить данную статью частями 3^1 и 3^2, изложив в следующей редакции:

«*3. Защитник вправе собирать доказательства путем:*

1) получения предметов, документов и иных сведений;

2) опроса с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь с разъяснением правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (статья 307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (статья 308 УК РФ);

3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять безвозмездно запрашиваемые документы или их копии не позднее пяти дней со дня получения соответствующего адвокатского запроса.

---

[1] Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

3[1]. Собранные защитником сведения являются доказательствами по уголовному делу и приобщаются к его материалам на основании заявленного ходатайства, которое рассматривается в сроки, установленные статьей 121 настоящего Кодекса.

3[2]. Сведения о лицах, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому защитник оказывает юридическую помощь, передаются органам предварительного расследования и суду путем заявления ходатайства об их допросе, которое рассматривается в порядке статей 120-122 настоящего Кодекса и подлежит обязательному удовлетворению»;

– дополнить УПК РФ статьями 166[1] и 166[2] следующего содержания:

«Статья 166[1]. Протокол получения защитником предметов, документов и (или) иных сведений

1. Протокол получения защитником предметов, документов и (или) иных сведений составляется в ходе указанного действия или непосредственно после его окончания.

2. В протоколе указываются:

1) место и время составления протокола;

2) сведения об адвокатском образовании или защитнике, производящем получение предметов и (или) документов, включая номер в реестре адвокатов, номер и дата выдачи удостоверения адвокатов;

3) сведения о разъяснении лицу положений статьи 51 Конституции РФ и статьи 6 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»;

4) фамилия, имя и отчество;

5) дата и место рождения;

6) гражданство;

7) место работы или учебы, род занятий или должность;

8) место жительства;

9) контактные данные;

10) данные паспорта или иного документа, удостоверяющего личность лица, добровольно выдающего предметы, документы и (или) иные сведения;

11) иные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

3. Протокол получения защитником предметов, документов и (или) иных сведений может быть составлен от руки или изготовлен с помощью технических средств, при его составлении могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи передаются защитником на основании ходатайства лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и хранятся при уголовном деле. О приобщении протокола получения защитником предметов, документов и (или) иных сведений к материалам уголовного дела следователь (дознаватель) выносит постановление.

4. До начала получения предметов, документов и (или) иных сведений защитник разъясняет лицу право на их добровольную выдачу. Принудительное получение (изъятие) предметов, документов и (или) иных сведений запрещается.

5. Протокол получения предметов, документов и (или) иных сведений предъявляется для ознакомления лицу, который выдает предметы и (или) документы и ему разъясняется право делать подлежащие внесению в протокол замечания, дополнения и уточнения. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этого лица.

6. Протокол получения предметов, документов и (или) иных сведений подписывается защитником и лицом, который выдает предметы и (или) документы».

«Статья 166[2]. Протокол опроса лица с его согласия, проведенного защитником

1. Опрос лица с его согласия проводится защитником по правилам статьи 190 настоящего Кодекса с особенностями, установленными

настоящей статьей. Результаты и ход опроса отражаются в протоколе, где указываются:

1) место и время составления протокола;

2) сведения об адвокатском образовании или защитнике, производящем опрос, включая номер в реестре адвокатов, номер и дата выдачи удостоверения адвоката;

3) сведения о разъяснении опрашиваемому лицу положений статьи 51 Конституции РФ и статьи 6 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по статье 307 УК РФ и отказ от дачи показаний по статье 308 УК РФ в случае его последующего допроса в качестве свидетеля;

4) фамилия, имя и отчество;

5) дата и место рождения;

6) гражданство;

7) место работы или учебы, род занятий или должность;

8) место жительства;

9) контактные данные;

10) данные паспорта или иного документа, удостоверяющего личность опрашиваемого;

11) иные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

2. Протокол опроса может быть составлен от руки или изготовлен с помощью технических средств. При проведении опроса могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи передаются защитником на основании ходатайства лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и хранятся при уголовном деле. О приобщении протокола опроса к материалам уголовного дела следователь (дознаватель) выносит постановление.

3. Протокол опроса предъявляется для ознакомления опрашиваемому лицу, которому разъясняется право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этого лица.

4. Протокол опроса подписывается защитником и опрашиваемым лицом».

4. Действующим УПК РФ не установлен круг лиц, которых защитник может опрашивать. Однако в ходе оказания квалифицированной юридической помощи по уголовному делу адвокат вправе опросить любое лицо, но при одновременном наличии двух условий:

1) *имеются достаточные основания полагать, что данное лицо может обладать информацией, которая относится к уголовному делу, по которому защитник оказывает квалифицированную юридическую помощь подозреваемому (обвиняемому);*

2) это лицо согласно давать показания адвокату.

Данное обстоятельство послужило основанием для изложенного выше предложения о внесения изменений в ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Помимо этого считаем необходимым:

– ч. 1 ст. 53 УПК РФ дополнить пунктом 12 следующего содержания:

«*12) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому защитник оказывает юридическую помощь с разъяснением правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по статье 307 УК РФ и отказ от дачи показаний по статье 308 УК РФ в случае их последующего допроса в качестве свидетелей»;*

– п. 2 ч. 3 ст. 6 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«*2) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает*

юридическую помощь с разъяснением правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по статье 307 УК РФ и отказ от дачи показаний по статье 308 УК РФ в случае их последующего допроса в качестве свидетелей».

5. В целях своевременного получения запрашиваемой адвокатом-защитником информации необходимо сократить сроки ее предоставления. В связи с этим, помимо сформулированных предложений по изменению п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, считаем необходимым внесение изменения в ч. 2 ст. 6^1 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», изложив ее в следующей редакции:

«*2. Учреждения, предприятия, организации, должностные лица и граждане, которым направлен адвокатский запрос, обязаны предоставить на него ответ безвозмездно в письменной форме с приложением запрашиваемых документов или их заверенных копий в пятидневный срок со дня его получения»*.

В некоторых предложенных нами проектах правовых норм, связанных с деятельностью адвоката-защитника, присутствует положение о разъяснении лицу правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ и отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ. В силу особенностей полномочий защитника данное разъяснение не является официальным и не влечет никаких правовых последствий. Его следует рассматривать как правовое информирование, поскольку предполагается, что собранные защитником сведения в последующем станут доказательствами по уголовному делу, а опрошенное им лицо в обязательном порядке будет допрошено в качестве свидетеля, который уже несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний по соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ.

Представляется, что внесение разработанных нами изменений и дополнений в законодательство позволит открыть возможности для

практической реализации прав защитника на формирование доказательств, которые в настоящее время закреплены в ст. 86 УПК РФ, однако на практике могут применяться весьма условно, поскольку сейчас отсутствуют правовые гарантии их реализации[1].

3.3. Порядок заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми и рассмотрения их судом

Ранее уже затрагивалась проблема использования доказательств, полученных с нарушением закона при осуществлении правосудия, которое в силу требований ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ч. 3 ст. 75 УПК РФ не допускается. Однако на практике данная проблема имеет еще и такой аспект, как порядок заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми и рассмотрение их судом[2]. Как полагают Н.М. Перетятько и А.Е. Федюнин, институт ходатайств имеет существенную «значимость для уголовного судопроизводства». По их мнению, «посредством данного института обеспечивается более полное, объективное и всестороннее исследование доказательств, собранных по уголовному делу»[3].

Остается также открытым вопрос о том, на какой стадии (этапе) судебного разбирательства лучше заявлять ходатайство о признании доказательств недопустимыми. На практике, как правило, инициатива исходит от одной из сторон: защиты или обвинения, чаще – от стороны защиты. На наш взгляд, данный вопрос логично рассматривать в зависимости от роли и функции каждой из сторон в состязательном уголовном процессе.

---

[1] См.: Ремизова М.С. К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6. С. 202-211.

[2] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

[3] См.: Перетятько Н.М., Федюнин А.Е. Вопросы совершенствования правовой регламентации института ходатайств в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 2. С. 338-347.

В рамках настоящего исследования было проведено неформальное интервьюирование адвокатов, состоящих в реестре адвокатов Кабардино-Балкарской Республики. Несмотря на многочисленные нарушения, допускаемые следователями (дознавателями) при производстве следственных действий, адвокаты-защитники крайне редко используют свое право на заявление ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Из 128 опрошенных адвокатов только 6 (4,69 %) систематически заявляют подобные ходатайства (приложение 11). Все остальные объясняют свое нежелание тем, что суды протокольным определением на месте, не вдаваясь в существо заявленных ходатайств, отказывают в их удовлетворении, мотивируя все одной фразой: «В связи с необоснованностью»[1].

Исходя из норм действующего уголовно-процессуального закона, ходатайство о признании доказательств недопустимыми может быть заявлено защитником в ходе:

– ознакомления с материалами уголовного дела после окончания предварительного расследования;

– предварительного слушания;

– судебного следствия.

Однако, как показывает правоприменительная практика, защитники редко пользуются правом на заявление такого рода ходатайств при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, чтобы не допустить восполнения недостатков следствия и устранения допущенных нарушений. На предварительном слушании защитники также не всегда заявляют подобные ходатайства. Такая адвокатская тактика оправдана опытом, обоснована и имеет право на существование, поскольку судьи достаточно часто на указанной стадии отказывают в удовлетворении ходатайства

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

с формулировкой «в связи с преждевременностью», несмотря на то, что подобный довод не основан на законе. Во всех изученных нами уголовных делах ходатайства об исключении доказательства заявлялись только в ходе судебного следствия (приложение 9).

Мнения ученых по обозначенной проблематике неоднозначны[1].

Как полагает В.Ю. Миронова, «оценка допустимости актуализирует вопрос об оценке достоверности доказательств, которые зачастую трудно дифференцировать … оценка доказательств в состязательном уголовном процессе при проведении предварительного слушания может и должна быть связана с исключением доказательств по основаниям их неотносимости, недопустимости и недостоверности»[2].

И.П. Пилюшин и А.В. Павлов считают, что «судья в ходе предварительного слушания не вправе рассматривать ходатайства об исключении доказательств по мотиву их недостоверности и (или) неотносимости. В противном случае судья будет вынужден сопоставлять исключаемое доказательство с другими доказательствами по уголовному делу, получать новые доказательства для его подтверждения или опровержения»[3]. Как показывает практика, на указанной стадии уголовного судопроизводства «стороны еще не исследовали доказательства, и возможна ситуация, когда сторона обвинения откажется на стадии судебного следствия от представления тех или иных доказательств (в том числе полученных с нарушением закона), несмотря на то, что в обвинительном заключении они будут отражены. Кроме того, сторона обвинения в силу ч. 2 ст. 274 УПК РФ, пользуясь правом «о представлении доказательств первой», может попытаться устранить допущенные нарушения закона в ходе судебного

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

[2] Миронов В.Ю. Оценка доказательств при проведении предварительного слушания // Российский судья. 2007. № 1. С. 10-14.

[3] Пилюшин И.П., Павлов А.В. Исключение доказательства в предварительном слушании // Мировой судья. 2016. № 10. С. 23-26.

следствия путем допроса свидетелей, понятых, истребования различных доказательств и т.д.»[1].

Следует согласиться с позицией В.А. Лазаревой, согласно которой «в некоторых случаях рассмотрение вопроса о допустимости доказательств в предварительном слушании может быть затруднено невозможностью исследования всей совокупности доказательств, в связи с чем должную оценку доказательства могут получить только в условиях судебного следствия»[2]. В связи с этим представляется наиболее правильной, логичной и обоснованной позиция защитника о заявлении ходатайства о признании доказательств недопустимыми в ходе судебного разбирательства после исследования письменных доказательств по делу.

Следующая проблема, непосредственно связанная с предыдущей, состоит в том, что по правилам УПК РФ, на стадии ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования «ходатайство о признании доказательств недопустимыми должно быть изложено в письменном виде в протоколе ознакомления с материалами дела, или приложено к нему. Однако на судебных стадиях производства по уголовному делу отсутствует законодательная регламентация требований, предъявляемых к процессуальной форме ходатайств о признании доказательств недопустимыми (письменной или устной)»[3].

В ст. 120 УПК РФ установлены общие правила заявления ходатайств, согласно которым «письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, а устное заносится в протокол следственного действия или судебного заседания. Статьей 271 УПК РФ регламентирован общий порядок заявления и разрешения ходатайств в судебном заседании. Но и в ней нет требований к процессуальной форме и содержанию ходатайств о признании доказательств

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

[2] Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. С.173-174.

[3] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств … . С. 99-107.

недопустимыми. Данная норма закона содержит лишь указание на то, что заявленное ходатайство должно быть мотивировано заявителем»[1].

В силу ст. 235 УПК РФ «стороны могут заявить ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства. В случае заявления ходатайства его копия передается другой стороне в день представления ходатайства в суд. Это единственная норма закона, которая, хотя и косвенно, но содержит требования к форме ходатайства об оспаривании доказательств, но она относится к предварительному слушанию. Изучение уголовных дел показало, что во всех случаях ходатайства заявлялись в письменной форме (приложение 9).

Поскольку стороны защиты и обвинения являются профессиональными участниками уголовного процесса, нам представляется, что «любое заявленное ими в судебном заседании ходатайство непременно должно соответствовать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, которые предъявляются к судебным постановлениям. В подтверждение своих доводов о недопустимости доказательств сторонам необходимо привести в ходатайстве все нормы УПК РФ и других федеральных законов, которые, по их мнению, нарушены в процессе собирания доказательств, указать способы нарушения закона, отметить какие последствия наступили в результате допущенных нарушений»[2].

На наш взгляд, «отсутствие законодательного регулирования требований к обязательной письменной форме ходатайств о признании доказательств недопустимыми, связано с условием устности судебного разбирательства, регламентированным в ст. 240 УПК РФ. Однако закрепление в УПК РФ требования о заявления таких ходатайств в письменной форме, ни в коей мере не нарушит принципа устности, и будет

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.
[2] См.: Там же. С. 99-107.

способствовать их обоснованности и мотивированности, в том числе при подготовке процессуальными оппонентами такого же письменного возражения»[1]. Тем более, что ч. 4 ст. 235 УПК РФ возлагает на сторону обвинения бремя опровержения доводов стороны защиты о недопустимости доказательств.

Таким образом, «несмотря на то, что в УПК РФ отсутствует законодательная регламентация правила о необходимости заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми только в письменном виде, такая форма представляется нам более правильной как с гносеологической, так и с практической точки зрения. Во-первых, суду и процессуальным оппонентам предоставляется возможность проанализировать и дать аргументированную юридическую оценку каждому доводу ходатайства. Во-вторых, последующие инстанции будут иметь возможность видеть все доводы автора ходатайства и также дать им оценку.

Следующей проблемой, заслуживающей пристального внимания, является рассмотрение судом ходатайств о признании доказательств недопустимыми. В теории уголовного процесса активно ведутся дискуссии относительно того, может ли суд самостоятельно, без заявления ходатайства стороной, признавать доказательства по делу недопустимыми. Как правило, на практике суд не инициирует рассмотрение вопроса о недопустимости доказательств. Активная роль суда в данном вопросе ставится под сомнение многими учеными, и в научном мире отсутствует единство в понимании процедуры признания судом доказательств недопустимыми по собственной инициативе»[2].

В соответствии с положениями ч. 4 ст. 88 УПК РФ суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном ст. 234 и 235 УПК РФ. Вместе с тем

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.
[2] См.: Там же. С. 99-107.

анализ ст. 234 и 235 УПК РФ показывает, что суд на предварительном слушании не наделен полномочиями по своей инициативе ставить на обсуждение вопрос о признании доказательств недопустимыми.

А.А. Васяев пишет о том, что «суд не бывает инициатором рассмотрения вопроса о допустимости доказательств, без ходатайств сторон исключается большая их часть, но в совещательной комнате при вынесении итогового решения, а не в стадии судебного разбирательства»[1].

А.А. Лютынский и Е.Г. Карташова, соглашаясь с предыдущим автором, полагают, что «судьи в судебном следствии не ставят по собственной инициативе на обсуждение сторон вопрос о признании доказательства недопустимым, предпочитая разрешать его самостоятельно в совещательной комнате при постановлении приговора»[2]. Аналогичной точки зрения придерживаются В.С. Балакшин, который отмечает, что «признание доказательств не отвечающими требованиям относимости и достоверности должно решаться, как правило, в совещательной комнате при вынесении итогового документа»[3] и А.Ф. Соколов[4].

По мнению Ю.В. Кореневского и Г.П. Падвы, «при рассмотрении дела в обычном порядке при заявлении ходатайства о недопустимости доказательств суд может разрешить данное ходатайство и при постановлении приговора, что, по сути, не противоречит закону»[5].

П.В. Кондрашин, анализируя вопрос о признании доказательств недопустимыми, в контексте позиций ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и

---

[1] Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 45.
[2] Лютынский А.М. Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения // Пенитенциарная наука. 2015. № 3. С. 29-32.
[3] Балакшин В.С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью // Законность. 2014. № 3. С. 388.
[4] Соколов А.Ф. Процессуальный порядок признания в суде доказательств не имеющими юридической силы // Российская юстиция. 1994. № 10. С.14.
[5] Кореневский Ю.В., Падва Г.П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству: практическое пособие. М.: Юрист, 2004. С. 41.

политических правах, в их правовом единстве с положениями ст. 63 УПК РФ и их конституционно-правовым толкованием[1], сделал вывод о том, что «разрешение судом ходатайства о признании доказательства недопустимым, о его исключении из числа доказательств производится при вынесении итогового решения по делу и подлежит обжалованию совместно с указанным решением»[2].

Р.В. Костенко не исключает возможности рассмотрения вопроса о признании доказательств недопустимыми по инициативе суда и полагает, что в таком случае «при принятии судом решения о признании доказательств недопустимыми не требуется вынесения каких-либо постановлений или определений об исключении доказательств из числа допустимых. В случае признания по собственной инициативе доказательств недопустимыми суд должен указать на это в выносимых им итоговых решениях»[3].

Как полагает И.И. Белохортов, «оценка доказательств в то же время выступает и конечным этапом процесса доказывания, допуская формирование окончательного мнения по уголовному делу в рамках предъявленного обвинения»[4]. Тогда «для чего суду необходимо раньше

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком». Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

[2] Кондрашин П.В. Оценка доказательств и ее влияние на состав суда // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 147.

[3] Костенко Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в ходе судебного производства по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3. С. 98.

[4] Белохортов И.И. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 14.

вынесения приговора давать оценку доказательствам, при этом ставя под удар итоговое решение ввиду своей необъективности?»[1], – задается вопросом Т.К. Рябинина. В.М. Быков и Т.Ю. Ситникова также считают, что «проверка и оценка допустимости доказательств судом по собственной инициативе осуществляется в ходе принятия основных решений по уголовному делу»[2].

Иного мнения придерживается А.К. Зебницкая, которая считает, что «отложение рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми на момент постановления приговора недопустимо»[3].

С точки зрения В.В. Терехина, «суд по своей инициативе вправе обсудить и разрешить вопрос о допустимости доказательства только при получении сведений о нарушении конституционных прав личности в ходе собирания доказательств стороной»[4]. Он, обосновывая стандарт допустимости в состязательном процессе, ссылается на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, согласно которой «суд наделен дискреционным правом совершать действия, направленные на защиту прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства, в том числе и для устранения существенных нарушений УПК РФ должностными лицами дознания, следствия или прокурором, препятствующих принятию справедливого итогового решения по делу»[1].

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, в силу ч. 3 ст. 15 УПК РФ, «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия

---

[1] Белохортов И.И. Оценка доказательств судом первой инстанции ... . С.14.

[2] Быков В.М., Ситникова Т.Ю. Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ // Правоведение. 2004. № 5. С. 147.

[3] Зебницкая А.К. Ходатайства в современном уголовном судопроизводстве России и зарубежных // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 2. С. 27.

[4] Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис. …. д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 25.

для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав»[2]. В соответствии с полномочиями, закрепленными в ст. 29 УПК РФ, суд рассматривает и разрешает уголовные дела, находящиеся в его производстве. Конечной целью производства по уголовному делу является вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора, а таковым он может считаться, «если постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона»[3], в том числе и на правильном применении норм УПК РФ о допустимости доказательств.

В соответствии с правилами ст. 240 УПК РФ о непосредственности и устности судебного разбирательства, «все относящиеся к делу и допустимые, согласно закону, доказательства подлежат исследованию в ходе судебного заседания». Суд «не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания»[4].

Приговор или иной итоговый судебный акт «должен содержать оценку доказательств, сделанную по внутреннему убеждению суда, на основе объективности и беспристрастности, полного, всестороннего исследования и оценки доказательств в своей совокупности»[1]. Кроме того, приговор суда должен соответствовать и требованиям ч. 3 ст. 49 Конституции РФ «неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «в случае, когда в судебном заседании не заявлено ходатайств о признании доказательств

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

[2] См.: Там же.

[3] См.: Там же.

[4] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

недопустимыми, но признаки недопустимости имеются, суд по своей инициативе обязан в совещательной комнате при вынесении итогового процессуального решения по делу, в первую очередь, решить вопрос о признании доказательств недопустимыми. Такое решение будет иметь важное процессуальное значение и определенные последствия. Проведенный нами анализ и обобщение судебной практики показывает, что исключение доказательств редко влечет вынесение оправдательного приговора. В большинстве случаев, при таких обстоятельствах, суды выносят приговоры с более мягким наказанием»[2]. Однако даже такой результат развития событий для стороны защиты является значимым.

Так, «в ходе рассмотрения Баксанским районным судом КБР уголовного дела по обвинению троих подсудимых, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 111 УК РФ, адвокатом К. было заявлено ходатайство о признании недопустимым доказательством СД-диска с видеозаписью места преступления в связи с тем, что в ходе его выемки были нарушены нормы ст. 170, 182 ч. 3[1], 183, 184 и 193 УПК РФ, согласно которым следственное действие в виде выемки производится в обязательном присутствии двух понятых, а реально в ходе выемки присутствовал только один. Постановлением от 9 сентября 2019 г. Баксанским районным судом ходатайство адвоката было удовлетворено, и протокол выемки СД-диска вместе с протоколами осмотра предметов постановлением о признании и приобщении вещественного доказательства были признаны недопустимыми доказательствами. Однако в ходе судебного следствия по данному уголовному делу судом по ходатайству потерпевшего, поддержанного государственным обвинителем и одним из защитников, запись события преступления, содержащаяся на электронном носителе, была

---

[1] Черечукина Л.В., Зацепина О.Г. Специфика планирования исследования доказательств судом в уголовном судопроизводстве // Проблемы права: теория и практика. 2022. № 58. С. 243.

[2] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

истребована у первоисточника и послужила доказательством обвинения, поскольку были устранены препятствия к ее использованию. Так, в описываемом случае судом было исправлено нарушение, допущенное в ходе предварительного следствия, которое послужило основанием для признания доказательства недопустимым[1].

По тому же уголовному делу «защитником Р. второго подсудимого Ш. было заявлено ходатайство о признании недопустимым доказательством протокола допроса обвиняемого Ш. в связи с тем, что в ходе предварительного расследования защиту Ш. осуществлял адвокат Д., который одновременно защищал по тому же уголовному делу остальных обвиняемых К. и Б., с которыми у Ш. были противоречия. Адвокат Р., назначенный судом для осуществления защиты Ш., в ходе ознакомления с материалами дела обнаружил, что по уголовному делу между интересами подсудимых Ш., Б. и К. еще со стадии предварительного расследования выявились противоречия, однако защиту интересов всех троих осуществлял один адвокат Д., который постановлением Баксанского районного суда был отведен.

Как было указано в постановлении суда от 30 января 2019 г., «в соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», если между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат, выявятся противоречия (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; изобличение одним обвиняемым другого и т.п.), то такой адвокат подлежит отводу (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, пп. 2 п. 4 ст. 6 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и

[1] Уголовное дело № 1-7/2020 (1-105/2021; 1-16/2019; 1-151/2018). УИД: 07RS002-01-2018-000722-12 // Архив Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики.

адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 13 «Кодекса профессиональной этики адвоката»[1].

В связи с изложенным, «адвокат Р. посчитал, что все следственные действия с участием и в отношении подсудимого Ш., которые были проведены с участием защитника Д., противоречат закону, следовательно, их результаты должны быть признаны недопустимыми доказательствами. Постановлением Баксанского районного суда от 02 декабря 2019 г. ходатайство защитника Р. о признании указанных доказательств недопустимыми было удовлетворено. Однако совокупности остальных доказательств, добытых в ходе предварительного расследования уголовного дела, наряду с признательными показаниями одного из подсудимых, оказалось достаточно для вынесения в отношении Ш. и других лиц обвинительного приговора»[2]. При этом Ш. было назначено менее суровое наказание без лишения свободы, чем остальным подсудимым, приговоренным судом к длительным реальным срокам отбывания наказания»[3].

Особую сложность для стороны защиты в последние годы стали представлять показания свидетелей, которые принимаются судом без проверки. Так, Баксанским районным судом при рассмотрении уголовного дела в отношении подсудимой Г., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ, был допрошен «засекреченный» свидетель обвинения Ш., который показывал, что подсудимая Г. оказывала помощь в виде предоставления жилья и обеспечения продуктами питания участнику незаконного вооруженного формирования Л. Свидетель в судебном заседании рассказывал о конкретном времени и месте совершения преступления. Однако в указанное свидетелем время подсудимая Г.

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

[2] Уголовное дело № 1-7/2020 (1-105/2021; 1-16/2019; 1-151/2018). УИД: 07RS002-01-2018-000722-12 // Архив Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики.

[3] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

находилась за пределами Российской Федерации и не могла быть в том месте, о котором говорил анонимный свидетель. Доказательством данного обстоятельства послужил заграничный паспорт Г. с соответствующими отметками пограничных служб и справка пограничной службы РФ. Адвокатом Р. в ходе рассмотрения данного дела было заявлено ходатайство о признании недопустимым доказательством протокола допроса свидетеля Ш. Протокольным постановлением судьи Баксанского районного суда ходатайство защитника было удовлетворено. Однако и в этом случае в отношении Г. был вынесен обвинительный приговор, хотя эти показания были не единственными, но ключевыми в материалах уголовного дела. От обжалования приговора подсудимая отказалась в связи с назначением ей наказания, не связанного с лишением свободы[1].

В ходе судебного следствия по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного п. »г» ч. 2 ст. 117 УК РФ, ее защитником Р. было заявлено ходатайство о признании недопустимыми сразу нескольких доказательств[2]. Протокольным постановлением суда в удовлетворении ходатайства защитника было отказано. По делу государственным обвинителем был запрошен длительный срок реального лишения свободы. Но пресловутый обвинительный уклон правосудия не позволил суду вынести по делу оправдательный приговор, несмотря на многочисленные существенные нарушения норм материального и процессуального права. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда КБР обвинительный приговор был отменен в связи с допущенными судом многочисленными существенными нарушениями норм материального и процессуального права, и дело передано на новое рассмотрение в суд I инстанции. При повторном рассмотрении уголовного дела суд первой инстанции по ходатайству государственного обвинителя

[1] Уголовное дело № 1-14/2018 (1-162/2017). УИД: 07RS002-01-2017-00099-22 // Архив Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики.
[2] Уголовное дело № 1-41/2024 (1-268/2022). УИД: 07RS0002-01-2022-002533-75 // Архив Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики.

переквалифицировал деяния подсудимой на ст. 156 УК РФ, и дело прекращено в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности»[1]. Подсудимая не возражала против такого исхода дела, хотя при дальнейшем обжаловании была перспектива вынесения оправдательного приговора.

Приведенные примеры подтверждают то, что не всегда признание доказательств недопустимыми по ходатайству стороны защиты приводит к вынесению оправдательного приговора, поскольку суды не готовы рассматривать защитника в качестве равноправного участника уголовного процесса и, даже осознавая незаконность своих действий, все равно принимают решения в пользу обвинения. Об этом свидетельствуют и данные изучения нами уголовных дел (приложение 9).

На практике «существует еще одна проблема, связанная с рассмотрением судом ходатайств о признании доказательств недопустимыми, и относится она к отсутствию в УПК РФ требований, обязывающих суд разрешать такие ходатайства с обязательным удалением в совещательную комнату. Как известно, на суд возложена обязанность по разрешению любых ходатайств в соответствии с требованиями ст. 120-122 УПК РФ и ч. 4 ст. 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности судебного решения. Однако, по нашему мнению, вынесение протокольных определений, разрешающих ходатайства о признании доказательств недопустимыми «совещанием на месте» без указания мотивов принятых решений, нарушает принцип законности в уголовном судопроизводстве»[2].

Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51, «… по тем вопросам, которые указаны в ч. 2 ст. 256 УПК РФ, суд выносит постановление или определение в совещательной

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.
[2] См.: Там же. С. 99-107.

комнате в виде отдельного процессуального документа, который подписывается всем составом суда. Иные вопросы могут разрешаться судом по его усмотрению, как в совещательной комнате, так и в зале судебного заседания с занесением принятого постановления или определения в протокол судебного заседания. Во всех случаях судебное решение должно быть мотивированным и оглашаться в судебном заседании»[1].

В ч. 2 ст. 256 УПК РФ закреплен перечень судебных актов, выносимых «в совещательной комнате в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или судьями, если уголовное дело рассматривается судом коллегиально». В этом перечне отсутствует решение суда по ходатайству сторон о признании доказательств недопустимыми. Оно отнесено к «иным определениям или постановлениям, которые выносятся в зале судебного заседания и подлежат занесению в протокол», так как, по мнению законодателя, для его вынесения не требуется особого обоснования, в связи с чем «вопрос об удалении судьи в совещательную комнату при разрешении ходатайств (в том числе о признании доказательств недопустимыми) ставится в зависимость от усмотрения судьи»[2].

Однако нам такой подход законодателя представляется неправильным, поскольку каждому доводу ходатайства о признании доказательств недопустимыми необходимо дать аргументированную оценку. В то же время суды, пользуясь отсутствием нормативного требования об обязательности удаления в совещательную комнату, и в связи с загруженностью практически всегда, вопреки требованиям ст. 7 УПК РФ, разрешают такие ходатайства формально на месте протокольными определениями одной фразой: «Отказать в удовлетворении заявленного ходатайства в связи с необоснованностью». При этом, отказывая в удовлетворении мотивированного ходатайства с

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
[2] См.: Там же.

перечислением многочисленных нарушений законодательства и ссылками на соответствующие правовые нормы, суд ничем не обосновывает свои выводы.

Очевидно, что «необоснованное и немотивированное протокольное постановление (определение) суда, вынесенное в зале судебного заседания, без удаления в совещательную комнату, противоречит правилам ч. 4 ст. 7 УПК РФ о законности судебного акта. Поскольку в ходатайстве приводятся конкретные нормы закона, нарушенные, по мнению стороны, при получении оспариваемого доказательства, представляется, что и суд в своем решении должен привести аргументированные суждения об обоснованности (или необоснованности) доводов стороны его заявившей»[1].

Согласно ч. 3 ст. 271 УПК РФ, «лицо, которому судом отказано в удовлетворении ходатайства, вправе заявить его вновь в ходе дальнейшего судебного разбирательства». С учетом «отсутствия в законе требований к процессуальной форме решения суда, такое нормоположение является справедливым и правильным, так как у защитника, участвующего в деле, возникает право заявить ходатайство о признании доказательств недопустимыми повторно с дополнением его новым доводом о нарушении судом требований ст. 7 УПК РФ при предыдущем рассмотрении»[2].

Кроме того, в соответствии с положениями ч. 4 ст. 235 УПК РФ и п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51, на сторону обвинения возлагается бремя опровержения доводов стороны защиты. Однако, как показывает практика, «не только суды, но и государственные обвинители при высказывании своей позиции зачастую просят отказать в удовлетворении ходатайства защитника, ограничиваясь формулировкой «в связи с его незаконностью и необоснованностью», ничем не мотивируя при этом свои

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.
[2] См.: Там же. С. 99-107.

рассуждения и не опровергая каждый аргумент защитника, что также противоречит принципу законности»[1].

На наш взгляд, решение суда о признании доказательств недопустимыми и их исключение из дальнейшего использования по делу «должно быть облечено в соответствующую процессуальную (письменную) форму. Этот вывод соответствует ч. 4 ст. 236 УПК РФ, согласно которой, если судья удовлетворяет ходатайство об исключении доказательств и при этом назначает судебное заседание, то в постановлении указывается, какое доказательство исключается и какие материалы уголовного дела, обосновывающие исключение данного доказательства, не могут исследоваться, и оглашаться в судебном заседании, и использоваться в процессе доказывания. Указанная норма закона относится к стадии предварительного слушания, однако ее нельзя игнорировать и на стадии судебного разбирательства»[2].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 отмечается, что «исключение доказательств из разбирательства дела должно производиться по постановлению председательствующего судьи с обязательным указанием мотивов принятого решения»[3]. Данная норма относится к рассмотрению уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей. Однако, на наш взгляд, такой порядок должен быть обязательным во всех судах, независимо от формы рассмотрения дела, так как любое судебное решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена возможность обжалования судебного акта, вынесенного при разрешении

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.
[2] См.: Там же. С. 99-107.
[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 (с изм. и доп. от 28 июня 2022 г., № 22) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1; 2022. № 9.

ходатайства о признании доказательств недопустимыми отдельно от приговора. В связи с этим А.В. Горбачев считает необходимым «предусмотреть в УПК РФ возможность такого обжалования. По его мнению, решение названной инстанции о законности исключения доказательств или отказе в этом должно считаться окончательным. До принятия решения судом кассационной (апелляционной) инстанции, не должно назначаться судебное разбирательство дела»[1]. Похожую идею высказывает и С.В. Марасанова, которая предлагает «закрепить процедуру так называемой «промежуточной кассации» для проверки правильности исключения доказательств, либо отказа в их исключении до начала рассмотрения дела в суде первой инстанции»[2].

Вопреки «существующей опасности нарушения предусмотренных ст. 6^1 УПК РФ разумных сроков уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовного дела, такая позиция представляется правильной, поскольку вопрос о признании (не признании) доказательств недопустимыми в последующем может повлиять на законность, обоснованность, мотивированность итогового процессуального решения по уголовному делу.

В связи с изложенным полагаем необходимым нормативное закрепление возможности обжалования судебного акта, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми по правилам обжалования судебных постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста) в течение трех суток со дня вынесения»[3].

---

[1] Горбачев А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

[2] Марасанова С.В. Организационные и процессуальные проблемы деятельности суда присяжных: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 15.

[3] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

Проведенное исследование проблем заявления и разрешения ходатайств о признании доказательств недопустимыми позволяет сделать следующие выводы и предложения:

1. Действующий УПК РФ не содержит обязательных требований к:

1) процессуальной форме судебного акта, выносимого в ходе разрешения ходатайства о признании доказательств недопустимыми;

2) необходимости разрешения судом ходатайства о признании доказательств недопустимыми с обязательным удалением в совещательную комнату;

3) обжалованию решения суда, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми.

2. Судебный акт, выносимый по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми, согласно УПК РФ, не относится к процессуальным решениям, требующим специального обоснования. Однако это противоречит ч. 4 ст. 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности определений суда, так как каждому доводу ходатайства необходимо дать аргументированную оценку.

3. Суд должен рассмотреть ходатайство о признании доказательств недопустимыми и вынести по нему законное, обоснованное и мотивированное решение немедленно после его заявления в судебном заседании с обязательным удалением в совещательную комнату до принятия итогового решения по делу.

4. Ходатайства о признании доказательств недопустимыми, решения суда по ним и мотивированные возражения процессуальных оппонентов должны иметь исключительно письменную форму. Такой подход не нарушает закрепленного в ст. 240 УПК РФ условия о непосредственности и устности судебного разбирательства и будет способствовать соблюдению в судебном заседании принципа законности.

5. Согласно Конституции РФ, суд является гарантом законности и правосудности судебных решений, которые не могут быть основаны на

недопустимых доказательствах. Следовательно, в случае выявления им в материалах уголовного дела доказательств, не отвечающих требованиям допустимости, суд по собственной инициативе обязан в совещательной комнате при вынесении итогового процессуального решения по делу признать их недопустимыми, даже если об этом сторонами не было заявлено соответствующих ходатайств. Выполняя возложенную на него функцию осуществления правосудия и разрешения уголовного дела, суд имеет целью вынесение законного и обоснованного приговора с назначением справедливого наказания, не принимая ни сторону обвинения, ни сторону защиты. Именно такое поведение суда соответствует принципу законности, поскольку незаконным будет считаться приговор, основанный на доказательствах, полученных с нарушением предусмотренных требований[1]. Такая точка зрения соответствует и правовой позиции Конституционного Суда РФ[2].

6. Представляется необходимым нормативное закрепление возможности обжалования судебного акта, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми по правилам обжалования судебных постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста) в течение трех суток со дня вынесения.

7. В целях практической реализации сделанных выводов предлагаем внести следующие изменения и дополнения в действующее уголовно-процессуальное законодательство:

1) изложить ч. 1 ст. 235 УПК РФ в следующей редакции:

«*1. Стороны в судебном разбирательстве заявляют ходатайство о признании доказательств недопустимыми в письменной форме, копия*

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 23 мая 2006 г. № 154-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дружинина Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав статьями 75, 88, 109, 152 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

которого передается другой стороне в день заявления для составления письменного мотивированного возражения»;

2) дополнить ст. 235 УПК РФ частью 8 следующего содержания:

«*8. Требования настоящей статьи распространяются также на стадию производства в суде первой инстанции*»;

3) в ч. 2 ст. 256 УПК РФ, содержащую перечень определений и постановлений, которые выносятся в совещательной комнате и оформляются в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или судьями после слов «о назначении судебной экспертизы» добавить фразу «*о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми*»;

4) ч. 1 ст. 271 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«*1. Председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или о признании доказательств недопустимыми. Лицо, заявившее ходатайство, должно его обосновать. Ходатайства о признании доказательств недопустимыми предоставляются суду в письменной форме*»;

5) в ч. 3 ст. 389^2 УПК РФ, содержащую перечень судебных постановлений, подлежащих апелляционному обжалованию, добавить предложение: «*постановления (определения) о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми*»;

6) ч. 4 ст. 389^2 УПК РФ изложить в следующей редакции*:*

«*4. Обжалование определений или постановлений, вынесенных во время судебного разбирательства, не приостанавливает судебное разбирательство, за исключением определений (постановлений) о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми.*

На постановление (определение) суда о разрешении ходатайства о признании доказательств недопустимыми может быть подана апелляционная жалоба в течение трех суток со дня его вынесения. При обжаловании определений (постановлений) суда о разрешении ходатайств о

признании доказательств недопустимыми, производство по делу приостанавливается до рассмотрения жалобы судом апелляционной инстанции. Дальнейшее обжалование определений и постановлений суда о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми возможно только вместе с итоговым решением по делу».

Внесение перечисленных изменений и дополнений позволит открыть возможности для практической реализации закрепленного в ст. 7 УПК РФ принципа законности при производстве по уголовному делу применительно к заявлению и рассмотрению ходатайств о признании доказательств недопустимыми[1].

Таким образом, подводя итоги исследования, проведенного в третьей главе, можно сформулировать следующие основные выводы и предложения:

1. С помощью применения одного из методов КСМ – метода формально-логического определения – построена модель принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, на основе которой сформулированы две дефиниции указанного принципа.

Предложено закрепить одну из сконструированных дефиниций в качестве базового юридического термина в ч. 1 ст. 15 УПК РФ, внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 53, п. 5 ч 2 ст. 74, в ч. 3 ст. 86, ч. 2 ст. 119, 122, ч. 2 ст. 256, ч. 1 ст. 271, ч. 3 и 4 ст. 389^2 УПК РФ, дополнить УПК РФ ст. 166^1 и ст. 166^2, ч. 8 с 235, ч. 3 ст. 256, а также п. 2 ч. 3 ст. 6 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» изложить в новой редакции.

2. Установлено, что:

– УПК РФ лишь декларативно провозглашает право защитника собирать доказательства с момента его допуска к участию в уголовном деле;

---

[1] См.: Ремизова М.С. Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 99-107.

– в УПК РФ и федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» отсутствуют нормы, регулирующие процессуальный порядок оформления и фиксации полученных защитником материалов в виде предметов, документов и иных сведений;

– УПК РФ не содержит обязательных требований: к процессуальной (письменной) форме судебного акта, выносимого в ходе разрешения ходатайства о признании доказательств недопустимыми; к необходимости разрешения судом таких ходатайств с обязательным удалением в совещательную комнату; к возможности обжалования решения суда, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми.

3. Показано, что суд должен выносить обоснованное и мотивированное решение по ходатайству о признании доказательств недопустимыми немедленно после его заявления и обсуждения в судебном заседании с обязательным удалением в совещательную комнату до принятия итогового процессуального решения по делу. В случаях, когда ни одной из сторон не заявлено ходатайства о признании доказательств недопустимыми, но признаки недопустимости имеются, решение о признании доказательств недопустимыми должно быть принято судом самостоятельно и отражено в итоговом решении по делу.

4. Обоснована позиция, согласно которой ходатайства о признании доказательств недопустимыми, решения суда по ним и мотивированные возражения процессуальных оппонентов должны иметь исключительно письменную форму. Такой подход не нарушает закрепленных в ст. 240 УПК РФ условий о непосредственности и устности судебного разбирательства и обеспечит соблюдение в судебном заседании принципа законности.

5. В результате проведенного анализа УУС 1864 г., УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г., Концепции Судебной реформы 1991 г. и УПК РФ 2001 г. составлена карта эволюции состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве (приложение 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования была достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы положения, выносимые на защиту, а также внесены предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Наиболее важные выводы по проделанной работе содержатся в следующих положениях, имеющих концептуальное значение для эффективного функционирования института допустимости доказательств в современном уголовно-процессуальном праве:

1. В процессе формирования института допустимости доказательств условно можно выделить следующие исторические этапы:

1864-1923 гг. – период действия УУС 1864 г., в котором происходило зарождение и становление института допустимости доказательств;

1923-1960 гг. – период действия послереволюционного уголовно-процессуального законодательства, существовавшего в двух параллельных реальностях, когда одновременно действовали УПК РСФСР 1923 г. и различные законы чрезвычайного характера, основанные на революционной целесообразности;

1960-1991 гг. – период действия УПК, принятого 27 октября 1960 г.;

1991-2001 гг. – период реформирования УПК РСФСР 1960 г. Концепцией Судебной реформы 1991 г.;

с 2002 г. по настоящее время – введение в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который изначально позиционировался прогрессивным, правозащитным.

С помощью метода одноуровневой триадической дешифровки сконструирована модель и на ее основе сформулирована дефиниция понятия «доказательство по уголовному делу», под которым следует понимать *сведения о фактах и событиях совершенного преступления, подтверждающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии*

с требованиями статьи 73 УПК РФ, сформированные в установленном законом порядке сторонами – субъектами уголовно-процессуального доказывания в подтверждение своей правовой позиции по уголовному делу.

2. В правовой смысл термина «доказательство по уголовному делу» изначально заложено понятие допустимости. Следовательно, термин «допустимость» является некорректным по отношению к правовой категории «доказательство», поскольку если сведения являются доказательствами, то они априори должны быть допустимыми, полученными в соответствии с требованиями УПК РФ. В связи с этим представляется неправильным и противоестественным делить нарушения закона, допущенные при получении доказательств, на существенные и несущественные, поскольку, во-первых, таким делением нарушаются права участников уголовного судопроизводства, так как узаконенные судом доказательства, полученные с несущественным, но умышленным нарушением закона, могут быть положены в основу обвинительного приговора, а во-вторых, искажается смысл уголовно-процессуального закона и положений Конституции РФ, провозглашающих невозможность использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона.

В законе должны содержаться дефиниции понятий «допустимость доказательств» и «недопустимое доказательство», поскольку они необходимы для осуществления правильной оценки доказательств, четкого представления о том, какие из них являются недопустимым, и следовательно недопущения оперирования доказательствами, полученными с нарушением закона при производстве по уголовному делу.

Нарушение требований УПК РФ субъектом доказывания при проведении следственных действий однозначно следует рассматривать как умышленное нарушение закона, поскольку в силу его должностного положения, знание им закона презюмируется. Соответственно, нарушение норм УПК РФ, допущенное при собирании доказательств в ходе следственных действий, может быть только умышленным и, следовательно, не может быть

несущественным, так как незнание закона субъектом доказывания означает его несоответствие занимаемой должности (профессиональную непригодность). В некоторых случаях нарушение закона при очевидном осознании смысла совершаемых действий еще и образует состав преступления, то есть является преступным и уголовно наказуемым. Если же властный субъект доказывания не знает закон и (или) нарушает его, это не должно становиться проблемой для иных участников уголовного процесса.

Таким образом, сама по себе идея о возможности несущественного нарушения закона противоречит Конституции РФ и смыслу уголовного судопроизводства. Однако Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 31 октября 1995 г. № 8, по сути, допускает нарушение правоприменителем требований закона путем введения понятия «существенность», таким образом, легитимизируя нарушения, которые могут быть в том числе, и умышленными. Следовательно, под влиянием постановления Пленума Верховного Суда РФ у правоприменителя может сложиться ошибочное мнение о возможности нарушать закон «несущественно», а потом эти нарушения «узаконить».

Примененная в ходе исследования категориально-системная методология позволила рассмотреть понятие «допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве России» в различных значениях и сформулировать соответствующие дефиниции:

как межотраслевой институт, допустимость доказательств представляет собой *совокупность норм права, регламентирующих порядок доказывания (собирание, проверку и оценку доказательств), гарантирующих соблюдение принципов законности и состязательности сторон с учетом их равноправия при производстве по уголовному делу в целях принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения*;

будучи свойством доказательства, допустимость характеризуется такими критериями, как: *надлежащий субъект формирования (получения) доказательства, наделенный соответствующими полномочиями по уголовному делу; надлежащий источник получения доказательства;*

четкое соблюдение установленного законом порядка получения доказательства; способность носителя доказательственной информации служить целям установления обстоятельств предмета доказывания, то есть быть фактически пригодным для принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения.

На основании примененной методики исследования сформулированы две дефиниции «недопустимого доказательства в уголовном судопроизводстве»: лаконичная, определяющая его как *доказательство, полученное с нарушением принципов уголовного судопроизводства, или прав его участников, или из ненадлежащего источника; сформированное ненадлежащим субъектом или с нарушением установленного порядка производства по уголовному делу*; и развернутая, в рамках которой оно понимается как *доказательство, сформированное ненадлежащим субъектом доказывания, либо за пределами его полномочий, либо без соблюдения требований Конституции РФ и УПК РФ, принципов уголовного судопроизводства, прав и свобод его участников, либо без соблюдения процессуальной формы, либо с нарушением установленных процессуальных сроков*.

В современной уголовно-процессуальной практике проблема признания доказательства недопустимым обусловлена правовой неопределенностью критериев существенности нарушений закона, влекущих недопустимость, которая не нашла своего отражения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. В связи с этим был сформирован единый перечень существенных нарушений закона, допущенных при собирании и закреплении доказательств, являющихся основаниями для признания их недопустимыми:

– получение доказательств ненадлежащим субъектом либо надлежащим субъектом, но за пределами его полномочий;

– нарушение при собирании и закреплении доказательств требований Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в части, не противоречащей Конституции РФ, УПК РФ и (или) иных законов;

– нарушение при собирании и закреплении доказательств прав и свобод участников уголовного судопроизводства,

– нарушение при собирании и закреплении доказательств установленных законом требований к их процессуальной форме и содержанию.

В развитии института допустимости доказательств, начиная с УУС 1864 г. до настоящего времени, можно проследить возврат к нормам УУС, который впервые ввел и развил нормы о допустимости доказательств, взаимосвязанные с соблюдением процессуальной формы. Законодательно закрепленная в УУС процедура восстановления юридической силы доказательств во времена УПК 1923 г. и УПК 1960 г. была утрачена, но сейчас делаются попытки возврата к данной процедуре.

В УУС впервые были введены дефиниции «существенное нарушение закона» и «несущественные нарушения закона», а также определено, какие нарушения закона относятся к каждой из них. В настоящее время нет четких критериев оценки существенности нарушений закона, а разрешение данного вопроса отдается на усмотрение правоприменителя. Также в УУС было введено деление нарушений закона на устранимые и неустранимые, которое применяется и в современной правоприменительной практике.

УУС 1864 г. по сравнению с ныне действующим УПК РФ, в части допустимости доказательств был более прогрессивным и совершенным. В определенном смысле, ныне действующий УПК РФ не достиг того уровня совершенства юридической техники, каким обладал УУС. Например, по нормам УУС признание отдельных следственных действий недействительными в обязательном порядке оформлялось мотивированным определением суда, а в настоящее время суд не всегда выносит мотивированное постановление (определение) с удалением в совещательную комнату. По УУС суд был наделен полномочиями самостоятельно ставить вопрос о признании доказательств недопустимыми без заявления соответствующего ходатайства сторон. Сейчас же этот вопрос является дискуссионным среди ученых процессуалистов и не имеет четкой правовой регламентации.

Следует признать, что УУС 1864 г. не являлся абсолютно идеальным образцом юридической техники. Он, как и любой нормативно-правовой акт, имел ряд недостатков, однако настоящая работа ориентирована на выявление именно положительных сторон данного памятника отечественного уголовно-процессуального права дореволюционного периода, заложившего правовую базу формирования института допустимости доказательств.

В результате проведенного анализа норм УУС 1864 г., УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г., Концепции Судебной реформы 1991 г. и УПК РФ 2001 г. составлены карты эволюции институтов допустимости доказательств (приложение 1) и существенных нарушений закона (приложение 2), отражающие процесс их формирования с УУС 1864 г. до настоящего времени и позволяющие проследить прогрессивные и регрессивные тенденции их развития в разные исторические периоды. Также составлена Сравнительная таблица понятий существенных нарушений закона по УПК РФ 2001 г. и постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (приложение 8).

С помощью метода одноуровневой триадической дешифровки построена модель и получено научно-обоснованное определение *принципа законности при формировании допустимых доказательств*, под которым следует понимать *построение уголовного процесса, предполагающее на всех стадиях производства по уголовному делу неукоснительное соблюдение судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания и дознавателем, а также всеми лицами, вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений, требований действующего законодательства, устанавливающего порядок производства по уголовному делу, для достижения назначения уголовного судопроизводства*.

С помощью двух методов категориально-системной методологии – одноуровневой и двухуровневой триадической дешифровки – сконструированы модели, и на их основе сформулированы дефиниции доказывания:

в широком (гносеологическом) смысле под *доказыванием в уголовном судопроизводстве* можно понимать *мыслительно-логическую (познавательную) деятельность субъектов доказывания, направленную на установление сведений о фактах и событиях совершенного преступления, в целях принятия процессуального решения по уголовному делу*;

в широком (процессуальном) смысле под *доказыванием в уголовном судопроизводстве* можно понимать *регламентированную уголовно-процессуальным законодательством мыслительно-логическую деятельность субъектов доказывания по собиранию, проверке и оценке сведений о фактах и событиях совершенного преступления, направленную на установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ, полученных с соблюдением требований законности, в целях принятия законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения*;

в узком (процессуальном) смысле *доказывание в уголовном судопроизводстве* – это *мыслительно-логическая (познавательная) деятельность субъектов доказывания, направленная на собирание (поиск, обнаружение и закрепление); проверку (установление источников получения доказательств, их сопоставление и выявление противоречий); оценку доказательств на основе внутреннего убеждения на соответствие требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности путем установления и устранения противоречий в сведениях о фактах и событиях совершенного преступления*.

На основе методов одноуровневой триадической дешифровки разработан комплекс моделей элементов доказывания в уголовном судопроизводстве: собирание, формирование, проверка и оценка доказательств, – базирующийся на установлении триады основных отличительных, необходимых и достаточных характеристик искомых правовых категорий, что позволило разработать соответствующие дефиниции:

под *собиранием доказательств в уголовном судопроизводстве России* следует понимать *совокупность процессуальных действий субъектов доказывания, направленных на поиск, обнаружение и закрепление сведений о фактах и событиях совершенного преступления, подтверждающих наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ*;

под *формированием доказательств в уголовном судопроизводстве* России следует понимать *познавательную деятельность субъекта доказывания, направленную на поиск, обнаружение и фиксацию сведений о фактах и событиях совершенного преступления, придание им необходимой процессуальной формы, а также установление соответствия их содержания фактическим обстоятельствам дела в целях принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения*;

под *проверкой доказательств в уголовном судопроизводстве России* следует понимать *совокупность процессуальных действий субъектов доказывания, направленных на установление источников доказательств, их анализ и сопоставление, а также устранение выявленных противоречий в собранных сведениях о фактах и событиях с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ*;

под *оценкой доказательств в уголовном судопроизводстве России* следует понимать *основанную на внутреннем убеждении мыслительно-логическую (познавательную) деятельность субъектов доказывания, направленную на выявление и устранение противоречий в сведениях о фактах и событиях совершенного преступления, а также определение качества собранных сведений на предмет их соответствия свойствам относимости, допустимости, достоверности и достаточности*.

С точки зрения предложенных дефиниций, принципиальное отличие проверки и оценки доказательств заключается в том, что проверка – это формализованная деятельность, по своей сути направленная на выяснение

законности их получения, а оценка – это мыслительно-логическая деятельность, основанная на внутреннем убеждении. Способы проверки регламентированы законом, а процесс формирования внутреннего убеждения регламентирован быть не может.

Взаимосвязаны и взаимодействуют между собой не только элементы доказывания, но и весь его процесс, начиная с момента начала собирания доказательств, заканчивая принятием законного, обоснованного, мотивированного и справедливого процессуального решения по делу. Процедура доказывания запускается с момента совершения преступления, точнее с того момента, как о совершенном преступлении становится известно соответствующим субъектам доказывания, а завершается принятием процессуального решения по уголовному делу (например, вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного преследования либо вынесением приговора). Все происходящее в рамках этих этапов взаимосвязано между собой и подчинено одной цели – принятию процессуального решения по уголовному делу. Вынесение законного, обоснованного и справедливого процессуального решения по делу зависит от качества доказательств, полученных в процессе доказывания, то есть в процессе их собирания, проверки и оценки.

Состязательность и равноправие сторон в уголовном процессе не могут рассматриваться по отдельности, следовательно, с помощью метода формально-логического определения для них можно сконструировать единую правовую дефиницию. *Состязательность и равноправие сторон – это принцип уголовного судопроизводства, основанный на таком его построении, при котором функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на одно и то же лицо, а для участников уголовного процесса, выступающих на стороне обвинения и защиты, предусмотрены равные права и возможности для отстаивания своих интересов на всех этапах производства по уголовному делу, в том числе, и при формировании доказательств.*

В лаконичном варианте, пригодном для внесения соответствующего дополнения в ч. 1 ст. 15 УПК РФ, искомую дефиницию можно изложить следующим образом: *Состязательность и равноправие сторон – это принцип уголовного судопроизводства, основанный на таком его построении, при котором функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на одно и то же лицо, а для участников уголовного процесса, выступающих на стороне обвинения и защиты, предусмотрены равные права и возможности для отстаивания своих интересов на всех этапах производства по уголовному делу, в том числе при формировании доказательств.*

Закон лишь декларативно провозглашает право защитника собирать доказательства с момента его допуска к участию в уголовном деле. Но для того чтобы сведения, собранные защитником, могли бесспорно приобрести статус допустимых доказательств, необходим правовой механизм, исключающий препятствия для приобщения их к уголовному делу. В частности, соответствующее ходатайство адвоката о приобщении доказательств или о производстве следственного действия должно быть защищено от саботажа или неудовлетворения должностными лицами, в производстве которых находится уголовное дело. Приобщение документов и предметов, собранных адвокатом, не должно зависеть от усмотрения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Придание сформированным защитником сведениям статуса полноценного допустимого доказательства поможет сделать уголовное судопроизводство реально состязательным, справедливым, снизить количество ошибок, допускаемых органами предварительного расследования, и повысить доверие общества к судебной системе, а также будет способствовать практической реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Отказ в признании доказательств, собранных защитником, допустимыми, обесценивает роль стороны защиты и существенно ограничивает возможности

по отстаиванию прав обвиняемого. Процессуальное равенство требует, чтобы все материалы дела оценивались судом на основе их относимости, допустимости и достоверности, независимо от того, кто их предоставил. В противном случае состязательность процесса и равноправие сторон превращается в формальность, так как исключение доказательств, представленных защитой, по формальным основаниям подрывает доверие к правосудию и может привести к ошибочным судебным решениям.

3. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ и федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» отсутствуют нормы, регулирующие процессуальный порядок формирования (собирания, фиксации, оформления) полученных защитником доказательств в виде предметов, документов и иных сведений. Данные нормативно-правовые акты не устанавливают, в какой форме защитник закрепляет и фиксирует результаты опроса лиц для целей доказывания. В то же время, исходя из сущности принципа состязательности сторон, содержащего компонент равноправия, сведения, собранные защитником, должны иметь статус полноценного, допустимого доказательства по уголовному делу. Отказ в признании доказательств, собранных защитником, допустимыми обесценивает роль стороны защиты и существенно ограничивает возможности по отстаиванию прав обвиняемого. Процессуальное равенство требует, чтобы все материалы дела оценивались судом на основе их относимости, допустимости и достоверности, независимо от того, кто их предоставил. В противном случае состязательность процесса и равноправие сторон превращается в формальность, так как исключение доказательств, представленных защитой, по формальным основаниям подрывает доверие к правосудию и может привести к ошибочным судебным решениям. В УПК РФ необходимо включить нормы, регламентирующие порядок получения и оформления доказательств защитником.

С этой целью разработаны: регламент порядка получения и закрепления защитником доказательств при осуществлении им своих

профессиональных обязанностей по уголовному делу (приложение 4); форма протокола получения предметов, документов, иных сведений защитником (приложение 5); форма протокола опроса защитником лица с его согласия (приложение 6), которые соответствуют общим правилам собирания и закрепления доказательств, установленным УПК РФ.

В целях реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве необходимо приравнивание статуса адвокатского запроса к запросам органов, осуществляющих уголовное преследование, для чего следует закрепить в УПК РФ реальное право адвоката-защитника на получение запрашиваемой им информации безвозмездно и в установленные разумные сроки (пять рабочих дней).

Ходатайства о признании доказательств недопустимыми, решения суда по ним и мотивированные возражения процессуальных оппонентов должны иметь исключительно письменную форму. Такой подход не нарушает закрепленного в ст. 240 УПК РФ условия о непосредственности и устности судебного разбирательства и будет способствовать соблюдению в судебном заседании принципа законности, а также предоставит суду и процессуальным оппонентам возможность анализировать и давать аргументированную юридическую оценку каждому доводу ходатайства, а последующие судебные инстанции будут иметь возможность проверить все доводы сторон.

Судебный акт, выносимый по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми, согласно УПК РФ, не относится к процессуальным решениям, требующим специального обоснования. Однако это противоречит ч. 4 ст. 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности определений суда, так как каждому доводу ходатайства необходимо дать аргументированную оценку.

Суд должен рассмотреть ходатайство о признании доказательств недопустимыми и вынести по нему законное, обоснованное и мотивированное решение немедленно после его заявления в судебном заседании с обязательным удалением в совещательную комнату до принятия итогового решения по делу.

Ходатайства о признании доказательств недопустимыми, решения суда по ним и мотивированные возражения процессуальных оппонентов должны иметь исключительно письменную форму. Такой подход не нарушает закрепленного в ст. 240 УПК РФ условия о непосредственности и устности судебного разбирательства и будет способствовать соблюдению в судебном заседании принципа законности.

Согласно Конституции РФ, суд является гарантом законности и правосудности судебных решений, которые не могут быть основаны на недопустимых доказательствах. Следовательно, в случае выявления им в материалах уголовного дела доказательств, не отвечающих требованиям допустимости, суд по собственной инициативе обязан в совещательной комнате при вынесении итогового процессуального решения по делу признать их недопустимыми, даже если об этом сторонами не было заявлено соответствующих ходатайств. Выполняя возложенную на него функцию осуществления правосудия и разрешения уголовного дела, суд имеет целью вынесение законного и обоснованного приговора с назначением справедливого наказания, не принимая ни сторону обвинения, ни сторону защиты. Именно такое поведение суда соответствует принципу законности, поскольку незаконным будет считаться приговор, основанный на доказательствах, полученных с нарушением предусмотренных требований. Такая точка зрения соответствует и правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Представляется необходимым нормативное закрепление возможности обжалования судебного акта, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми, по правилам обжалования судебных постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста) в течение трех суток со дня вынесения.

Таким образом, проведенное исследование подчеркивает сложность и многоаспектность изучаемых правовых явлений и позволяет представить целостную картину категориально-системного понятийного аппарата в сфере

формирования допустимых доказательств в состязательном уголовном процессе, а также наметить приоритетные направления совершенствования действующего законодательства в исследуемой сфере правоотношений. В работе показано ключевое значение понимания базовых правовых категорий для обеспечения законного и справедливого разрешения уголовного дела на основе принципа состязательности и равноправия сторон с учетом гарантий защиты прав участников уголовного процесса.

Изложенные в работе предложения и рекомендации по совершенствованию института допустимости доказательств и доказывания могут быть использованы в законотворческой деятельности по модернизации уголовно-процессуального законодательства, федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» ведомственных нормативно-правовых актов, а также создания условий для обеспечения прав стороны защиты при производстве по уголовным делам.

Полученные результаты диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего разрешения доктринальных проблем института допустимости доказательств в уголовном процессе. Разработанные и обоснованные в диссертации теоретические положения и выводы будут способствовать искоренению пробелов в правовом регулировании процессуальной деятельности защитника, прокурора и суда, повышению качества работы следователей и дознавателей, развитию общих положений уголовно-процессуальной теории, расширению научной базы и объема знаний в сфере формирования допустимых доказательств в уголовном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1.1. Международные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [Текст] // Российская газета. – 1995. – 5 апр.

2. Конвенция Содружества Независимых Государств от 4 ноября 1995 г., вступ. в силу 11 августа 1998 г. [Текст] // СЗ РФ. – 1999. – № 13. – С. 1489.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Вместе с «Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах»): принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН [Текст] // Бюллетень международный договоров. – 1993. – № 1.

1.2. Нормативно-правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 4 октября 2022 г., № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) [Текст] // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. 06 окт. № 0001202210060013.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М.Кульнева, В.С.Лалуева, Ю.В.Лукашова и И.П.Серебренникова» [Текст] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 2.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 325-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 4, 49, 52, 53 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. – 2005. – № 14, ст. 1271.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

11. Определение Конституционного Суда РФ от 23 мая 2006 г. № 154-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дружинина Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав статьями 75, 88, 109, 152 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

12. Определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

13. Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 686-О [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 28 февраля 2025 г., № 13-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 51 (ч. I), ст. 4921; 2025. – № 9, ст. 842.

16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 28 февраля 2025 г., № 31-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954; 2025. – № 9, ст. 860.

17. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. и доп. от 30 сентября 2024 г., № 334-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 1995. – № 47, ст. 4472; 2024. – № 41, ст. 6059.

18. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп. от 29 декабря 2022 г., № 638-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] // СЗ РФ. – 1995. – № 33, ст. 3349; 2023. – № 1 (ч. I), ст. 85.

19. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 22 апреля 2024 г., № 83-ФЗ) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 23, ст. 2102; 2024. – № 18, ст. 2396.

20. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г., № 288-ФЗ) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Текст] // СЗ РФ. – 2004. – № 34, ст. 3534; 2021. – № 27 (ч. I), ст. 5116.

21. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г., № 233-ФЗ) «О персональных данных» [Текст] // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I), ст. 3451; 2024. – № 33 (ч. I), ст. 4929.

22. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (с изм. и доп. от 14 октября 2024 г., № 348-ФЗ) «О Следственном комитете Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2011. – № 1, ст. 15; 2024. – № 43, ст. 6303.

23. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (с изм. и доп. от 27 февраля 2025 г., № 10-ФЗ) «О государственной регистрации недвижимости» [Текст] // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (ч. I), ст. 4344; 2025. – № 9, ст. 839.

24. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 35, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [Текст] // Рос. газета. – 2013. – 13 дек.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (с изм. и доп. от 3 марта 2015 г., № 9) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1; 2015. – № 5.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (с изм. и доп. от 17 декабря 2024 г., № 39) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 5; 2025. – № 2.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 (с изм. и доп. от 28 июня 2022 г., № 22) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 1; 2022. – № 9.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» (утратило силу) [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 8.

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.

31. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (с изм. и доп. от 15 апреля 2021 г.) [Текст] // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2017. – № 2.

1.3. Правовые акты, утратившие силу

32. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 2, ст. 163.

33. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая [Текст]. – СПб.: Изд. Гос. канцелярии, 1866. – 504 с.

34. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий [Текст] / под общ. ред. М.Н. Гернета. – Вып. 3. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1914. – 948 с.

35. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) [Текст] // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 592.

36. Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «Об адвокатуре в СССР» [Текст] // Ведомости ВС СССР. – 1979. – № 49, ст. 846.

37. Закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» [Текст] // Ведомости ВС РСФСР. – 1980. – № 48, ст. 1596.

38. Закон РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» [Текст] // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33, ст. 1313.

39. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Текст] // СУ РСФСР. – 1923. – № 7, ст. 106.

40. Постановление Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1, ст. 15.

41. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» [Текст] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44, ст. 1435.

II. Научная и специальная литература

2.1. Монографии

42. *Алексеев, С.С.* Проблемы теории права: курс лекций [Текст] / С.С. Алексеев. – В 2 т. Т. 2. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. – 396 с.

43. *Арабули, Д.Т.* Право защитника собирать и представлять доказательства: понятие, способы, проблемы реализации [Текст] / Д.Т. Арабули. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – 255 с.

44. Вопросы общей теории судебных доказательств [Текст] / В.Д. Арсеньев. – М.: Юрид. лит., 1964. – 138 с.

45. *Арсеньев, В.Д.* Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела [Текст] / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заболоцкий. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 152 с.

46. *Артамонова, Е.А.* Основы теории доказательств в современном уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.А. Артамонова. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 240 с.

47. *Балакшин, В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания [Текст] / В.С. Балакшин. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004. – 135 с.

48. *Балакшин, В.С.* Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация [Текст] / В.С. Балакшин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 2002. – 112 с.

49. *Беракашвили, Л.Ш.* Обеспечение прав и свобод человека правоохранительными органами РФ [Текст] / Л.Ш. Беракашвили, В.П. Игнатов. – М.: Щит, 2009. – 196 с.

50. *Белкин, А.Р.* Теория доказывания [Текст] / А.Р. Белкин. – М.: Норма, 1999. – 429 с.

51. *Белкин, Р.С.* Собирание, исследование и оценка доказательств [Текст] / Р.С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – 295 с.

52. *Белкин, Р.С.* Теория доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / Р.С. Белкин, А.А. Винберг. – 2-е изд. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.

53. *Бержель, Ж.-Л.* Общая теория права [Текст] / Ж.-Л. Бержель; под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. – М.: Изд. Дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.

54. *Боруленков, Ю.П.* Юридическое познание [Текст] / Ю.П. Боруленков. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 392 с.

55. *Брянская, Е.В.* Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции [Текст] / Е.В. Брянская. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2015. – 193 с.

56. *Васильев, А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права [Текст] / А.М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.

57. *Васяев, А.А.* Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе [Текст] / А.А. Васяев. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 302 с.

58. *Владимиров, Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах [Текст] / Л.Е. Владимиров. – СПб.: Законоведение, 1916. – 200 с.

59. *Вишневская, О.В.* Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии [Текст] / О.В. Вишневская, Н.И. Газетдинов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 347 с.

60. *Вышинский, А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве [Текст] / А.Я. Вышинский. – М.: Юрид. изд-во НКЮ, 1941. – 219 с.

61. *Вышинский, А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве [Текст] / А.Я. Вышинский. 3-е изд. – М.: Госюриздат, 1950. – 341 с.

62. *Вышинский, А.Я.* Судебные речи. [Текст] / А.Я. Вышинский. – 4-е изд. – М.: Госюриздат, 1955. – 568 с.

63. *Гаврилов, Б.Я.* Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве [Текст] / Б.Я. Гаврилов. – М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та, 2003. – 204 с.

64. *Горский, Г.Ф.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 303 с.

65. *Давлетов, А.А.* Основы уголовно-процессуального познания [Текст] / А.А. Давлетов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 152 с.

66. *Доля, Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст] / Е.А. Доля. – М.: Проспект, 2014. – 373 с.

67. *Жогин, Н.В.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе [Текст] / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М.: Юрид. лит, 1965. – 367 с.

68. *Зажицкий, В.И.* Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика [Текст] / В.И. Зажицкий. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 449 с.

69. *Зажицкий, В.И.* Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ [Текст] / В.И. Зажицкий. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2015. – 350 с.

70. *Зайцева, Е.А.* Формирование доказательств с использованием специальных познаний и научно-технических средств [Текст] / Е.А. Зайцева, А.И. Садовский. – Волгоград: Изд-во ВА МВД России 2013. – 292 с.

71. *Золотых, В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе [Текст] / В.В. Золотых. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. – 288 с.

72. *Зотов, Д.В.* Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве [Текст] / Д.В. Зотов. – Воронеж: Изд. дом Воронеж. гос. ун-та, 2017. – 222 с.

73. *Каз, Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе [Текст] / Ц.М. Каз. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1960. – 104 с.

74. *Каз, Ц.М.* Субъекты доказывания в советском уголовном процессе (Гос. органы) [Текст] / Ц.М. Каз. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1968. – 68 с.

75. *Каз, Ц.М.* Проблемы доказывания в суде первой инстанции (цели доказывания) [Текст] / Ц.М. Каз. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1978. – 80 с.

76. *Калинкина, Л.Д.* Заявление и разрешение ходатайств о признании доказательств недопустимыми в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: учеб. пособие [Текст] / Л.Д. Калинкина. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2014. – 301 с.

77. *Карнеева, Л.М.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе [Текст] / Л.М. Карнеева. – М.: Юрид. лит., 1994. – 48 с.

78. *Кипнис, Н.М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / Н.М. Кипнис. – М.: Юристъ, 1995. – 128 с.

79. *Кокорев, Л.Д.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 303 с.

80. *Кони, А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы [Текст] / А.Ф. Кони. – М.: Юрайт, 2019. – 152 с.

81. *Кудин, Ф.М.* Допустимость доказательств в российском уголовном процессе [Текст] / Ф.М. Кудин, Р.В. Костенко. – Краснодар: Экоинвест, 2002. – 160 с.

82. *Кудрявцева, А.В.* Функция защиты на стадии предварительного расследования [Текст] / А.В. Кудрявцева, Ю.И. Великосельский. – Челябинск: Полиграф Мастер, 2006. – 189 с.

83. *Курылев, С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии [Текст] / С.В. Курылев. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1969. – 204 с.

84. *Лазарева, В.А.* Адвокат в уголовном процессе. [Текст] / В.А. Лазарева, С.В. Юношев, А.С. Таран. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2008. – 174 с.

85. *Ларин, А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции [Текст] / А.М. Ларин. – М.: Юрид. лит., 1986. – 160 с.

86. *Ларин, А.М.* Рецензия на монографию Е.А. Доля «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» [Текст] / А.М. Ларин. – М.: Спарк, 1997. –180 с.

87. *Леви, А.А.* Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката [Текст] / А.А. Леви, М.В. Игнатьева, Е.И. Капица. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 190 с.

88. *Лупинская, П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве [Текст] / П.А. Лупинская. – 2-е изд. – М.: Норма, 2010. – 230 с.

89. *Ляхов, Ю.А.* Допустимость доказательств в российском уголовном процессе [Текст] / Ю.А. Ляхов. – М.: Экспертное бюро, 1999. – 80 с.

90. *Макарова, З.В.* Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых [Текст] / З.В. Макарова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 440 с.

91. *Мотовиловкер, Я.О.* Установление истины в советском уголовном процессе [Текст] / Я.О. Мотовиловкер. – Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1974. – 71 с.

92. *Мухудинова, Н.Р.* Процессуальная деятельность защитника по собиранию и представлению доказательств в российском уголовном судопроизводстве [Текст] / Н.Р. Мухудинова. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2008. – 64 с.

93. *Орлов, Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе [Текст] / Ю.К. Орлов. – М.: Юристъ, 2009. – 320 с.

94. *Очередин, В.Т.* Доказательства в уголовном процессе: сущность источники, способы собрания [Текст] / В.Т. Очередин. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 241 с.

95. *Панько, Н.К.* Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности [Текст] / Н.К. Панько. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. – 145 с.

96. *Парфенова, М.В.* Процессуальный статус и обеспечение прав подозреваемого [Текст] / М.В. Парфенова, И.И. Конах. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 305 с.

97. *Пашин, С.А.* Доказательства в российском уголовном процессе [Текст] / С.А. Пашин // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. – Ч. 2. – М.: Комплекс-Прогресс, 1996. – 415 с.

98. *Пашкевич П.Ф.* Объективная истина в уголовном судопроизводстве [Текст] / П.Ф. Пашкевич. – М.: Юрид. лит., 1961. – 171 с.

99. *Петрикин, В.Ю.* Реализация защитником права заявлять ходатайства о производстве следственных действий [Текст] / В. Ю. Петрикин // Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве / под

науч. ред. В.А. Семенцова. – Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2023. – С. 119-127.

100. *Петрухин, И.Л.* Теоретические основы реформы уголовного процесса в России [Текст] / И.Л. Петрухин. – Ч. 1. – М.: ТК Велби, 2004. – 220 с.

101. *Печников, Н.П.* Защита прав и свобод личности в уголовном процессе [Текст] / Н.П. Печников. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2006. – 451 с.

102. *Пиголкин, А.С.* Теория государства и права [Текст] / А.С. Пиголкин. – М.: Городец, 2006. – 231 с.

103. *Позднякова, Л.А.* Адвокат в уголовном процессе [Текст] / Л.А. Позднякова. – Екатеринбург: Автограф, 2008. – 175 с.

104. *Резник, Г.М.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств [Текст] / Г.М. Резник. – М.: Юрид. лит., 1977. – 118 с.

105. *Сапун, В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права [Текст] / В.А. Сапун. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гуман. ун-та. профс., 2002. – 321 с.

106. *Савицкий, В.М.* Государственное обвинение в суде [Текст] / В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1971. – 343 с.

107. *Савицкий, В.М.* Последние изменения в УПК: продолжение демократизации судопроизводства (вступительная статья к УПК РСФСР) [Текст] / В.М. Савицкий. – М.: Юрид. лит., 1994. – 245 с.

108. *Савицкий, В.М.* Перед судом присяжных: виновен или невиновен? [Текст] / В.М. Савицкий. – М.: Сериал, 1995. – 96 с.

109. *Семенцов, В.А.* Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования [Текст] / В.А. Семенцов, Г.Г. Скребец. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 351 с.

110. *Смирнов, А.В.* Состязательный процесс [Текст] / А.В. Смирнов. – СПб.: Альфа, 2001. – 320 с.

111. *Смоленский, Б.М.* Адвокатская деятельность в России [Текст] / Б.М. Смоленский. – М.: Март, 2004. – 340 с.

112. *Спасович, В.Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством [Текст] / В.Д. Спасович. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1861. – 93 с.

113. *Спасович, В.Д.* Избранные труды и речи [Текст] / В.Д. Спасович. – Тула: Автограф, 2000. – 637 с.

114. *Стецовский, Ю.И.* Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту [Текст] / Ю.И. Стецовский, А.М. Ларин. – М.: Наука, 1988. – 320 с.

115. *Стецовский, Ю.И.* Уголовно-процессуальная деятельность защитника [Текст] / Ю.И. Стецовский. – М.: Юрид. лит., 1982. – 176 с.

116. *Строгович, М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 230 с.

117. *Строгович, М.С.* Право обвиняемого на защиту [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1984. – 230 с.

118. *Строгович, М.С.* Избранные труды. Теория судебных доказательств. Т .3. [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1991. – 300 с.

119. *Сутягин, К.И.* Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу [Текст] / К.И. Сутягин.– М.: Юрлитинформ, 2008. – 75 с.

120. *Тертышник, В.М.* Теория доказательств [Текст] / В.М. Тертышник, С.В. Слинько. – Харьков: Арсис, 1998. – 256 с.

121. *Треушников, М.К.* Судебные доказательства [Текст] / М.К. Треушников. – М.: Городец, 2004. – 272 с.

122. *Трусов, А.И.* Основы теории судебных доказательств [Текст] / А.И. Трусов. – М.: Госюриздат, 1960. – 145 с.

123. *Ульянова, Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России [Текст] / Л.Т. Ульянова. – М.: Городец, 2008. – 173 с.

124. *Фаткуллин, Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания [Текст] / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 206 с.

125. *Фомин, М.А.* Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство) [Текст] / М.А. Фомин. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 536 с.

126. *Чайковская, М.А.* Свойства приговора [Текст] / М.А. Чайковская. – М.: Проспект, 2013. – 174 с.

127. *Царева, Н.П.* Документы-доказательства в уголовном судопроизводстве [Текст] / Н.П. Царева. – М.: Приор, 2003. – 157 с.

128. *Чеботарева, И.Н.* Обвиняемый в стадии предварительного расследования современного уголовного процесса: статус, гарантии прав и законных интересов [Текст] / И.Н. Чеботарева. – Курск: Изд-во Курск. гос. тех. ун-та, 2005. – 340 с.

129. *Чеботарева, И.Н.* Адвокат в уголовном судопроизводстве России [Текст] / И.Н. Чеботарева. – Курск: Изд-во Курск. гос. тех. ун-та, 2009. – 179 с.

130. *Шейфер, С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования [Текст] / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2008. – 240 с.

131. *Шейфер, С.А.* Собирание доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / С.А. Шейфер. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. – 189 с.

132. *Шейфер, С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования [Текст] / С.А. Шейфер. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2014. – 240 с.

133. *Якимович, Ю.К.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе России [Текст] / Ю.К. Якимович. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2015. – 501 с.

2.2. Учебная и справочная литература

134. Анализ и оценка прокурором результатов следственных действий, общие положения: конспект лекций [Текст] / под ред. Е.В. Баркаловой. – СПб.: Изд-во СПб. юрид. ин-та (филиала) Акад. Ген. прок. РФ, 2017. – 32 с.

135. *Арсеньев, В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств [Текст] / В.Д. Арсеньев. – М.: Юрид. лит., 1964. –179 с.

136. *Безлепкин, Б.Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. [Текст] / Б.Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2008. – 288 с.

137. *Безлепкин, Б.Т.* Уголовный процесс в вопросах и ответах: учеб. пособие [Текст] / Б.Т. Безлепкин. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011. – 300 с.

138. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР [Текст] / под общ. ред. А.А. Зданович. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1973. – 504 с.

139. *Боруленков, Ю.П.* Юридическое познание, доказательства и доказывание (методология, теория, практика) [Текст] / Ю.П. Боруленков; под науч. ред. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 536 с.

140. *Боуш, Г.Д.* Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. [Текст] / Г.Д. Боуш, В.В. Разумов. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 227 с.

141. *Вандышев, В.В.* Уголовный процесс: курс лекций [Текст] / В. В. Вандышев. – СПб.: Питер, 2002. – 528 с.

142. *Васяев, А.А.* Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе [Текст] / А.А. Васяев. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.

143. *Владимиров, В.Е.* Учение об уголовных доказательствах [Текст] / В.Е. Владимиров. – СПб.: Питер, 1916. – 200 с.

144. *Викторский, С.И.* Русский уголовный процесс [Текст] / С.И. Викторский. – М.: А.А. Карцева, 1997. – 448 с.

145. *Власов, А.А.* Судебная адвокатура: учеб. пособие для магистров [Текст] / А.А. Власов; под общей ред. Г.Б. Мирзоева. – М.: Юрайт, 2012. – 380 с.

146. *Волколуп, О.В.* Гарантии прав участников уголовного судопроизводства [Текст] / О.В. Волколуп, Ю.Б. Чупилкин. – Краснодар: Изд-во Куб. ун-та, 2004. – 340 с.

147. *Гармаев, Ю.П.* Пределы прав и полномочий адвоката: метод. Пособие [Текст] / Ю.П. Гармаев. – Иркутск: Изд-во ИПКПР ГП РФ, 2003. – 77 с.

148. *Глазунов, Б.Б.* Процессуальные решения в стадии предварительного расследования: учеб. пособие [Текст] / Б.Б. Глазунов. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2008. – 120 с.

149. *Громов, Н.А.* Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ: учеб.-практ. пособие [Текст] / Н.А. Громов, С.А. Курушин. – М.: Изд. дом И.И. Шумиловой, 2005. – 190 с.

150. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-метод. матер. / сост. А.С. Барабаш [Текст]. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1997. – 1094 с.

151. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве [Текст] / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 384 с.

152. *Духовской, М.В.* Русский уголовный процесс [Текст] / М.В. Духовской. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1905.– 448 с.

153. *Зуев, Ю.Г.* Уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей: курс лекций [Текст] / Ю.Г. Зуев. – Краснодар: Проспект, 2019. – 168 с.

154. *Исаев, М.А.* История Российского государства и права: учебник [Текст] / М.А. Исаев. – М.: Статут, 2012. – 840 с.

155. *Иванников, И.А.* Теория государства и права: учебник. [Текст] / И.А. Иванников. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 392 с.

156. *Кальницкий, В.В.* Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования [Текст] / В.В. Кальницкий. – Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2019. – 136 с.

157. *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права: учебник [Текст] / С.А. Комаров. – 3-е изд., перераб. и доп. [Текст]. – М.: Юрайт, 1997. – 416 с.

158. *Кони, А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения [Текст] / А.Ф. Кони. – М.: Госюриздат, 1956. – 888 с.

159. *Кореневский, Ю.В.* Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству: практическое пособие [Текст] / Ю.В. Кореневский. – М.: Юрист, 2004. – 159 с.

160. *Костенко, Р.В.* Теоретические основы доказывания в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие [Текст] / Р.В. Костенко. – М.: Изд-во Рос. гос. ун-та правосудия, 2020. – 61 с.

161. *Кулапов, В.Л.* Теория государства и права: учебник [Текст] / В.Л. Кулапов. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2011. – 340 с.

162. Курс уголовного процесса [Текст] / под ред. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.

163. *Лазарева, В.А.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие [Текст] / В.А. Лазарева. – М.: Высшее образование, 2009. – 302 с.

164. *Лазарева, В.А.* Доказывание в уголовном процессе: учебно-практ. пособие [Текст] / В.А. Лазарева. – М.: Юрайт, 2010. – 359 с.

165. *Лазарева, В.А.* Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие для магистров [Текст] / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. – М.: Юрайт, 2011. – 235 с.

166. *Лазарева, В.А.* Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие [Текст] / В.А. Лазарева. – М.: Юрайт, 2013. – 344 с.

167. *Лазарев, В.В.* Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата [Текст] / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 521 с.

168. *Лаков, А.В.* Актуальные проблемы уголовного процесса: учебник для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации [Текст] / А.В. Лаков. – СПб.: Центр науч.-информ. технол. Астерион, 2022. – С. 585-631.

169. *Леви, А.А.* Избранные научные труды [Текст] / А.А. Леви. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – 647 с.

170. *Литвинова, И.В.* Основания и порядок принятия прокурором решения о признании доказательств недопустимыми: учеб. пособие [Текст] / И.В. Литвинова. – Иркутск: Изд-во Ирк. юрид. ин-та Ген. прок. РФ, 2003. – 25 с.

171. *Лупинская, П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие [Текст] / П.А. Лупинская. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1966. – 102 с.

172. *Макарова, З.В.* Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых [Текст] / З.В. Макарова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 250 с.

173. *Матузов, Н.И.* Теория государства и права [Текст] / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 2005. – 541 с.

174. *Манова, Н.С.* Уголовный процесс [Текст] / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров. – М.: Юрайт, 2005. – 410 с.

175. *Мельников, В.Ю.* Современные вопросы уголовного судопроизводства [Текст] / В.Ю. Мельников. – Ростов-н/Д: Фонд науки и образования, 2021. – 514 с.

176. *Мельников, В.Ю.* Нарушения уголовно-процессуального законодательства и пути их устранения: учебник [Текст] / В.Ю. Мельников, Г.Б. Магомедов, М.О. Саидов. – Ростов-н/Д: Фонд науки и образования, 2020. – 274 с.

177. *Миньковский, Г.М.* Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [Текст] / Г.М. Миньковский; под ред. Л.Н. Смирнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1970. – 560 с.

178. *Михайловская, И.Б.* Большая российская энциклопедия [Текст] / И.Б. Михайловская; гл. ред. Ю.С. Осипов. – Т. 23. – М.: Океан, 2017. – 766 с.

179. *Мурсалимов, К.Р.* Теория государства и права: учеб. пособие [Текст] / К.Р. Мурсалимов, А.Г. Хабибулин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 512 с.

180. Новая философская энциклопедия [Текст]. – В 4 т. / пред. науч.-ред. сов. В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – 692 с.

181. О проверке доказательств. Уголовный процесс России: лекции-очерки [Текст] / под ред. В.М. Савицкого. – М.: Бек, 1997. – 314 с.

182. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Рус. Яз., 1990. – 922 с.

183. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1995. – 2314 с.

184. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

185. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлении по Судебным уставам 1864 г. Теоретическое и практическое руководство, составленное А. Квачевским [Текст]. – Ч. 1. – СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. – 352 с.

186. *Перлов, И.Д.* Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [Текст] / И.Д. Перлов; под ред. Л.Н. Смирнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1970. – 560 с.

187. *Познышев, С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса [Текст] / С.В. Познышев. – М.: Изд-во Г.А. Леман, 1913. – 337 с.

188. *Радько, Т.Н.*. Теория государства и права: учебник для бакалавров [Текст] / Т.Н. Радько, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова. – М.: Проспект, 2019. – 568 с.

189. *Розин, Н.Н.* Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. [Текст] / Н.Н. Розин. – СПб.: Право, 1914. – 547 с.

190. *Россинский, С.Б.* Уголовный процесс [Текст] / С.Б. Россинский. – М.: Эксмо, 2009. – 321 с.

191. *Ромашов, Р.А.* Основы теории государства и права: учебник [Текст] / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 191 с.

192. *Савельева, Н.В.* Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе: учеб. пособие для преподавателей юридических учебных заведений, практических работников правоохранительных органов, судей [Текст] / Н.В. Савельева. – Краснодар: Изд-во Куб. гос. агр. ун-та им. И.Т. Трубилина, 2019. – 95 с.

193. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1963 гг. / отв. ред. В.И. Теребилов. – М.: Известия, 1964. – 479 с.

194. *Семенцов, В.А.* Следственные действия в досудебном производстве [Текст] / В.А. Семенцов. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 254 с.

195. Словарь иностранных слов [Текст]. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с.

196. Словарь по уголовному, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному праву [Текст] / сост. А.А. Тихонов. – Тула: Изд-во Тул. фил. Рос. прав. акад Минюста России, 2005. – 456 с.

197. Словарь синонимов. Академия наук СССР [Текст] // Институт русского языка. – Л.: Наука, 1975. – 619 с.

198. *Случевский, В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство [Текст] / В.К. Случевский. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 684 с.

199. *Смирнов, А.В.* Уголовный процесс: учебник для вузов [Текст] / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб.: Питер, 2005. – 272 с.

200. Советский уголовный процесс [Текст] / под ред. Д.С. Карева. – М.: Высш. шк., 1968. – 552 с.

201. Советский уголовный процесс: учебник [Текст] / под общ. ред. М.И. Бажанова, Ю.М. Грошевой. – 2-е изд., доп. – Киев: Вища шк., 1983. – 439 с.

202. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е, изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 1632 с.

203. *Спасович, В.Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством [Текст] / В.Д. Спасович. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1861. – 508 с.

204. *Строгович, М.С.* Курс советского уголовного процесса [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.

205. Теория государства и права: учебник [Текст] / М.Б. Смоленский, Г.А. Борисов, М.В. Мархгейм, Е.Е. Тонко. – Ростов-н/Д: Феникс, 2011. – 478 с.

206. Теория государства и права: курс лекций [Текст] / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 768 с.

207. Теория государства и права: учебник [Текст] / под ред. В.В. Лазарева, А.Г. Хабибулина. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 624 с.

208. Теория доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / отв. ред. Н.В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.

209. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики [Текст] / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 476 с.

210. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник [Текст] / отв. ред. П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 254 с.

211. Уголовный процесс России. Лекции – очерки [Текст] / под ред.: В.М. Савицкого. – М.: Бек, 1997. – 314 с.

212. *Ульянова, Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учеб. пособие [Текст] / Л.Т. Ульянова. – М.: Городец, 2008. – 176 с.

213. *Фаткуллин, Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания [Текст] / Ф.Н. Фаткуллин. – 2-е изд. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1976. – 206 с.

214. *Фойницкий, И.Я.* Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И.Я. Фойницкий. – Т. 2. – СПб.: Сенатская тип., 1996. – 607 с.

215. Хрестоматия по уголовному процессу России: учеб. пособие [Текст] / под ред. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 272 с.

216. *Чельцов, М.А.* Советский уголовный процесс [Текст] / М.А. Чельцов. – М.: Госюриздат, 1962. – 511 с.

217. *Чуфаровский, Ю.В.* Юридическая психология: учебник [Текст] / Ю.В. Чуфаровский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2006. – 320 с.

218. Юридический словарь [Текст] / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики. – 2007. – 1376 с.

219. *Якимович, Ю.К.* Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие): учеб.-практ. пособие [Текст] / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 295 с.

2.3. Статьи в научных журналах и иных изданиях

220. *Авилов, А.В.* Понятие и элементы процесса доказывания по уголовным делам [Текст] / А.В. Авилов // Общество и право. – 2009. – № 5(27). – С. 228-231.

221. *Агутин, А.В.* К вопросу о понятии доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / А.В. Агутин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 2. – С. 49-52.

222. *Азаров, В.А.* Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система [Текст] / В.А. Азаров, А.В. Боярская // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 37. – С. 5-20.

223. *Алтунина, А.А.* Информационная природа доказательств в уголовном процессе [Текст] / А.А. Алтунина // Actual scientific research 2018: матер. XXXVII междунар. науч.-практ. конф. (27 апреля 2018 г.). – М.: Научный центр «Олимп», 2018. – С. 426-427.

224. *Александров, А.С.* О значении концепции объективной истины [Текст] / А.С. Александров // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 23–24.

225. *Арсеньев, В.Д.* К вопросу об объекте и предмете советского уголовного процесса и уголовно-процессуального доказывания [Текст] / В.Д. Арсеньев // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1981. – С. 22-30.

226. *Баева, К.М.* «Собирание» доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения [Текст] / К.М. Баева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 178-183.

227. *Балакшин, В.С.* Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью [Текст] / В.С. Балакшин // Законность. – 2014. – № 3. – С. 386-390.

228. *Баранова, М.А.* Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев [Текст] / М.В. Баранова, В.Л. Григорян // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 10. – С. 15-22.

229. *Бахмадов, Б.Д.* Субъекты доказывания в уголовном процессе [Текст] / Б.Д. Бахмадов // Право и практика. – 2021. – № 3. – С. 98-102.

230. *Безруков, С.С.* Актуальные проблемы определения содержания принципа законности в уголовном судопроизводстве [Текст] / С.С. Безруков // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2019. – № 1. – С. 5-15.

231. *Белоковыльский, М.С.* Судебная реформа 1864 г. и вопросы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / М.С. Белоковыльский // Юридическая наука: история и современность: федеральный научно-практический журнал. – 2018. – № 5. – С. 158-164.

232. *Боловнев, М.А.* Понятие «справедливость» в гражданском судопроизводстве: юридико-лингвистический анализ [Текст] / М.А. Боловнев, Е.Е. Руф // Юрислингвистика. – 2017. – № 6. – С. 32-40.

233. *Богдановская, Д.А.* Конституционное право на защиту в сфере уголовного судопроизводства: проблемы реализации [Текст] / Д.А. Богдановская // Адвокат. – 2005. – № 2. – С. 12-15.

234. *Бородинова, Т.Г.* Обвинение и защита: проблема равных возможностей [Текст] / Т.Г. Бородинова, И.Ф. Демидов // Журнал российского права. – 2005. – № 2. – С. 35-43.

235. *Боуш, Г.Д.* Формирование систем понятия для изучения объектов в экономике: опыт применения аппарата теории динамических информационных систем к бизнес кластерам [Текст] / Г.Д. Боуш, В.И. Разумов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2011. – Т. 9, № 4. – С. 30-37.

236. *Бочинин, С.А.* К вопросу о понятии доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве [Текст] / С.А. Бочинин // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 4. – С. 210-216.

237. *Быков, В.М.* Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ [Текст] / В.М. Быков, Т.Ю. Ситникова // Правоведение. – 2004. – № 5. – С.142-150.

238. *Васильев, Ю.С.* Теории систем и системный анализ: истоки и перспективы / Ю.С. Васильев, В.Н. Волкова, В.Н. Козлов // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. XXV междунар. науч. и учеб.-практ. конф. (13-14 октября 2021 г.). – Ч. 1. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. полит. ун-та Петра Великого, 2021. – С. 7-29.

239. *Воскобитова, Л.А.* Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве [Текст] / Л.А. Воскобитова, С.Б. Россинский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 130-143.

240. *Гладышева, О.В.* Современные представления о состязательности досудебного производства и проблемы ее обеспечения [Текст] / О.В. Гладышева // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 74-80.

241. *Гладышева, О.В.* Современное уголовно-процессуальное законодательство: тенденции и проблемы совершенствования [Текст] / О.В. Гладышева // Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. матер. всерос. конф. (15-16 октября 2015 г.). – Орел: Изд-во Орл. юрид. ин-та МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. – С. 128-137.

242. *Гладышева, О.В.* Современные тенденции развития доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве [Текст] / О.В. Гладышева // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности (14-15 марта 2024 г.). – Ижевск: Изд-во Удмт. гос. ун-та, 2024. – С. 10-22.

243. *Голунский, С.А.* Об оценке доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / С.А. Голунский // Советское государство и право. – 1955. – № 7. – С. 71-73.

244. *Гончан, Ю.А.* Функции доказывания и принятия решений в уголовном процессе [Текст] / Ю.А. Гончан, Н.Н. Пиксин // Российский следователь. – 2007. – № 3. – С. 7-9.

245. *Григорьев, В.Н.* Нормы-дефиниции: нужны ли они в уголовно-процессуальном праве (компаративистский взгляд)? [Текст] / В.Н. Григорьев, И.А. Зинченко // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 4. – С. 4-9.

246. *Гришин, А.В.* Право реабилитированного лица на возмещение вреда: некоторые аспекты современной уголовно-правовой политики [Текст] / А.В. Гришин, В.Р. Волкова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2020. – № 3. – С. 53-58.

247. *Гришина, Е.П.* Актуальные вопросы допустимости доказательств в уголовном процессе [Текст] / Е.П. Гришина // Российский следователь. – 2002. – № 6. – С. 36-37.

248. *Францифиров, Ю.В.* Сущность уголовно-процессуального доказывания [Текст] / Н.А. Громова, Л.В. Макаров, Ю.В. Францифоров // Следователь. – 2001. – № 1. – С. 4-11.

249. *Давлетов, А.А.* Право защитника собирать доказательства [Текст] / А.А. Давлетов // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 50-55.

250. *Давлетов, А.А.* Третий статус адвоката в уголовном процессе [Текст] / А.А. Давлетов // Адвокатская практика. – 2015. – № 4. – С. 9-13.

251. *Давыдова, Н.Н.* Цели доказывания в уголовном процессе России [Текст] / Н.Н. Давыдова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6. – С. 170-175.

252. *Джалалов, М.Д.* Признание доказательств недопустимыми в уголовном процессе России. Проблемы и возможные пути решения [Текст] / М.Д. Джалалов // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 121-122.

253. *Долгов, А. М.* Прокурор как субъект собирания доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [Текст] / А. М. Долгов // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: сб. матер. науч.-практ. конф. (5 апреля 2024 г.). – Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2024. – С. 168-173.

254. *Домбровский, Р.Г.* Криминалистическое познание как форма практической деятельности [Текст] / Р.Г. Домбровский // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. – Калининград: Изд-во КГУ, 1982. – С. 80-85.

255. *Дорошков, В.В.* Отдельные доктринальные проблемы отечественного уголовного процесса и перспективы его дальнейшего развития [Текст] / В.В. Дорошков // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: сб. матер. 2 междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 2. – М.: Изд-во РАП, 2012. – С. 33-41.

256. *Евдеева, Н.В.,* Законность как принцип юридической практики [Текст] / Н.В. Евдеева, А.А. Китрякин, П.А. Петров // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 65-70.

257. *Жаркой, М.Э.* Проблема законности в упрощенном характере уголовного процесса в России: вчера и сегодня [Текст] / М.Э. Жаркой // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 86-94.

258. *Жуков, Е.Н.* Допустимость доказательств в контексте права на справедливое судебное разбирательство [Текст] / Е.Н. Жуков, Е.Г. Облогина // Право и практика. – 2018. – № 3. – С. 74-80.

259. *Жусипбекова, А.М.* Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу [Текст] / А.М. Жусипбекова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 19-23.

260. *Зажицкий, В.И.* Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ [Текст] / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 67-74.

261. *Зебницкая, А.К.* Ходатайства в современном уголовном судопроизводстве России и зарубежных государств [Текст] / А.К. Зебницкая // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 2. – С. 25-28.

262. *Зинатуллин, Т.З.* Проблема истины в свете предназначения уголовного процесса [Текст] / Т.З. Зинатуллин // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.А. Киселевой. – Ч. 3. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та (нац. исслед. ун-та), 2002. – С. 46-47.

263. *Зинченко, И.А.* Развитие института допустимых доказательств в уголовно-процессуальном праве: проблемы и перспективы [Текст] / И.А. Зинченко, М.В. Слифиш // Мировой судья. – 2021. – № 8. – С. 18-23.

264. *Игнатов, С.Д.* Судебная реформа 1864 г. и вопросы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве. Запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона как правовое основание уголовно-процессуальной ответственности [Текст] / С.Д. Игнатов, М.С. Белоковыльский // Адвокат. – 2012. – № 5. – С. 26-32.

265. *Иовин, А.А.* К вопросу о понятии и содержании допустимости доказательств [Текст] / А.А. Иовин // Достижения науки и образования. – 2021. – № 7. – С. 42-43.

266. *Каз, Ц.М.* Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе [Текст] / Ц.М. Каз // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. – Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та им. Д. И. Курского, 1962. – С. 289-295.

267. *Каз, Ц.М.* Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / Ц.М. Каз // Ученые записки Саратовского юридического института. – 1964. – Вып. 11. – С. 38-49.

268. *Калинкина, Л.Д.* Ходатайства адвоката защитника о признании доказательств недопустимыми при производстве в суде с участием присяжных заседателей [Текст] / Л.Д. Калинкина, В.В. Соткова, С.Н. Фирсов // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С.297-301.

269. *Калайчиев, М.Г.* Особенности доказывания в уголовном процессе [Текст] / М.Г. Калайчиев // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. тр. по матер. регион. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, соискателей и магистрантов (21-25 мая 2021 г.) / сост. А.А. Тушев; под ред. В.Д. Зеленского. – Краснодар: Изд-во Куб. гос. аграр. ун-та им. И.Т. Трубилина. – 2021. – С. 57-60.

270. *Карякин, Е.В.* Допустимость доказательств, собранных защитником, и осуществление функции защиты в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.В. Карякин // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 15-20.

271. *Кондрашин, П.В.* Оценка доказательств и ее влияние на состав суда [Текст] / П.В. Кондрашин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 147-153.

272. *Конин, В.В.* Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов [Текст] / В.В. Конин, К.А. Корсаков // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 81-85.

273. *Конин, В.В.* Собирание и оценка доказательств в уголовном процессе [Текст] / В.В. Конин // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: матер. кр. ст. (19 декабря 2017 г.). – М.: Изд-во РГУП, 2018. – С. 90-94.

274. *Копейкина, И.В.* Недопустимые доказательства в уголовном процессе [Текст] / И.В. Копейкина // Вестник науки и образования. – 2021. – № 7-1. – С. 65-68.

275. *Копейкина, И.В.* Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе [Текст] / И.В. Копейкина // Вестник науки и образования. – 2021. – № 4-1. – С. 65-68.

276. *Копейкина, И.В.* Собирание доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве [Текст] / И.В. Копейкина // Научный журнал. – 2021. – № 3. – С. 65-68.

277. *Костенко, Р.В.* Исключение доказательств, полученных с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в ходе судебного производства по уголовным делам [Текст] / Р.В. Костенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 98-101.

278. *Костенко, Р.В.* О проверке доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / Р.В. Костенко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 51-57.

279. *Костенко, Р.В.* Третье правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе [Текст] / Р.В. Костенко // Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики в современном мире: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. (22 декабря 2020 г.) / отв. ред. Т.Г. Бородинова. – Краснодар: Изд. дом Юг, 2021. – С. 81-87.

280. *Костенко, Р.В.* Четвертое правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе [Текст] / Р.В. Костенко // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (2 апреля 2021 г.). – Ч. 1. – Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2021. – С. 161-170.

281. *Корякина, З.И.* Теоретическая и нормативная основа права на защиту в уголовном судопроизводстве Российской Федерации [Текст] / З.И. Корякина // Актуальные проблемы адвокатской практики. – 2015. – № 3. – С. 20-24.

282. *Короленко, И.И.* Основания и последствия признания доказательств недопустимыми [Текст] / И.И. Короленко, Р.Г. Непранов // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 6. – С. 40-45.

283. *Крупницкая, В.И.* Допустимость доказательств как гарантия конституционных прав и свобод личности в сфере уголовного судопроизводства [Текст] / В.И. Крупницкая // Юристъ-Правоведъ. – 2007. – № 1. – С. 71-77.

284. *Кудрявцев, В.Л.* Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката-защитника [Текст] / В.Л. Кудрявцев // Российская юстиция. – 2006. – № 4. – С. 25-30.

285. *Кудрявцева, А.В.* Допустимость доказательств как гарантия их достоверности [Текст] / А.В. Кудрявцева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 83. – С. 18-20.

286. *Кудрявцева, А.В.* Использование знаний сведущих лиц в дореволюционном законодательстве России: вопросы теории [Текст] / А.В. Кудрявцева, А.В. Петров // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 2. – С. 224-228.

287. *Кузнецов, А.Н.* Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств [Текст] / А.Н. Кузнецов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2012. – № 1. – С. 88-91.

288. *Сутягин, К.И.* К вопросу о понятии и отраслевой принадлежности института допустимости доказательств [Текст] / Э.К. Кутуев, К.И. Сутягин // Вестник Санкт-Петербургского института МВД России. – 2006. – № 2. – С. 264-267.

289. *Кузнецов, Н.* Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы [Текст] / Н. Кузнецов, С. Дадонов // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 40-48.

290. *Кузнецов, А.Н.* Способы собирания доказательств: актуализация устава уголовного судопроизводства 1864 года [Текст] / А.Н. Кузнецов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 169-173.

291. *Лазарева, В.А.* Состязательность и доказывание в уголовном процессе [Текст] / В.А. Лазарева // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 98-102.

292. *Шейфер, С.А.* Концепция формирования доказательств [Текст] / В.А. Лазарева, С.А. Шейфер // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 43-48.

293. *Лукожев, Х.М.* Прокурор как субъект обязанности доказывания в досудебном производстве по уголовным делам [Текст] / Х.М. Лукожев, Ж.Т. Чич // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 4. – С. 43-47.

294. *Лукожев, Х.М.* Проверка доказательств прокурором в досудебных стадиях уголовного процесса [Текст] / Х.М. Лукожев, Ж. Т. Чич // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф (2 апреля 2021 г.). – Ч. 1. – Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2021. – С. 202-211.

295. *Лупинская, П.А.* Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств [Текст] / П.А. Лупинская // Российская юстиция. – 1994. – № 1. – С. 2-5.

296. *Лупинская, П.А.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе [Текст] / П.А. Лупинская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 5-8.

297. *Лютынский, А.М.* Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения [Текст] / А.М. Лютынский // Пенитенциарная наука. – 2015. – № 3. – С. 29-32.

298. *Манова, Н.С.* Как сделать адвокатское расследование эффективным средством доказывания [Текст] / Н.С. Манова, А.Ю. Чурикова // Уголовный процесс. – 2020. – № 9. – С. 62-69.

299. *Мамедов, Р.Я.* Общие проблемы представления вещественных доказательств на стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / Р.Я. Мамедов // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 1. – 218-222.

300. *Меринов, Э.А.* Допустимость в качестве доказательств фактических данных, полученных с соблюдением мер по защите свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве. Анализ уголовно-процессуального законодательства РФ и норм международного права [Текст] / Э.А. Меринов // Мировой судья. – 2005. – № 6. – С. 19-22.

301. *Миронов, В.Ю.* Оценка доказательств при проведении предварительного слушания [Текст] / В.Ю. Миронов // Российский судья. – 2007. – № 1. – С. 10-14.

302. *Миронова, Г.А.* Собирание и формирование уголовных доказательств как элементы процесса доказывания: понятие, содержание, соотношение [Текст] / Г.А. Миронова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3. – С. 200-207.

303. *Нагучева, Э.Д.* Основные требования к уголовно-процессуальной форме доказательств, обеспечивающих их допустимость [Текст] / Э.Д. Нагучева, Д.А. Влезько // Нацразвитие. Наука и образование. – 2021. – № 3. – С. 32-39.

304. *Насонова, И.А.* Уголовно-процессуальное понятие защиты [Текст] / И.А. Насонова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 167-172.

305. *Никитина, Е.В.* К вопросу о понятии и системе средств уголовно-процессуального доказывания [Текст] / Е.В. Никитина // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность, перспективы развития: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2020. – С. 101-103.

306. *Морозов, А.И.* Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) [Текст] / А.И. Морозов, К.Г. Прокофьев, А.Ю. Сергеева // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.

307. *Овчинников, Ю.Г.* Понятие уголовно-процессуальных гарантий [Текст] / Ю.Г. Овчинников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 19. – С. 42-45.

308. *Оленев, А.Б.* Право адвоката-защитника применять технические средства в рамках профессиональной деятельности: некоторые вопросы регламентации и реализации [Текст] / А.Б. Оленев // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 6. – С. 76-80.

309. *Паршуткин, В.В.* Опрос адвокатом лиц с их согласия [Текст] / В.В. Паршуткин // Возможности защиты в рамках нового УПК России: матер. науч.-практ. конф. адвокатов, проведенной Адвокатской палатой г. Москвы при содействии Коллегии адвокатов «Львова и Партнеры» (17 апреля 2003 г.). – М.: ЛексЭст, 2003. – С. 60-62.

310. *Пашин, С.А.* Проблемы реформы уголовно-процессуального законодательства в проектах УПК РФ [Текст] / С.А. Пашин // Проблемы укрепления законности и правопорядка: сб. матер. науч.-практ. конф. (15-16 декабря 1994 г.). – М.: Изд-во ВНИИ, 1995. – С. 34-37.

311. *Пашин, С.А.* Доказательства в российском уголовном процессе [Текст] / С.А. Пашин // Состязательное правосудие Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. – М.: Изд-во Междунар. ком. содействия правовой реформе, 1996. – 224 с.

312. Перетятько, Н.М. Вопросы совершенствования правовой регламентации института ходатайств в уголовном судопроизводстве России [Текст] / Н.М. Перетятько, А.Е. Федюнин // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 338-347.

313. *Петрухина, И.Л.* Реформа уголовного правосудия в России не завершилась [Текст] / И.Л. Петрухина // Законодательство. – 2006. – № 3. – С. 69-70.

314. *Пилюшин, И.П.* Исключение доказательства в предварительном слушании [Текст] / И.П. Пилюшин // Мировой судья. – 2016. – № 10. – С. 23-26.

315. *Победкин, А.В.* О некоторых проблемах допустимости доказательств в уголовном процессе [Текст] / А.В. Победкин, В.А. Гавриков // Государство и право. – 1999. – № 7. – С. 50-47.

316. *Медведева, С.В.* Особенности доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции [Текст] / А.М. Попов, С.В. Медведева // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 197-202.

317. *Рагулин, А.В.* Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения [Текст] / А.В. Рагулин // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 2. – С. 8-12.

318. *Разумов, В.И.* Инсейфинг – технология интерактивной интеллектуальноемкой коммуникации [Текст] / В.И. Разумов, Л.И. Рыженко, В.П. Сизиков // Вестник Омского университета. – 2015. – № 4. – С. 94-100.

319. *Рамазанов, Т.Б.* Исторические типы доказательственных теорий и их значение для формирования российской теории доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / Т.Б. Рамазанов, Э.Т. Рамазанова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – № 2. – С.140-143.

320. *Ремизова, М.С.* Некоторые особенности справедливости в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве: сравнительный аспект [Текст] / М.С. Ремизова // Цивилистика: право и процесс. – 2020. – № 3. – С. 123-127.

321. *Ремизова, М.С.* Проблемы признания допустимыми доказательствами показаний анонимных свидетелей и свидетелей, не явившихся в судебное заседание анализ практики ЕСПЧ [Текст] / М.С. Ремизова // Защита основных прав и свобод человека и гражданина: тенденции и перспективы: сб. ст. по матер. всерос. кр. стола, приуроч. к 70-летию Конвенции о защите прав человека и основных свобод (10 декабря 2020 г.). – М.: Изд-во РГУП, 2021. – С. 241-251.

322. *Ремизова, М.С.* Конструирование дефиниции «доказательства в уголовно-процессуальном праве» с применением метода одноуровневой триадической дешифровки [Текст] / М.С. Ремизова // Мировой судья. – 2022. – № 12. – С. 21-26.

323. *Ремизова, М.С.* Проблемы признания допустимыми доказательствами показаний анонимных свидетелей и свидетелей, не явившихся в судебное заседание [Текст] / М.С. Ремизова // Контроль над преступностью и обеспечение прав личности как приоритеты современной уголовно-процессуальной политики: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. в рамках Саратовского международного юридического форума, посвящ. 90-летнему юбилею Саратовской государственной юридической академии (8 июня 2021 г.). – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021.– С. 105-107.

324. *Ремизова, М.С.* Моделирование правовой категории «допустимость в уголовно-процессуальном праве» категориальным методом [Текст] / М.С. Ремизова // Российский судья. – 2023. – № 2. – С. 27-31.

325. *Ремизова, М.С.* Конструирование дефиниции собирание доказательств в уголовном процессе [Текст] / М.С. Ремизова // Вопросы современных научных исследований: сб. ст. XVII междунар. науч.-практ. конф. (30 декабря 2022 г.). – Саратов: НОП «Цифровая наука», 2022. – С. 669-675.

326. *Ремизова, М.С.* Особенности представления доказательств в суде I инстанции при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей: анализ судебной практики [Текст] / М.С. Ремизова // Традиции саратовской юридической школы – основа развития отечественного права в XXI веке: сб. тез. докл. по матер. XII всерос. с междунар. уч. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (18 марта 2022 г.). – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. – С. 158-160.

327. *Ремизова, М.С.* Процессуальные формы ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Формы и виды судебных актов, выносимых по результатам рассмотрения таких ходатайств [Текст] / М.С. Ремизова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 2. – С. 99-107.

328. *Ремизова, М.С.* Институт допустимости доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве в период с 1864 г. по 2001 г.: историко-правовой взгляд [Текст] / М.С. Ремизова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – № 2. – С. 159-166.

329. *Ремизова, М.С.* К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве [Текст] / М.С. Ремизова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 6. – С. 202-211.

330. *Ремизова, М.С.* Конструирование дефиниции собирание доказательств в уголовном процессе [Текст] / М.С. Ремизова // Вопросы современных научных исследований: сб. ст. XVII междунар. науч.-практ. конф. (30 декабря 2022 г.). – Саратов: НОП «Цифровая наука», 2022. – С. 669-675.

331. *Ремизова, М.С.* Конструирование дефиниции проверка доказательств в уголовном процессе [Текст] / М.С. Ремизова // Университетские правовые диалоги: матер. междунар. науч.-практ. конф. (30-31 марта 2023 г.). – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2023. – С. 386-390.

332. *Ремизова, М.С.* Тезаурус дефиниции «доказывание» в уголовно-процессуальном праве России [Текст] / М.С. Ремизова // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 2023 г.). – Ч. 1. – Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2022. – С. 162-170.

333. *Ремизова, М.С.* Моделирование юридической категории недопустимого доказательства в уголовно-процессуальном праве России [Текст] / М.С. Ремизова // Адвокатская практика. – 2023. – № 1. – С. 14-20.

334. *Ремизова, М.С.* Моделирование правовой категории «допустимость в уголовно-процессуальном праве» категориальным методом [Текст] / М.С. Ремизова // Российский судья. – 2023. – № 2. – С. 27-31.

335. *Ремизова, М.С.* Принцип состязательности как гарантия права на собирание доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / М.С. Ремизова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2. – С. 291-300.

336. *Ремизова, М.С.* Взаимодействие элементов доказывания в уголовно-процессуальном праве России [Текст] / М.С. Ремизова // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сб. науч. ст. XI междунар. науч. съезда российских и зарубежных ученых (18 марта 2023 г.). – М.: Перо, 2023. – С. 58-63.

337. *Ремизова, М.С* Конструирование дефиниции оценка доказательств в уголовном процессе [Текст] / М.С. Ремизова // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: сб. матер. XI междунар. науч.-практ. конф. (27-28 апреля 2023 г.). – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2023. – С. 95-100.

338. *Россинский, С.Б.* О сущности доказательств на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки: постановка проблемы [Текст] / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 6. – С. 93-100.

339. *Россинский, С.Б.* О структуре уголовно-процессуального доказывания [Текст] / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 39-50.

340. *Россинский, С.Б.* Собирание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения [Текст] / С.Б. Россинский // Российская юстиция. – 2017. – № 5. – С. 24–27.

341. *Россинский, С.Б.* Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу [Текст] / С.Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 91-103.

342. *Россинский, С.Б.* Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу [Текст] / С.Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 82.

343. *Россинский, С.Б.* Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суд [Текст] / С.Б. Россинский // Государство и право. – 2022. – № 9. – С. 84-93.

344. *Рудин, А.В.* Проверка доказательств в системе элементов процесса доказывания по уголовным делам [Текст] / А.В. Рудин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 179-183.

345. *Рябинина, Т.К.* Полномочия судьи в стадии назначения судебного заседания в уголовном процессе [Текст] / Т.К. Рябинина // Российский судья. – 2010. – № 4. – С. 21-26.

346. *Савицкий, В.М.* Уголовный процесс на новом витке демократизации [Текст] / В.М. Савицкий // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 100-108.

347. *Сауляк, О.П.* Обеспечение законности как гарантия реализация прав человека [Текст] / О.П. Сауляк, А.И. Экимов // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. – Н. Новгород: Изд-во Ин-та Открытое Общество, 2003. – С. 220-232.

348. *Семенцов, В.А.* Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания [Текст] / В.А. Семенцов // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сб. тр. межвуз. науч.-практ. конф. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2010. – С. 239-243.

349. *Семенцов, В.А.* Некоторые мифы и реальность современного отечественного уголовного судопроизводства [Текст] / В.А. Семенцов // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. матер. всерос. конф. (15-16 октября 2015 г.). Орел: Изд-во Орл. юрид. ин-та МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. – С. 297-307.

350. *Семенцов, В.А.* Закрепление доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.А. Семенцов, О.В. Гладышева // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2. – С. 22-24.

351. *Семенцов, В.А.* Трансформация научных представлений о предмете доказывания в российском уголовном судопроизводстве [Текст] / В.А. Семенцов, В.А. Цацуро // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2020. – Т. 30, № 6. – С. 881-885.

352. *Сельвестру, Ю.Р.* Доказывание-обоснование – самостоятельный элемент доказывания в уголовном судопроизводстве [Текст] / Ю.Р. Сельвестру // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2008. – № 1. – С. 255-258.

353. *Соколов, А.Ф.* Процессуальный порядок признания в суде доказательств не имеющими юридической силы [Текст] / А.Ф. Соколов // Российская юстиция. – 1994. – № 10. – С. 14-15.

354. *Соломонова, Е.П.* Обвинение и защита: проблема равных возможностей [Текст] / Е.П. Соломонова, К.А. Чупрова, Л.П. Плеснева // Вопросы науки и образования. – 2020. – № 13. – С. 61-68.

355. *Стельмах, В.Ю.* Сущность формирования доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.Ю. Стельмах // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 69-73.

356. *Столбова, Н.А.* Допустимость доказательств в системе уголовного судопроизводства [Текст] / Н.А. Столбов, В.Р. Столбова // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 6. – С. 198-202.

357. *Сухачева, Л.К.* Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия [Текст] / Л.К. Сукачева // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (8 сентября 2018 г.). Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2018. – С. 34-37.

358. *Твердова, Е.В.* Незаконное противодействие расследованию со стороны отдельных адвокатов [Текст] / Е.В. Твердова // Российский следователь. – 2007. – № 9. – С. 24-28.

359. *Терехин, В.В.* Допустимость уголовно-процессуальных доказательств: сущность, содержание, происхождение [Текст] / В.В. Терехин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 117-121.

360. *Терехин, В.В.* Допустимость доказательств: понятие и содержание в контексте формы уголовного процесса [Текст] / В.В.Терехин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2. – С. 459-461.

361. *Толмосов, В.И.* История становления и развития института допустимости доказательств в уголовном процессе России [Текст] / В.И. Толмосов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – № 2. – С. 170-176.

362. Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. Ч. 1 [Текст] / под ред. А.А. Гребенькова. – Курск: Изд-во Юго-Зап. гос. ун-та, 2019. – 380 с.

363. *Федюнин, А.Е.* Эволюция подхода к допустимости доказательств в отечественном уголовно-процессуальном праве от Уставов уголовного судопроизводства до УПК Российской Федерации [Текст] / А.Е. Федюнин, Н.М. Перетятько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 6. – С. 47-52.

364. *Хорошева, А.Е.* Проблемные вопросы рассмотрения ходатайств защиты о недопустимости доказательств в суде присяжных по уголовным делам об убийствах [Текст] / А.Е Хорошева // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 15-20.

365. *Цацуро, В.А.* Предмет доказывания в теории и практике современного уголовного судопроизводства [Текст] / В.А. Цацуро // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 70-76.

366. *Цацуро, В.А.* Современная стратегия развития предмета доказывания [Текст] / В.А. Цацуро // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского государственного университета (27 марта 2020 г.) / отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2020. – С. 372-378.

367. *Цацуро, В.А.* Обстоятельства, подлежащие доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / В.А. Цацуро // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: сб. матер. всерос. науч.-практ. симпоз. (23 марта 2019 г.). – Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2019. – С. 160-163.

368. *Цыбулевская, О.И.* Справедливость в праве: аксиологический подход [Текст] / О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – № 5. – С. 52-59.

369. *Зацепина, О.Г.* Специфика планирования исследования доказательств судом в уголовном судопроизводстве [Текст] / Л.В. Черечукина, О.Г. Зацепина // Проблемы права: теория и практика. – 2022. – № 58. – С. 239-252.

370. *Черкунова, Т.В.* Реалии реализации защитительной деятельности в уголовном процессе посредством заявления ходатайств [Текст] / Т.В. Черкунова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 2. – С. 186-191.

371. *Шадрин, В.С.* Недопустимость доказательств в уголовном процессе как антипод их допустимости [Текст] / В.С. Шадрин // КриминалистЪ. – 2011. – № 1. – С. 41-46.

372. *Шадрин, В.С.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе: научное наследие профессора С.А. Шейфера [Текст] / В.С. Шадрин // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – № 3. – С. 68-73.

373. *Шейфер, С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования [Текст] / С.А. Шейфер // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2008. – № 1. – С. 12-19.

374. *Шейфер, С.А.* Равенство прав и уравниловка: проблемы соотношения [Текст] / С.А. Шейфер // История государства и права. – 2015. – № 12. – С. 37-38.

375. *Шестакова, С.Д.* Допустимость доказательств в уголовном процессе России и США [Текст] / С.Д. Шестакова // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 100-102.

376. *Шестакова, С.Д.* Допустимость доказательств: подходы континентального и общего права [Текст] / С.Д. Шестакова // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): сб. матер. науч.-практ. конф., (27-28 января 2005 г.). – Ч. 2. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2005. – С. 403-409.

377. *Шумилова, Л.Ф.* Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики [Текст] / Л.Ф. Шумилова // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 54-61.

378. *Эйсман, А.А.* Структурный анализ и моделирование судебных доказательств [Текст] / А.А. Эйсман // Правовая кибернетика. – М.: Наука, 1970. – С. 149-184.

379. *Юношев, С.В.* Опыт регламентации полномочий защитника по уставу уголовного судопроизводства 1864 года и уголовно-процессуальному кодексу РФ [Текст] / С.В. Юношев, М.Ю. Жирова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 69-76.

380. *Юношев, С.В.* Очерк развития адвокатуры в России [Текст] / С.В. Юношев // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 88-92.

381. *Яновский, А.С.* Допустимые способы получения иных документов в качестве доказательств по уголовным делам [Текст] / А.С. Яновский // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 3. – С. 49-52.

382. *Яновский, А.С.* Иллюзия прав или на пути к состязательному процессу [Текст] / А.С. Яновский // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского государственного университета (27 марта 2020 г.) / отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2020. – С. 427-433.

2.4. Диссертации и авторефераты диссертаций

383. *Арендаренко, И.А.* Доказательственное право уголовного судопроизводства в его соотношении с нормами, регулирующими доказывание в гражданском, арбитражном процессах и производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.А. Арендаренко. – Краснодар, 2011. – 30 с.

384. *Балакшин, В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК российской Федерации): автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.С. Балакшин. – Екатеринбург, 2005. – 59 с.

385. *Бестаев, А.О.* Способы собирания доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.О. Бестаев. – Ростов-на-Дону, 2007. – 28 с.

386. *Белохортов, И.И.* Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.И. Белохортов. – Краснодар, 2011. – 24 с.

387. *Бородинова, Т.Г.* Сторона защиты и ее функция в судебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Т.Г. Бородинова. – Краснодар, 2005. – 28 с.

388. *Бочинин, С.А.* Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.А. Бочинин. – М., 2014. – 27 с.

389. *Верещагина, М.А.* Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / М.А. Верещагина. – Челябинск, 2008. – 27 с.

390. *Воробьева, Ю.Ю.* Современные проблемы процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Ю.Ю. Воробьева. – Оренбург, 2006. – 24 с.

391. *Воскобойников, Н.О.* Институт представительства в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.О. Воскобойников. – Калининград, 2007. – 27 с.

392. *Горбачев, А.В.* Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Горбачев. – М., 2004. – 28 с.

393. *Гладышева, О.В.* Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / О.В. Гладышева. – Краснодар, 2009. – 45 с.

394. *Грудинин, И.А.* Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / И.А. Грудинин. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.

395. *Демурчев Л.Г.* Собирание доказательств в ходе досудебного производства путем проведения иных процессуальных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л.Г. Демурчев. – Краснодар, 2012. – 27 с.

396. *Долгов, А.М.* Дознание как форма предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.М. Долгов. – Краснодар, 2016. – 26 с..

397. *Домбровский, Р.Г.* Познание и доказывание в расследовании преступлений: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Р.Г. Домбровский. – Рига, 1990. – 208 с.

398. *Зверев, И.В.* Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Зверев. – Волгоград, 2005. – 195 с.

399. *Зеликсон, Э.С.* Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Э.С. Зеликсон. – Алма-Ата, 1973. – 25 с.

400. *Зубарев, А.А.* Правовые последствия признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Зубарев. – М., 2010. – 29 с.

401. *Каблуков, И.В.* Актуальные вопросы обеспечения достаточности доказательств и иных данных в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Каблуков. – Челябинск, 2023. – 35 с.

402. *Кравченко, М.Е.* Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.Е. Кравченко. – Краснодар, 2017. – 30 с.

403. *Крупницкая, В.И.* Гарантии использования при разбирательстве уголовных дел допустимых доказательств: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.И. Крупницкая. – Ростов на Дону, 2005. – 28 с.

404. *Кожевникова, Ю.А.* Исключение недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ю.А. Кожевникова. – Воронеж, 2005. – 32 с.

405. *Коробко, К.И.* Концепция правового регулирования отношений по оказанию платных медицинских услуг: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / К.И. Коробко. – Казань, 2024. – 518 с.

406. *Конин, В.В.* Тактика профессиональной защиты подсудимого в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Конин. – Калининград, 2003. – 24 с.

407. *Костенко, Р.В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Р.В. Костенко. – СПб., 2006. – 35 с.

408. *Купряшина, Е.А.* Источники доказательств и критерии их оценки в уголовном процессе РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.А. Купряшина. – Воронеж, 2007. – 23 с.

409. *Курзинер, Е.Э.* Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.Э. Курзинер. – Челябинск, 2009. – 30 с.

410. *Кухта, А.А.* Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А.А. Кухта. – Н. Новгород, 2010. – 640 с.

411. *Ларина, Е.В.* Признание доказательств недопустимыми в российском уголовном судопроизводстве (в стадии предварительного расследования): автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Ларина. – М., 2005. – 32 с.

412. *Левченко, О.В.* Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / О.В. Левченко. – Краснодар, 2004. – 55 с.

413. *Лукожев, Х.М.* Проблемы поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Х.М. Лукожев. – Краснодар, 2006. – 24 с..

414. *Мамедов, Р.Я.* Способы собирания вещественных доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р.Я. Мамедов. – Краснодар, 2016. – 30 с.

415. *Марасанова, С.В.* Организационные и процессуальные проблемы деятельности суда присяжных: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.В. Марансанова. – М., 2002. – 28 с.

416. *Мельников, С.А.* Представительство в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.А. Мельников. – Ижевск, 2002. – 28 с.

417. *Меринов, Э.А.* Реализация института недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве (теория и практика): автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Э.А. Меринов. – Владивосток, 2007. – 23 с.

418. *Никитина, С.В.* Доказательственная деятельность суда при принятии процессуальных решений в досудебном производстве по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.В. Никитина. – Ульяновск, 2021. – 229 с.

419. *Пальчикова, Н.В.* Теоретические и практические проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Н.В. Пальчикова. – М., 2013. – 186 с.

420. *Перетятько, Н.М.* Оценка доказательств судом второй и надзорной инстанций в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.М. Перетятько. – Волгоград, 2008. – 22 с.

421. *Попов, В.С.* Участие адвоката-защитника в процессе доказывания и в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.С. Попов. – Челябинск, 2005. – 28 с.

422. *Россинский, С.Б.* Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / С.Б. Россинский. – М., 2015. – 40 с.

423. *Руденко, А.В.* Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.В. Руденко. – Краснодар, 2011. – 63 с.

424. *Сапов, Е.Ю.* Адвокат как представитель свидетеля в уголовном процессе: функции и полномочия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.Ю. Сапов. – Самара, 2012. – 25 с.

425. *Семенцов, В.А.* Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.А. Семенцов. – Екатеринбург, 1994. – 20 с.

426. *Сибилева, Н.В.* Допустимость доказательств в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Н.В. Сибилева. – Харьков, 1986. – 28 с.

427. *Сибирцев, Г.И.* Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Г.И. Сибирцев. – Саратов, 2018. – 239 с.

428. *Сутягин, К.И.* Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / К.И. Сутягин. – СПб., 2007. – 23 с.

429. *Сущенко, С.А.* Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.А. Сущенко. – М., 2020. – 30 с.

430. *Татаров, Л.А.* Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л.А. Татаров. – Ростов н/Д, 2006. – 28 с.

431. *Терехин, В.В.* Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): автореф. дис. …. д-ра юрид. наук [Текст] / В.В. Терехин. – Н. Новгород, 2016. – 52 с.

432. *Толмосов, В.И.* Проблемы допустимости доказательств на досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.И. Толмосов. – Самара, 2002. – 28 с.

433. *Турилов, Г.Г.* Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] Г.Г. Турилов / – Краснодар, 2002. – 205 с.

434. *Хмельницкая, Т.В.* Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Т.В. Хмельницкая. – Н. Новгород, 2016. – 34 с.

435. *Царева, Н.П.* Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.П. Царева. – Саратов, 2003. – 28 с.

436. *Чирков, Ф.В.* Оценка доказательств в ходе окончания предварительного следствия: автореф. дис. канд. ... юрид. наук [Текст] / Ф.В. Чирков. – Краснодар, 2012. – 25 с.

437. *Чистова, Н.И.* Признание недопустимыми доказательств, полученных на предварительном следствии: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Н.И.Чистова. – Краснодар, 2006. – 26 с.

438. *Ярцева, Л.С.* Деятельность адвоката-защитника по делам, рассматриваемым в суде с участием присяжных заседателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л.С.Ярцева. – Томск, 2005. – 28 с.

III. Материалы правоприменительной практики

439. Постановление ЕСПЧ от 6 декабря 1988 г. по делу «Бербера, Мессеге и Хабардо против Испании» (And Jabardo v. Spain) (жалоба № 10590/83) [Электронный ресурс]. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108956 (дата обращения: 12.12.2024).

440. Постановление ЕСПЧ от 7 июля 1989 г. (жалоба № 10857/84) по делу «Bricmont v. Belgium» [Электронный ресурс]. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-57611 (дата обращения: 12.12.2024).

441. Постановление ЕСПЧ от 27 октября 1993 г. по делу «Dombo Beheer BV v. Netherlands» (жалоба № 14448/88) [Электронный ресурс]. – URL: https://files.elsa.org/AA/EHRMCC/4th_edition/Best_Written_Submission_for_Applicant.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

442. Постановление ЕСПЧ от 23 апреля 1997 г. по делу «Van Mechelen and Othersv the Netherlands» (жалобы № 21363/93, 21364/93, 21427/93 и 22056/93) [Текст] // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. – Т. 2. – М.: Норма, 2000. – С. 440-454.

443. Постановлении ЕСПЧ от 30 июня 2008 г. по делу «Gafgetn v. Germany» (жалоба № 22978/05) [Текст] // Бюллетень ЕСПЧ. – 2008. – № 11.

444. Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2008 г. по делу «Roma v. Russia» [Текст] // Бюллетень ЕСПЧ. – 2009. – № 3.

445. Постановление ЕСПЧ от 28 июля 2008 г. по делу «Lee Davies v. Belgium» (жалоба № 18704/05) [Текст] // Бюллетень ЕСПЧ. – 2009. – № 12.

446. Постановление ЕСПЧ от 25 сентября 2008 г. по делу «Polufakina and Chernyshev v. Russia» (жалоба № 30997/02) [Текст] // Российская хроника Европейского Суда. – 2020. – № 4.

447. Постановление ЕСПЧ от 27 ноября 2008 г. по делу «Salduz v. Turkey» (жалоба № 36391/02) [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

448. Постановление ЕСПЧ от 10 марта 2009 г. по делу «Bykov v. Russia» (жалоба № 4378/02) [Текст] // Бюллетень ЕСПЧ. – 2009. – № 6.

449. Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2011 г. по делу «Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom» (жалобы № 26766/05 и 22228/06) [Текст] // Бюллетень ЕСПЧ. – 2012. – № 5.

450. Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2011 г. по делу «Huseyn and Others v Azerbaijan» (жалобы № 35485/05, 45553/05, 35680/05, 36085/05) [Электронный ресурс]. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-114260 (дата обращения: 12.12.2024).

451. Постановление ЕСПЧ от 23 октября 2012 г. по делу «Пичугин против Российской Федерации» (жалоба № 38623/03) [Текст] // Российская хроника Европейского Суда. – 2014. – № 4.

452. Постановление ЕСПЧ от 25 апреля 2013 г. по делу «Erkapic v Croatia» (жалоба № 51198/08) [Текст] // Бюллетень ЕСПЧ. – 2013. – № 9.

453. Постановлении ЕСПЧ от 23 июня 2015 г. по делу «Балта и Дэмир (Balta and Demir) против Турции» (жалоба № 48628/12) [Текст] // Бюллетень ЕСПЧ. – 2015. – № 10.

454. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 февраля 2013 г. № 74-О13-2сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 5.

455. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 5.

456. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за II полугодие 2009 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из Справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

457. Уголовное дело № 1-14/2018 (1-162/2017). УИД: 07RS002-01-2017-00099-22 // Архив Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики.

458. Уголовное дело № 1-7/2020 (1-105/2021; 1-16/2019; 1-151/2018). УИД: 07RS002-01-2018-000722-12 // Архив Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики.

459. Уголовное дело № 1-41/2024 (1-268/2022). УИД: 07RS0002-01-2022-002533-75 // Архив Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики.

IV. Электронные ресурсы

460. *Гаспарян, Н.С.* Принцип равноправия и состязательности сторон был поставлен под угрозу [Электронный ресурс] / Н.С. Гаспарян. – URL: https: // fparf.ru/news/fpa/printsip-ravnopraviya-i-sostyazatelnosti-storon-byl-postavlen-pod-ugrozu/ (дата обращения: 12.12.2024).

461. *Даль, В.И.* Толковый словарь великорусского языка [Электронный ресурс] / В.И. Даль. – URL: http://slovardalja.net/word.php?wordid=12193 / (дата обращения: 12.12.2024).

462. *Зинатуллин, З.З.* Проблема истины в современной уголовно-процессуальной науке [Электронный ресурс] / З.З. Зинатуллин. – URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm (дата обращения: 12.12.2024).

463. *Зотов, Д.В.* Роль «пределов доказывания» в системе уголовно-процессуального познания [Электронный ресурс] / Д.В. Зотов. – URL: https://justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=6007 (дата обращения: 12.12.2024).

464. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 12.12.2024).

465. *Россинский, С.Б.* Особенности «Невербального» способа познания в доказывании по уголовному делу [Электронный ресурс] / С.Б. Россинский // Baikal Research Journal. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-neverbalnogo-sposoba-poznaniya-v-dokazyvanii-po-ugolovnomu-delu (дата обращения: 12.12.2024).

466. Статистика Судебного департамента РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773 (дата обращения: 12.12.2024).

467. *Терехин, В.В.* О состязательном стандарте допустимости доказательств в уголовном процессе [Электронный ресурс] / В.В. Терехин. – URL: http://arbir.ru/miscellany/U18S858E55694-O-состязательном-стандарте-допустимости-доказательств-в-уголовном-процессе (дата обращения: 12.12.2024).

468. *Францифорова, С.Ю.* Равенство прав участников процесса – гарантия обеспечения их законных интересов в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс] / С.Ю. Францифорова. – URL: https://www.sovremennoe pravo.ru/m/articles/view/ Равенство-прав-участников-процесса-гарантия-обеспечения-их-законных-интересов-в-уголовном-судопроизводстве (дата обращения: 12.12.2024).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Карта эволюции допустимости доказательств

Период	Субъект	Процедура	Процессуальная форма	Ответственность должностных лиц	Исключение доказательств, признание недействительным. Процессуальные последствия
УУС 1864 г.	Судебный следователь, дознаватель, прокурор, суд.	1. Установлен запрет о недопустимости следователем «домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства. 2. Судебное преследование возможно только в установленном Уставом правилами «Никто не может быть привлечен к ответственности в нарушение порядка, определенного правилами сего Устава». 3. Недопущение ограничения прав участвующих в деле лиц.	1. Установлены требования к форме получения и закрепления доказательств: «Непредусмотрительна неполнота форм и обрядов». 2. В результате проведения следственных действия составлялся протокол. 3. Появилось понятие «существенное нарушение закона», под которым подразумевалось «существенное нарушение форм и обрядов» и с достоверностью. 4. Соблюдение формы направлено на получение удостоверения действительности совершения	1. Дисциплинарная (замечание, выговор, строгий выговор). 2. Административная. 3. Уголовная.	1. Нарушения процессуальной формы устранялись следователем путем проведения дополнительных действий по указанию прокурора. 2. Предусматривалось признание недействительным следственных действий, полученных с нарушением процессуальной формы. 3. Восстановление юридической силы доказательств допускалось путем проведения нового действия с соблюдением требований закона другим следователем. 4. Суд, при выявлении нарушений закона, признавал доказательства недопустимыми и передавал дело другому следователю, о чем выносилось определение. 5. Предусмотрена возможность обжалования в суде нарушения процессуальной формы. 6. Последствия: прекращение уголовного дела, направление

			преступления (достоверности) и установления степени виновности в целях установления истины.		дела на доследование, отмена приговора при существенном нарушении, неустранимом в судебном заседании.
УПК РСФСР 1923 г.	Следователь (дознаватель), прокурор, суд. Суд наделен правом самостоятельного сбора доказательств. Суд не ограничен никакими формальными доказательствами от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно. Суд мог сам пересоставить обвинительное заключение	1. Установлен запрет на применение насилия, угроз при допросе обвиняемого. 2. Установлен запрет на лишение или стеснение гарантированных законом прав сторон. 3. Не предусмотрена проверка достоверности.	1. Процессуальный порядок регламентирован лишь применительно к судебным учреждениям, но не к органам следствия и дознания. 2. При этом существенное нарушение форм судопроизводства являлось основанием для отмены приговора в кассационном порядке. Под существенными понимались нарушения статей УПК, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав сторон, при рассмотрении дела или иным путем, помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на вынесение правильного	1. Отсутствие какой-либо ответственности за нарушение требований закона.	1. Недопустимость доказательств, за исключением правил о недопустимости присяги, не существовало. Суд мог «закрыть глаза» на любое нарушение и принять доказательство в случае его соответствия нужной задаче. 2. Установлен запрет на прекращение дела под предлогом отсутствия, неполноты, неясности или противоречия законов суду воспрещается. В этом случае (и только в этом случае) дело возвращалось на доследование.

			приговора.		
УПК РСФСР 1960 г.	Дознаватель, следователь, прокурор, суд.	1. Установлена необходимость соблюдения процессуальной формы: собирание доказательств осуществляется в порядке, установленном Кодексом. 2. Установлена необходимость соблюдения конституционных прав участников судопроизводства. 3. Закреплена проверка и оценка доказательств: а) известность и возможность проверки их происхождения; б) компетентность и осведомленность лиц, от которых они исходят и которые их собирают; в) соблюдение общих правил доказывания; г) соблюдение правил	1. Установлена необходимость соблюдения формы и содержания. 2. Допустимость доказательства связывается с соблюдением процессуальной формы. 3. При этом отсутствует законодательное закрепление терминов допустимость и недопустимость. 4. Законодательно закреплено понятие существенного нарушения уголовно-процессуального закона, под которыми признаются такие нарушения требований статей Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать	1. Ответственность не предусмотрена. Но, исходя из смысла ст. 256, не исключалась уголовная ответственность.	1. Восполнение и реанимирование недопустимых доказательств невозможно. Устранить нарушения возможно только в исключительных случаях, путем проведении соответствующего следственного действия. 2. Не предусмотрена процедура и возможность исключения доказательств. 3. При этом указано, что доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 68 УПК РФ. 4. В случаях существенного нарушения уголовно-процессуального закона органами дознания или предварительного следствия суд мог направить дело на дополнительное расследование. 5. Предусмотрено исключение судом из разбирательства дела в суде присяжных доказательства, полученные с нарушением закона либо недопустимые по

		собирания данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений; д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле; е) отказ от использования в доказывании догадок, предположений.	дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.		иным основаниям. 6. Основанием для отмены или изменения приговора суда в кассационной инстанции является исследования в судебном заседании недопустимых доказательств, если это могло иметь существенное значение для исхода дела.
Концепция Судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 г.	Следователь, дознаватель, прокурор, суд. Адвокат-защитник, хоть и не стал субъектом доказывания, он наделен правом на представление доказательств (ч. 2 ст. 51).	1. Установлена необходимость соблюдения прав личности при проведении процедуры. 2. Необходимо соблюдать конституционные права участников судопроизводства. 3. Необходимо соблюдать правила собирания доказательств. 4. Проверка и оценка доказательств обязательные	1. Установлена процессуальная форма, которую необходимо соблюдать.	1. Процессуальная ответственность за нарушения норм УПК отсутствует.	1. При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Критерий недопустимости – нарушение федерального закона. Определены жесткие критерии допустимости доказательств и введение практики беспощадного аннулирования недопустимых материалов. 2. Возможность устранения допущенных нарушений в судебном заседании. В 1995 г. введен термин «нарушения закона, устранимые

		элементы доказывания.			(неустранимые) в судебном заседании». 3. Сформулировано правило о запрете использования недопустимых доказательств без каких-либо условий, критериев существенности таких нарушений в полном соответствии с идеями, заложенными в Концепции уголовного судопроизводства.
УПК РФ 2001 г.	Дознаватель, следователь, прокурор, суд. Адвокат-защитник, все еще не стал субъектом доказывания, но он наделен правом на собирание и представление доказательств (п. 3 ч. 1 ст. 53).	Законодательно закреплена необходимость: 1) соблюдения правил и средств судопроизводства; 2) соблюдения прав и свобод участников судопроизводства; 3) соблюдения принципов судопроизводства.	1. Закреплена необходимость соблюдения установленной законом процессуальной формы. 2. Допустимость доказательства связывается с соблюдением процессуальной формы. 3. При этом отсутствует законодательное закрепление терминов: допустимость и недопустимость доказательств, допустимого (недопустимого) доказательства, существенное нарушение уголовно-процессуального закона.	1. Процессуальная ответственность за нарушения норм УПК полностью отсутствует, поскольку на суд возложена обязанность по их выявлению и устранению, что, в свою очередь, нарушает принцип состязательности.	1. Сформулировано правило о запрете использования недопустимых доказательств, но с условием критериев существенности нарушений. 2. Возможность заявления и рассмотрения ходатайств об исключении доказательств (о признании их недопустимыми). 3. Возможность устранения допущенных нарушений в судебном заседании и восстановление юридической силы недопустимого доказательства.

			Сформулированы разные термины: «доказательство, полученное с нарушением федерального закона», «недопустимое доказательство», «доказательство, не имеющее юридической силы».		

Приложение 2. Карта эволюции существенных нарушений закона (с УУС 1864 г. до УПК РФ 2001 г.)

УУС 1864 г.	**УПК РСФСР 1923 г.**	**УПК РСФСР 1960 г.**	**УПК РФ 2001 г.**	**Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8**
Статьи 174 и 912. Жалобы и протесты на окончательные приговоры мировых судей и их съездов могут быть приносимы: 1) в случае явного нарушения прямого смысла закона и неправильного толкования его при определении преступного действия и рода наказания; 2) в случае нарушения	**Статья 415**. Существенными нарушениями форм судопроизводства признаются: 1) нарушения статей Уголовно-процессуального кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав сторон, при рассмотрении дела или иным путем, помешали суду	**Статья 345.** Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона признаются такие нарушения требований статей настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора. **Приговор подлежит отмене во всяком случае, если:** 1) судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 259 УПК РСФСР, уголовное дело не было прекращено; 2) приговор вынесен незаконным составом суда; 3) дело рассмотрено в отсутствие подсудимого в тех случаях, когда по закону его присутствие обязательно; 4) дело рассмотрено без участия защитника в тех случаях, когда по закону его участие обязательно; 5) нарушена тайна совещания судей при постановлении приговора;	**Статья 226[8].** Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона считается нарушение требований УПК РФ, повлекшие ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. **Статья 389[17].** Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона считаются: 1) лишение или ограничение гарантированных Кодексом прав участников уголовного судопроизводства, 2) несоблюдения процедуры судопроизводства, 3) иные нарушения, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. Основаниями отмены или изменения судебного решения в любом случае являются: 1) непрекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 254 УПК РФ; 2) вынесение судом решения незаконным	Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона считаются: 1. Нарушение при собирании и закреплении доказательств гарантированных Конституцией РФ прав человека и гражданина; 2. Нарушение установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка собирания и закрепления доказательств; 3. Собирание и закрепление

обрядов и форм судопроизводства столь существенных, что вследствие несоблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения. **При этом отсутствует перечень существенных нарушений обрядов и форм судопроизводства.**	всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на вынесение правильного приговора. **Приговор во всяком случае подлежит отмене:** 1) при неправильном составе суда; 2) в случае непрекращения дела судом при наличии условий, обязательно влекущих прекращение (ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса); 3) при рассмотрении	6) приговор не подписан кем-либо из судей; 7) в деле отсутствует протокол судебного заседания (ст. 415). **Статья 259 отсылает к статье 5 УПК:** **Статья 5.** **Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу.** Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению: 1) за отсутствием события преступления; 2) за отсутствием в деянии состава преступления; 3) за истечением сроков давности; 4) вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное деяние, а также ввиду помилования отдельных лиц; 5) в отношении лица, не достигшего к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, по достижении которого, согласно закону, возможна уголовная ответственность; 6) за примирением потерпевшего с обвиняемым по делам, возбуждаемым не иначе как по жалобам потерпевших, кроме случаев, предусмотренных частями второй и третьей статьи 27 настоящего предусмотренных частями второй и третьей статьи 27 настоящего Кодекса; 7) за отсутствием жалобы потерпевшего, если дело может быть	составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей; 3) рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 247 настоящего Кодекса; 4) рассмотрение уголовного дела без участия защитника, если его участие является обязательным в соответствии с настоящим Кодексом, или с иным нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника; 5) нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика; 6) непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон; 7) непредоставление подсудимому последнего слова; 8) нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора; 9) обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми; 10) отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении;	доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом; 4. Собирание и закрепление доказательств осуществлено в результате действий, не предусмотренных процессуальным и нормами.

	дела в отсутствии подсудимого, когда такое рассмотрение по закону не допускается; 4) в случае рассмотрения без участия защитника дела, в котором участие защитника является обязательным.	возбуждено не иначе как по его жалобе, кроме случаев, предусмотренных частью третьей ст. 27 УПК РСФСР, когда прокурору предоставлено право возбуждать дело, и при отсутствии жалобы потерпевшего; 8) в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего или возобновления дела в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам; 9) в отношении лица, о котором имеется по тому же обвинению вступивший в законную силу приговор суда либо определение или постановление суда о прекращении дела; 10) в отношении лица, о котором имеется неотмененное постановление органа дознания, следователя, прокурора о прекращении дела по тому же обвинению, кроме случаев, предусмотренных ст. 255 и 256 УПК РСФСР. **Следовательно, обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, являются существенными нарушениями закона.**	11) отсутствие протокола судебного заседания. **Статья 389[25].** Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона считаются: 1) ограничение прав прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств; 2) влияние нарушений на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов. **Статья 412[9].** Существенными нарушениями уголовного и (или) уголовно-процессуального закона считаются: 1) нарушения, повлиявшие на исход дела; 2) выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве	

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНА			
УУС 1864 г.	**УПК РСФСР 1923 г.**	**УПК РСФСР 1960 г.**	**УПК РФ 2001 г.**
Существенные нарушения обрядов и форм судопроизводства являются основанием для: 1. Подачи жалоб сторон и протестов товарища прокурора на окончательные приговоры мировых судей и их съездов в кассационном порядке (ст. 174, 912); 2. Прекращения дела судебной палатой, обращения его к доследованию или законному направлению (ст. 534).	**Существенные нарушения закона являются основанием для:** 1. Приостановления Пленумом губернского суда исполнения приговора и направления в Верховный Суд в порядке надзора (ст. 404, 428); 2. Отмены приговоров в кассационном порядке (ст. 413); 3. Отмены приговора губернским судом (ст. 421); 4. Прекращения производства по делу в порядке надзора (ст. 428); 5. Пересмотра дела в кассационном порядке по усмотрению прокурора для решения вопроса о дальнейшем направлении дела с преподанием народному суду, губернскому суду или трибуналу соответствующих указаний, в случаях же, когда приговор по делу уже вынесен, постановить либо об отмене приговора и передаче дела для нового рассмотрения в другой или тот же народный или губернский суд или трибунал в ином составе судей, либо о соответствующем изменении приговора. Означенное право принадлежит исключительно кассационной коллегии или пленуму Верховного суда, притом как в отношении губернских судов, так и военных и военно-транспортных трибуналов.	**Существенные нарушения закона являются основанием для:** 1. Возвращения дела для дополнительного расследования (ст. 232); 2. Отмены или изменению приговора в кассационном порядке (ст. 342); 3. Отмены или изменению приговора в порядке надзора (ст. 379).	**Существенные нарушения закона являются основанием для:** 1. Направления уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке (п. 3 ч. 1 ст. 226^{8}); 2. Отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке (ст. 389^{15}); 3. Отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей (ст. 389^{25}); 4. Отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке (ст. 401^{15}); Отмены или изменения судебного решения в порядке надзора (ст. 412^{9}).

Приложение 3. Карта эволюции состязательности в уголовном судопроизводстве России

Период	Процес-суаль-ный статус	Порядок участия	Обяза-тельное участие защит-ника	Права	Прочее
УУС 1864 г.	Защит-ник	Возможно участие защитника как по назначению, так и по соглашению (ст. 557, 565, 566, 583). При этом при назначении защитника не преду-смотрено впоследствии взыска-ние с подсуди-мого судебных издержек	Не предусмотрено	1. Возможность защитника общаться наедине с подсудимым, содержащимся под стражей (ст. 569). 2. Знакомиться с материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения (ст. 570). 3.Провозглашено равноправие сторон в состязательном процессе, в частности всем сторонам предоставляется 1) представлять в подтверждение своих показаний доказательства; 2) отводить по законным причинам свидетелей и сведущих людей, предлагать им с разрешения председателя суда вопросы, возражать против свидетельских показаний и просить, чтобы свидетели были передопрошены в присутствии или в отсутствии друг друга; 3) делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде, и 4) опровергать доводы и соображения противной стороны (ст. 630). 4. Участие в судебных прениях (ст. 736, 744, 745, 746). 5. Подсудимый через его защитника имеет право на апелляционное (ст. 865, 862) и кассационное обжалование (ст. 906). 6. Участие в апелляционной инстанции по удовлетворенному ходатайству (ст. 879). 7. Не запрещается участие в кассационной инстанции, и при явке предоставляется возможность дачи объяснений по делу (ст. 917, 921). 8. Возможность участия защитника по назначению	1. Защитники обвиняемых не могут быть допрошены в качестве свидетелей (ст. 93, 704, 709). 2. Закреплен запрет на осуществление защиты двух и более лиц одним защитником при наличии у них противоречий (ст. 567). 3. Не предусмотрено участие защитника на стадии исполнения приговора.

		в виде оплаты труда защит-ника.		(ст. 882). 9. Возможность обжалования меры пресечения (ст. 896). Сроки подачи таких жалоб не могут быть поданы в течение всего производства дела.	
УПК РСФСР 1923 г.	Защит-ник	В законе предусмотрена возможность участия защитника как по назначению, так по согла-шению.	Предусмотрены случаи обязательного участия защит-ника (ст. 55).	1. Подсудимый и его защитник, с момента его назначения или допущения, имеют право знакомиться с делом и выписывать из него нужные им сведения (ст. 252). 2. Право подсудимого задавать вопросы свидетелям, экспертам и другим подсудимым и давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия (ст. 277). 3. Возможность участия в судебных прениях (ст. 304). 4. Необязательность участия защитника в губернском суде (апелляция), однако его участие обязательно если по делу допущен обвинитель (ст. 381).	1. Защитники обвиняемых не могут быть допрошены в качестве свидетелей (ст. 61). 2. Допускается в качестве защитников члены коллегии защитников; близких родственников обвиняемого, уполномоченных представителей государственных учреждений и предприятий, а равно Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, Всероссийского Центрального Союза Потребительских Обществ и других профессиональных и общественных организаций (ст. 53). 3. Закреплен запрет на осуществление защиты двух и более лиц одним защитником при наличии у них противоречий (ст. 251). 3. Назначение защитника по делам, рассматриваемым в дежурных камерах, не обязательно (ст. 361).

					4. Не предусмотрено участие защитника на стадии исполнения приговора.
УПК РСФСР 1960 г.	Адвокат и защитник употребляются в качестве однозначных понятий. Законодательно закреплено право на защиту (ст. 19). При этом по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно защит-	В законе предусмотрена возможность участия защитника как по назначению, так по соглашению (ст. 48).	Предусмотрены случаи обязательного участия защитника (ст. 49).	1. Впервые закреплены права и обязанности защитника (ст. 51), среди прочих – право представлять доказательства; а также присутствовать при предъявлении обвинения и допросах обвиняемого и с разрешения следователя задавать вопросы обвиняемому; присутствовать при производстве других следственных действий и задавать с разрешения следователя вопросы свидетелю, потерпевшему и эксперту; делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия, в котором он принимал участие. При ознакомлении с материалами дела защитник обвиняемого имеет право: 1) иметь свидание с обвиняемым наедине; 2) знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения; 3) обсуждать с обвиняемым вопрос о заявлении ходатайств; 4) заявлять ходатайства о производстве следственных действий, истребовании и приобщении к делу доказательств и по всем иным вопросам, имеющим значение для дела; 5) заявлять отвод следователю, прокурору, эксперту, переводчику; 6) приносить прокурору жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие права защитника или обвиняемого; 7) присутствовать с разрешения следователя при производстве следственных действий, выполняемых по ходатайствам, заявленным обвиняемым и его защитником (ст. 202).	1. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого (ст. 51). 2. Защитники обвиняемых не могут быть допрошены в качестве свидетелей (ст. 72). 3. Установлен порядок оплаты труда защитника по назначению (ст. 107). 4. Следователь не вправе отказать подозреваемому, обвиняемому и его защитнику в допросе свидетелей, производстве экспертизы и других следственных действий по собиранию доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела. При этом установлены обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 131). 5. Допускаются в качестве защитников адвокаты, представители профессиональных союзов и других общественных организаций (ст. 47). 6. Закреплен запрет на

	ник не участ-вует (ст. 120).			2. В случае заявления ходатайства о выяснении обстоятельств, имеющих значение для дела, следователь обязан дополнить предварительное следствие. Если при дополнительно производимых следственных действиях присутствует защитник, он вправе с разрешения следователя задавать вопросы свидетелю, потерпевшему, эксперту и обвиняемому, а равно ходатайствовать о занесении в протокол данных, имеющих значение для дела. Следователь может отнести вопросы, предлагаемые защитником, однако отведенный вопрос должен быть занесен в протокол (ст. 204). 3. Право кассационного обжалования и участия при рассмотрении жалобы (ст. 325, 335). 4. Появилась возможность участия защитника при применении мер медицинского характера (ст. 405).	осуществление защиты двух и более лиц одним защитником при наличии у них противоречий (ст. 47). 7. Закреплен принцип равенства прав участников судебного разбирательства (ст. 245), на досудебной стадии такого права не предусмотрено. 8. Не предусмотрено участие защитника на стадии исполнения приговора.
Концепция Судебной реформы 1991	Адвокат и защитник употребляются в качестве однозначных понятий. Главными задачами реформы является защита и неуклонное соблюде	В законе предусмотрена возможность участия защитника как по назначению, так по соглашению.	Предусмотрены случаи обязательного участия защитника.	Отмечалось, что на судебной стадии судья вправе признавать доказательствами представленные сторонами материалы, указывать на необходимость их пополнения, проведения дополнительных следственных действий, признавать собранные данные недостаточными для предъявления обвинения в суде.	1. Регламентирован порядок выплат адвокатам из средств республиканского бюджета РСФСР за участие в процессе по назначению (Разд. 12). 2. Декларировалось право на возможность самостоятельно собирать доказательства по делу, допустимость которых устанавливается законом. Отмечалось, что ничем не может быть ограничено право адвоката встречаться с очевидцами события и другими лицами, располагающими какими-либо сведениями по делу, требовать их вызова и допроса. 3. Произошло разделение и

	ние основ-ных прав и свобод человека, конституционных прав граждан в судопроизводстве. В Конституции РФ, закреплено право на защиту (ст. 50).				персонификация функций обвинения, защиты и разрешения дела, не только равноправие сторон обвинения и защиты, но и провозглашено предоставление им в законодательном порядке равных возможностей по воздействию на окончательное решение суда. 4. В кассационном производстве запрещен поворот к худшему, который действует без каких-либо ограничений. 5. В Конституции РФ закреплен принцип состязательности и равноправия сторон защиты и обвинения (ст. 123).
УПК РФ 2001 г.	В качестве защитников участвуют адвокаты, наряду с адвокатом один из близких родствен	В законе предусмотрена возможность участия защитника как по назначению, так по соглашению	1. Закреплено право на защиту (ст. 16). 2. Предусмотрены случаи обязательного участия защит-ника	1. Закреплены полномочия защитника (ст. 53), в том числе 1) иметь с подозреваемым, обвиняемым; 2) собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи; 3) привлекать; 4) присутствовать при предъявлении обвинения; 5) участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника; 6) знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны	1. Закреплены принципы состязательности сторон (ст. 15), презумпция невиновности (ст. 14), равенство сторон (ст. 244) – только на судебной стадии. 2. Запрет на допрос адвоката, защитника об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о

	ников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката (ст. 49). Полномочия удостоверяются ордером и удостоверением адвоката (49).	(ст. 50).	(ст. 51).	были предъявляться подозреваемому, обвиняемому; 7) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств; 8) заявлять ходатайства и отводы; 9) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, а также в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора; 10) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора, суда и участвовать в их рассмотрении судом; 11) использовать иными не запрещенные средствами и способами защиты (ст. 53). 2. Подозреваемый, обвиняемый, вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. 3. Защитник вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ст. 86). 4. Закреплен порядок обжалования действий и бездействий органов предварительного расследования (ст. 124, 125). 5. В обвинительном заключении и акте указывается перечень доказательств, на которые ссылается сторона	допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого (ст. 56). 3. Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 56). 4. К недопустимым доказательствам относятся показания, данные в отсутствие защитника (ст. 75). 5. К процессуальным издержкам отнесены суммы, выплачиваемые адвокату случае его участия в уголовном судопроизводстве по назначению; за счет средств федерального бюджета (ст. 131). 6. Возможность участия в стадии исполнения приговора (ст. 399).

				защиты, и краткое изложение их содержания (ст. 220 и 225). 6. Заявлять ходатайства об исключении доказательств (ст. 235). 7. Возможность участия в судебном заседании с помощью ВКС (ст. 241^{1}). 8. При заключении досудебного соглашения участие защитника в судебном заседании обязательно (ст. 317^{7}). 9. Возможность участвовать в реплике (ст. 337). 10. Право подачи апелляционной (ст. 389^{1}), кассационной (ст. 401^{2}), надзорной жалобы (ст. 412^{2}), по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 413), а также возможность участия в судебных заседаниях во всех названных инстанциях (ст. 389^{12}). 11. В производстве о применении принудительных мер медицинского характера участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле (ст. 438).	

Приложение 4.

Регламент

получения, собирания и закрепления защитником доказательств при осуществлении им своих профессиональных обязанностей по уголовному делу

I. Общие положения.

Настоящий Регламент определяет порядок получения, собирания и закрепления адвокатом доказательств по уголовному делу.

Регламент разработан на основании положений, закрепленных в Конституции РФ, УПК РФ и Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Собранные адвокатом доказательства не должны привести к ухудшению положений лица, интересы которого адвокат представляет.

II. Основные положения.

С момента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе собирать доказательства путем:

1. Получения предметов, документов и иных сведений.

Адвокат-защитник имеет право получить предметы, документы и иные сведения, имеющие значение для уголовного дела, по которому им принято поручение на осуществление защиты, у любых физических и юридических лиц с их согласия на добровольной основе. Недопустимо принуждение к этому со стороны адвоката.

При осуществлении защитником своих полномочий, в том числе направленных на собирание доказательств, должны соблюдаться принципы уголовного процесса, а также права и интересы граждан.

Адвокат до передачи предметов, документов или иных сведений получает от их обладателя письменное заявление, в котором указывается, что он добровольно желает передать их адвокату.

Добровольная передача предмета, документа или иных сведений производится в присутствии двух граждан и(или) сопровождается видео фиксацией.

Адвокат получает предмет, документ, иные сведения у владельца, при этом он составляет протокол, содержащий дату, время, место совершения передачи, сведения об участниках и(или) используемом техническом средстве видео фиксации, подробное описание передаваемого объекта, способ упаковки. По окончании составления протокола с его содержанием знакомятся все участвующие лица, которые могут делать замечания и заявления. Протокол подписывается всеми участвующими лицами, при наличии замечаний и заявлений они заносятся в протокол.

В процессе получения предметов, документов, иных сведений запрещается использование незаконных методов.

2. Опроса лиц с их согласия.

Адвокат-защитник имеет право проводить опрос лиц, владеющих информацией по уголовному делу, по которому адвокат осуществляет защиту. Опрос производится с согласия таких лиц.

Адвокат при наличии согласия лица на опрос разъясняет ему положения ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» в части права адвоката на сбор сведений, необходимых для оказания юридической помощи, а также положения ч. 1 ст. 51 Конституции РФ. Опрашиваемый дает письменное согласие (заявление) на опрос.

Протокол опроса может быть составлен от руки или изготовлен с помощью технических средств. При проведении опроса могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма

и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи передаются защитником на основании его ходатайства лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и хранятся при уголовном деле.

По результатам опроса адвокат – защитник составляет протокол опроса, в котором указывает сведения об адвокате, опрашиваемом лице, разъясненных положениях закона, примененных технических средствах при фиксации хода опроса, подробное описание полученных от лица сведений, указание на источник осведомленности, а также наличие или отсутствие заявлений, замечаний на протокол опроса. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этого лица.

Протокол опроса подписывается опрашиваемым лицом и адвокатом-защитником.

В ходе опроса запрещается обещание награды и оказание давления на опрашиваемое лицо в целях получения необходимых сведений.

3. Истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций и объединений.

Адвокат вправе собирать доказательства путем истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Истребование документов производится на основании адвокатского запроса, форма которого утверждена Министерством юстиции РФ. Путем запросов адвокатов могут быть, например, истребованы сведения относительно: места жительства, учебы, работы граждан; местонахождения, даты регистрации, деятельности, состава учредителей и участников юридических лиц; состояния здоровья и перенесенных заболеваниях; нахождения на учете в психоневрологических диспансерах граждан; а также иные различные справки, архивные материалы и пр.

При получении сведений адвокат принимает решение о целесообразности их приобщения к материалам уголовного дела, исходя из избранной тактики защиты.

Адвокат-защитник, считая целесообразным приобщение полученных сведений, предоставляет их в орган предварительного расследования вместе с ходатайством о приобщении доказательств к материалам уголовного дела.

III. Ответственность.

За неисполнение Регламента, а также несоблюдение требований Конституции РФ, УПК РФ и Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат может быть привлечен к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности.

Приложение 5.

Протокол

получения защитником предметов, документов и иных сведений

г. _____ «____» _____ 20__ г.
Опрос начат в ____ ч. _____ мин.
Опрос окончен в _____ ч. _____ мин.
Адвокат *ФИО, наименование адвокатского образования, номер в реестре адвокатов, номер и дата выдачи удостоверения адвокатов*, в соответствии со ст. 6 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» производил опрос лица с его согласия
Фамилия, имя, отчество

_____

Дата рождения

_____

Место рождения

_____

Место жительства (или регистрации)

_____

Гражданство_____
Место работы или учебы, род занятий, должность

_____

Телефоны

_____

Паспорт или иной документ, удостоверяющий личность

_____

Иные данные о личности

_____

Мне разъяснено положение ст. 51 Конституции РФ, согласно которой никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

_____

При получении предметов, документов и иных сведений мне разъяснено право добровольной выдачи. Предметы, документы и иные сведения мной выдаются добровольно без принуждения.

_____

В ходе получения предметов, документов и иных сведений проводилось видео- и аудио-фиксация.

Описание добровольного получения предметов, документов и (или) иных сведений

_____

Настоящий протокол составлен верно, мною прочитан

_____

После ознакомления с протоколом замечания _____(не) поступили.
Содержание замечаний _____
Подпись и ФИО лица, добровольно выдавшего предметы, документы и (или) иные сведения

_____

Протокол составлен адвокатом подпись ФИО_____

Приложение 6.

Протокол

опроса лица с его согласия, проведенного защитником

г. _____ «____» _____ 20__ г.

Опрос начат в ____ ч. _____ мин.
Опрос окончен в _____ ч. _____ мин.

Адвокат *ФИО, наименование адвокатского образования, номер в реестре адвокатов, номер и дата выдачи удостоверения адвокатов*, в соответствии со ст. 6 Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» производил опрос лица с его согласия

Фамилия, имя, отчество
_____

Дата рождения
_____

Место рождения
_____

Место жительства (или регистрации)
_____

Гражданство_____
Место работы или учебы, род занятий, должность
_____

Телефоны
_____

Паспорт или иной документ, удостоверяющий личность
_____

Иные данные о личности
_____

Мне разъяснено положение ст. 51 Конституции РФ, согласно которой никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.
_____

При производстве опроса проводилось видео- и аудио - фиксация хода опроса.

Опрос производится с моего согласия _____

Содержание опроса _____
_____

Настоящий протокол составлен верно, мною прочитан
_____

После ознакомления с протоколом замечания _____(не) поступили.

Подпись и ФИО опрашиваемого лица _____
_____

Протокол составлен адвокатом подпись ФИО _____

Приложение 7. Предложения по совершенствованию законодательства

I. Изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

1. Дополнить статью 5 УПК РФ следующими основными понятиями:

«*доказывание – регламентированная уголовно-процессуальным законодательством деятельность субъектов доказывания по собиранию, проверке и оценке сведений о фактах и событиях совершенного преступления, направленную на установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ, полученных с соблюдением требований законности, в целях принятия законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения по делу*»;

«*допустимое доказательство – полученное установленным законом надлежащим субъектом доказывания в пределах его полномочий с соблюдением: требований Конституции РФ и УПК РФ, принципов уголовного судопроизводства, прав и свобод его участников, а также с соблюдением процессуальной формы и в пределах установленных процессуальных сроков*»;

«*недопустимое доказательство – полученное с нарушением принципов уголовного судопроизводства, или прав его участников, или из ненадлежащего источника; сформированное ненадлежащим субъектом или с нарушением установленного порядка производства по уголовному делу*».

«*собирание доказательств – совокупность процессуальных действий субъектов доказывания, направленных на поиск, обнаружение и закрепление сведений о фактах и событиях совершенного преступления, подтверждающих наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ*»;

«*проверка доказательств – совокупность процессуальных действий субъектов доказывания, направленных на установление источников доказательств, их анализ и сопоставление, а также устранение выявленных противоречий в собранных сведениях о фактах и событиях с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ*»;

«*оценка доказательств – основанная на внутреннем убеждении мыслительно-логическая (познавательная) деятельность субъектов доказывания, направленная на выявление и устранение противоречий в сведениях о фактах и событиях совершенного преступления, а также определение качества собранных сведений на предмет их соответствия свойствам относимости, допустимости, достоверности и достаточности*».

2. Дополнить часть 1 статьи 7 УПК РФ определением принципа законности следующего содержания: *«На всех стадиях производства по уголовному делу гарантируется неукоснительное соблюдение судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания и дознавателем, а также всеми лицами, вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений, требований действующего законодательства, устанавливающего порядок производства по уголовному делу для достижения назначения уголовного судопроизводства».*

3. Привести нормы УПК РФ в соответствие с нормами статьи 123 Конституции РФ, изменить название статьи 15 УПК РФ и ее часть первую изложить в следующей редакции:

«*Статья 15. Состязательность и равноправие сторон*

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Участникам уголовного судопроизводства, выступающим на стороне обвинения и защиты, предоставляются равные права и возможности для отстаивания своих

интересов на всех этапах производства по уголовному делу, в том числе при собирании доказательств».

4. В целях реализации права защитника на собирание доказательств представляется целесообразным изменить часть 4 статьи 21 УПК РФ, изложив в следующей редакции:

«*4. Требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, дознавателя, а также запросы защитника, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами*».

5. Дополнить часть 1 статьи 53 УПК РФ пунктом 12 следующего содержания:

«*12) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому защитник оказывает юридическую помощь с разъяснением правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по статье 307 УК РФ и отказ от дачи показаний по статье 308 УК РФ в случае их последующего допроса в качестве свидетелей».*

6. Изменить часть 1 статьи 74 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«*1. Доказательствами по уголовному делу являются это сведения о фактах и событиях совершенного преступления, подтверждающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со статьей 73 УПК РФ, сформированные сторонами – субъектами уголовно-процессуального доказывания в подтверждение своей правовой позиции по уголовному делу».*

7. Дополнить пункт 5 части 2 статьи 74 УПК РФ и изложить его в следующей редакции:

«*5) протоколы следственных и судебных действий, а также протоколы, составленные защитником: протокол получения предметов защитником и протокол опроса лица с его согласия, проведенного защитником*»;

8. Дополнить статью 75 УПК РФ частью 3 следующего содержания:

«*3. Существенными нарушениями закона, влекущими признание доказательств недопустимыми, являются:*

получение доказательств ненадлежащим субъектом либо надлежащим субъектом, но за пределами его полномочий;

нарушение при собирании и закреплении доказательств требований Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в части, не противоречащей Конституции РФ, УПК РФ и (или) иных законов;

нарушение при собирании и закреплении доказательств прав и свобод участников уголовного судопроизводства,

нарушение при собирании и закреплении доказательств установленных законом требований к их процессуальной форме и содержанию».

9. Изменить часть 3 статьи 86 УПК, а также дополнить данную статью частями 3^1 и 3^2 следующего содержания:

«*3. Защитник вправе собирать доказательства путем:*

1) получения предметов, документов и иных сведений;

2) опроса с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому он оказывает юридическую помощь, с разъяснением правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (статья 307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (статья 308 УК РФ);

3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять безвозмездно запрашиваемые документы или их копии не позднее пяти дней со дня получения соответствующего адвокатского запроса».

3^1. Собранные защитником сведения являются доказательствами по уголовному делу и приобщаются к его материалам на основании заявленного ходатайства, которое рассматривается в сроки, установленные статьей 121 настоящего Кодекса.

3^2. Сведения о лицах, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому защитник оказывает юридическую помощь, передаются органам предварительного расследования и суду путем заявления ходатайства об их допросе, которое рассматривается в порядке статей 120-122 настоящего Кодекса и подлежит обязательному удовлетворению».

10. Изложить часть 2 статьи 119 УПК РФ в следующей редакции:

«*2. Ходатайство заявляется дознавателю, следователю либо в суд, которые не вправе отказать в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, собранных защитником в соответствии с требованиями части 3 статьи 86 настоящего Кодекса, после их проверки по критериям относимости, допустимости и достоверности, установленным статей 87 настоящего Кодекса*»;

11. Изменить статью 122 УПК РФ, дополнив ее абзацем вторым следующего содержания: «*Ходатайство защитника о допросе свидетелей или приобщении к материалам уголовного дела собранных им в порядке части 3 статьи 86 настоящего Кодекса доказательств подлежит обязательному удовлетворению*».

12. Дополнить УПК РФ статьей 166^1 и 166^2 следующего содержания:

«Статья 166^1. Протокол получения защитником предметов, документов и (или) иных сведений

1. Протокол получения защитником предметов, документов и (или) иных сведений составляется в ходе указанного действия или непосредственно после его окончания.

2. В протоколе указываются:

1) место и время составления протокола;

2) сведения об адвокатском образовании или защитнике, производящем получение предметов и (или) документов, включая номер в реестре адвокатов, номер и дата выдачи удостоверения адвокатов;

3) сведения о разъяснении лицу положений статьи 51 Конституции РФ и статьи 6 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»;

4) фамилия, имя и отчество;

5) дата и место рождения;

6) гражданство;

7) место работы или учебы, род занятий или должность;

8) место жительства;

9) контактные данные;

10) данные паспорта или иного документа, удостоверяющего личность лица, добровольно выдающего предметы, документы и (или) иные сведения;

11) иные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

3. Протокол получения защитником предметов, документов и (или) иных сведений может быть составлен от руки или изготовлен с помощью технических средств, при его составлении могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи передаются защитником на основании ходатайства лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и хранятся при уголовном деле. О приобщении протокола получения

защитником предметов, документов и (или) иных сведений к материалам уголовного дела следователь (дознаватель) выносит постановление.

4. До начала получения предметов, документов и (или) иных сведений защитник разъясняет лицу право на их добровольную выдачу. Принудительное получение (изъятие) предметов, документов и (или) иных сведений запрещается.

5. Протокол получения предметов, документов и (или) иных сведений предъявляется для ознакомления лицу, который выдает предметы и (или) документы и ему разъясняется право делать подлежащие внесению в протокол замечания, дополнения и уточнения. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этого лица.

6. Протокол получения предметов, документов и (или) иных сведений подписывается защитником и лицом, который выдает предметы и (или) документы».

«Статья 166[2]. Протокол опроса лица с его согласия, проведенного защитником

1. Опрос лица с *его согласия проводится защитником по правилам статьи 190 настоящего Кодекса с особенностями, установленными настоящей статьей. Результаты и ход опроса отражаются в протоколе, где указываются:*

1) место и время составления протокола;

2) сведения об адвокатском образовании или защитнике, производящем опрос, включая номер в реестре адвокатов, номер и дата выдачи удостоверения адвоката;

3) сведения о разъяснении опрашиваемому лицу положений статьи 51 Конституции РФ и статьи 6 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также правовых последствий и возможном их привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по статье 307 УК РФ и отказ от дачи показаний по статье 308 УК РФ в случае его последующего допроса в качестве свидетеля;

4) фамилия, имя и отчество;

5) дата и место рождения;

6) гражданство;

7) место работы или учебы, род занятий или должность;

8) место жительства;

9) контактные данные;

10) данные паспорта или иного документа, удостоверяющего личность опрашиваемого;

11) иные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

2. Протокол опроса может быть составлен от руки или изготовлен с помощью технических средств. При проведении опроса могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи передаются защитником на основании ходатайства лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и хранятся при уголовном деле. О приобщении протокола опроса к материалам уголовного дела следователь (дознаватель) выносит постановление.

3. Протокол опроса предъявляется для ознакомления опрашиваемому лицу, которому разъясняется право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этого лица.

4. Протокол опроса подписывается защитником и опрашиваемым лицом».

11. Изменить часть 1 статьи 235 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«*1. Стороны в судебном разбирательстве заявляют ходатайство о признании доказательств недопустимыми в письменной форме, копия которого передается другой стороне в день заявления для составления письменного мотивированного возражения*».

– дополнить статью 235 УПК РФ частью 8 следующего содержания:

«*8. Требования настоящей статьи распространяются также на стадию производства в суде первой инстанции*».

12. Изменить часть 2 статьи 256 УПК РФ, дополнив перечень «определений и постановлений, которые выносятся в совещательной комнате и излагаются в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или судьями» текстом следующего содержания: «*постановления (определения) о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми*».

13. Изменить часть 1 статьи 271 и изложить в следующей редакции:

«*1. Председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или о признании доказательств недопустимыми. Лицо, заявившее ходатайство, должно его обосновать. Ходатайства о признании доказательств недопустимыми предоставляются суду в письменной форме*».

14. Изменить часть 3 статьи 389^{2} УПК РФ, включив в перечень судебных постановлений, подлежащих апелляционному обжалованию, «*постановления (определения) о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми*».

15. Изложить часть 4 статьи 389^{2} УПК РФ в следующей редакции*:*

«*4. Обжалование определений или постановлений, вынесенных во время судебного разбирательства, не приостанавливает судебное разбирательство, за исключением определений (постановлений) о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми.*

На постановление (определение) суда о разрешении ходатайства о признании доказательств недопустимыми может быть подана апелляционная жалоба в течение трех суток со дня его вынесения. При обжаловании определений (постановлений) суда о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми, производство по делу приостанавливается до рассмотрения жалобы судом апелляционной инстанции. Дальнейшее обжалование определений и постановлений суда о разрешении ходатайств о признании доказательств недопустимыми возможно только вместе с итоговым решением по делу».

16. В целях единообразного понимания существенности нарушений закона представляется необходимым внести изменения и в статьи 226^{8}, 389^{15}, 389^{25}, 401^{15}, 412^{9} УПК РФ, в которых при указании на существенность нарушений закона сделать ссылку на часть 3 статьи 75 УПК РФ в измененной редакции.

II. Изменения и дополнения в федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

17. Изменить пункт 2 части 3 статьи 6 Закона, изложив его в следующей редакции:

«*2) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, с разъяснением правовых последствий и возможном привлечении к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по статье 307 УК РФ и отказ от дачи показаний по статье 308 УК РФ в случае их последующего допроса в качестве свидетелей*».

18. Изложить часть 2 статьи 6^{1} в следующей редакции:

«*2. Учреждения, предприятия, организации, должностные лица и граждане, которым направлен адвокатский запрос, обязаны предоставить на него ответ безвозмездно в письменной форме с приложением запрашиваемых документов или их заверенных копий в пятидневный срок со дня его получения*».

Приложение 8. Сравнительная таблица существенных нарушений закона по УПК РФ и постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»	**Статья 226[8]. Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением**	**Статья 389[17]. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона**	**Статья 389[25]. Отмена оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей**	**Статья 401[15]. Основания отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке**	**Статья 412[9]. Основания отмены или изменения судебных решений в порядке надзора**
Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона считаются: 1. Нарушение при собирании и закреплении доказательств гарантированных Конституцией РФ прав человека и гражданина. 2. Нарушение установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка собирания и закрепления доказательств. 3. Собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом.	Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона считается: Нарушение требований УПК РФ, повлекшие ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.	Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона считаются: 1. Лишение или ограничение гарантированных Кодексом прав участников уголовного судопроизводства. 2. Несоблюдения процедуры судопроизводства. 3. Иные нарушения, которые повлияли или могли повлиять на	Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона считаются: 1. Ограничение прав прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств. 2. Влияние нарушений на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на	Существенными нарушениями уголовного и (или) уголовно-процессуального закона считаются: 1. Нарушения, повлиявшие на исход дела. 2. Выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.	Существенными нарушениями уголовного и (или) уголовно-процессуального закона считаются: 1. Нарушения, повлиявшие на исход дела. 2. Выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

4. Собирание и закрепление доказательств осуществлено в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами.		вынесение законного и обоснованного судебного решения.	содержание данных присяжными заседателями ответов.		

Приложение 9. Сводные данные о результатах изучения уголовных дел

Год	Кол-во уголовных дел	Кол-во заявленных ходатайств об исключении доказательств	Этап заявления ходатайства	Форма ходатайства	Удовлетворено	Частично удовлетворено	Отказано в удовлетворении	С удалением в совещательную комнату	Без удаления в совещательную комнату	Результат по уголовному делу
2020	40	2	Судебное следствие	Письменная	0	1	1	0	2	Обвинительный приговор
2021	47	3	Судебное следствие	Письменная	1	1	1	1	2	Обвинительный приговор
2022	39	2	Судебное следствие	Письменная	0	1	1	0	2	Обвинительный приговор
2023	48	4	Судебное следствие	Письменная	1	1	2	1	3	Оправдательный приговор
2024	41	3	Судебное следствие	Письменная	0	2	1	0	3	Обвинительный приговор

Приложение 10. Анкета для опроса судей, адвокатов и прокуроров

Уважаемый респондент, данная анкета является анонимной. Полученные сведения будут использованы в диссертационном исследовании. При ответе на вопрос можно отметить один или несколько из предложенных вариантов ответа, либо выразить собственное мнение по поставленному вопросу. Благодарим за помощь в исследовании.

1. **Пол:**
   1) мужской;
   2) женский.

2. **Возрастная группа:**
   1) до 25;
   2) от 25 до 30;
   3) от 31 до 40;
   4) старше 41.

3. **Занимаемая должность:**
   1) судья;
   2) адвокат;
   3) прокурор.

4. **Стаж работы в данной должности:**
   1) до 1 года;
   2) от 1 года до 5 лет;
   3) от 5 лет до 15 лет;
   4) свыше 15 лет.

5. **Считаете ли актуальной проблему допустимости доказательств:**
   1) да;
   2) нет.

6. **Доказательства должны быть признаны недопустимыми:**
   1) только при существенном нарушении требований УПК РФ;
   2) при любом нарушении закона, даже если нарушение является несущественным.

7. **Нуждается ли в корректировке ст. 75 УПК РФ, закрепляющая положение о недопустимых доказательствах:**
   1) да, в связи с отсутствием в ней исчерпывающего перечня оснований для признания доказательств недопустимыми;
   2) да, в связи с отсутствием в ней указаний на процедуру признания доказательств недопустимыми;
   3) да, по иным причинам;
   4) нет.

8. **Что является причинами нарушений норм УПК РФ в процессе сбора доказательств:**
   1) пренебрежение требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ в процессе, сбора и закрепления доказательств по уголовному делу;
   2) недостаточно четкий законодательный механизм закрепления института недопустимости доказательств в уголовно-процессуальном законе;
   3) некомпетентность сотрудников правоохранительных органов;
   4) другие причины.

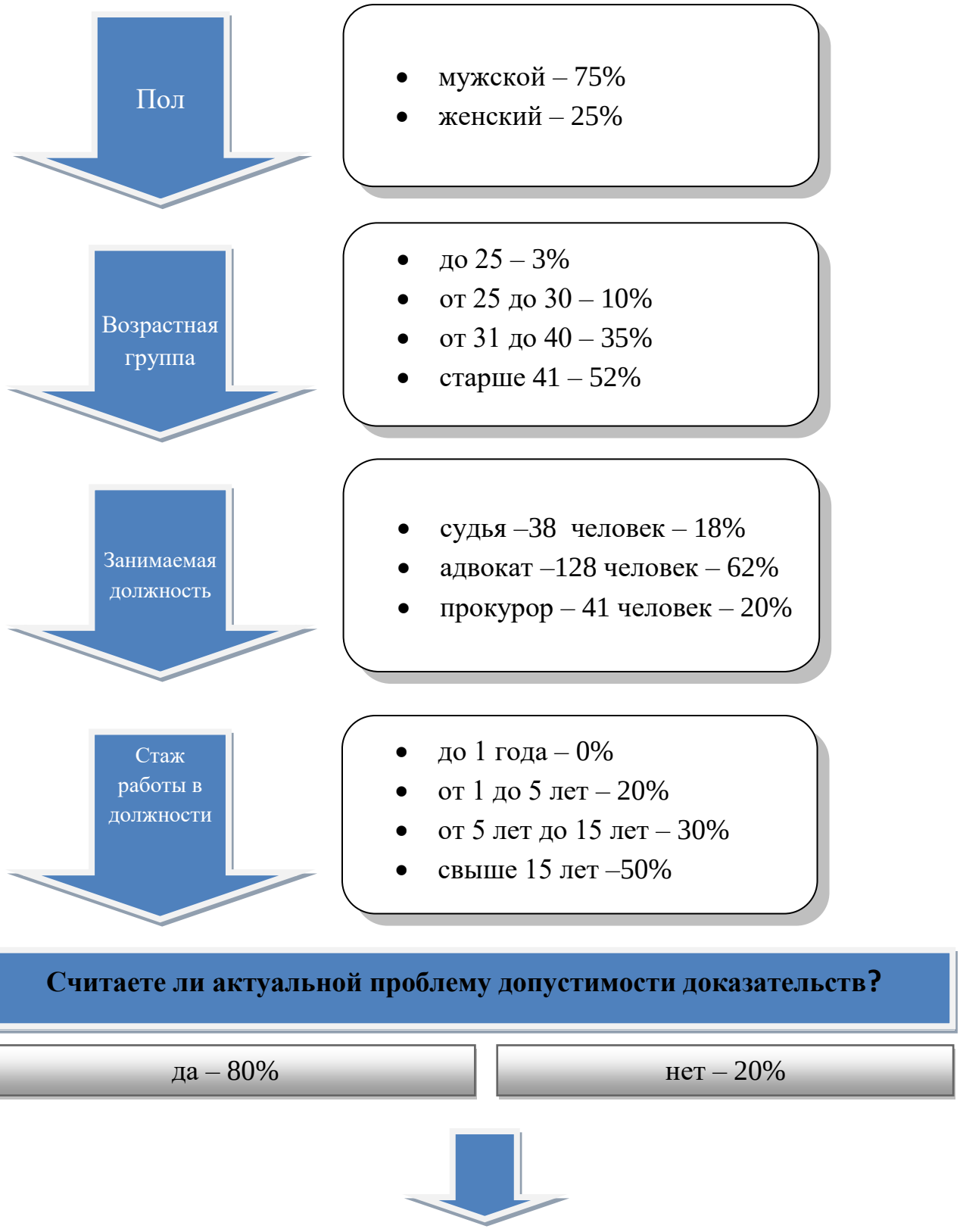
9. **Имеется необходимость закрепить в УПК РФ положение об устранимых нарушениях закона:**
   1) да;
   2) нет.

10. **Какие процессуальные последствия на практике приводит исключение недопустимых доказательств:**
   1) прекращение уголовного дела, преследования;
   2) вынесение оправдательного приговора;
   3) отправление дела для проведения дополнительного расследования;
   4) вынесение обвинительного приговора с более мягким наказанием;
   5) исключение недопустимых доказательств не влияет на наказание.

11. Как часто сторонами заявляется ходатайство о признании доказательств недопустимыми? Вопрос адресован:
   1) судьям;
   2) адвокатам;
   3) прокурорам;

Спасибо за участие в исследовании!

Приложение 11. Результаты анкетирования практических работников

Доказательства должны быть признаны недопустимыми:

только при существенном нарушении требований УПК РФ – 60%

при любом нарушении закона, даже если нарушение является несущественным – 40%

Нуждается ли в корректировке ст. 75 УПК РФ, закрепляющая положение о недопустимых доказательствах:

1) да, в связи с отсутствием в ней исчерпывающего перечня оснований для признания доказательств недопустимыми – 40%
2) да, в связи с отсутствием в ней указаний на процедуру признания доказательств недопустимыми – 35%
3) да, по иным причинам – 20%
4) нет – 5%

Что является причинами нарушений норм УПК РФ в процессе сбора доказательств?

1) нарушение требований Уголовно-процессуального кодекса РФ в процессе сбора и закрепления доказательств по уголовному делу – 30%
2) недостаточно четкий законодательный механизм закрепления института недопустимости доказательств в уголовно-процессуальном законе – 10%
3) некомпетентность сотрудников правоохранительных органов – 60%
4) другие причины – 0%

Имеется необходимость закрепить в УПК РФ положение об устранимых нарушениях закона?

да – 80%	нет – 20%

Какие процессуальные последствия на практике приводит исключение недопустимых доказательств?

1) прекращение уголовного дела, уголовного преследования – 2%
2) вынесение оправдательного приговора – 2%
3) отправление дела для проведения дополнительного расследования – 20%
4) вынесение обвинительного приговора с более мягким наказанием – 76%

Как часто адвокатами заявляется ходатайство о признании доказательств недопустимыми

Из 128 опрошенных адвокатов только 6 (4,69 %) практикуют периодически в своей деятельности заявление ходатайств о признании доказательств недопустимыми